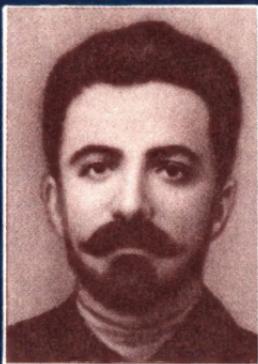
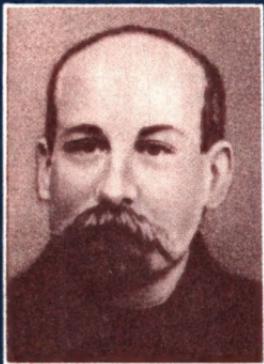

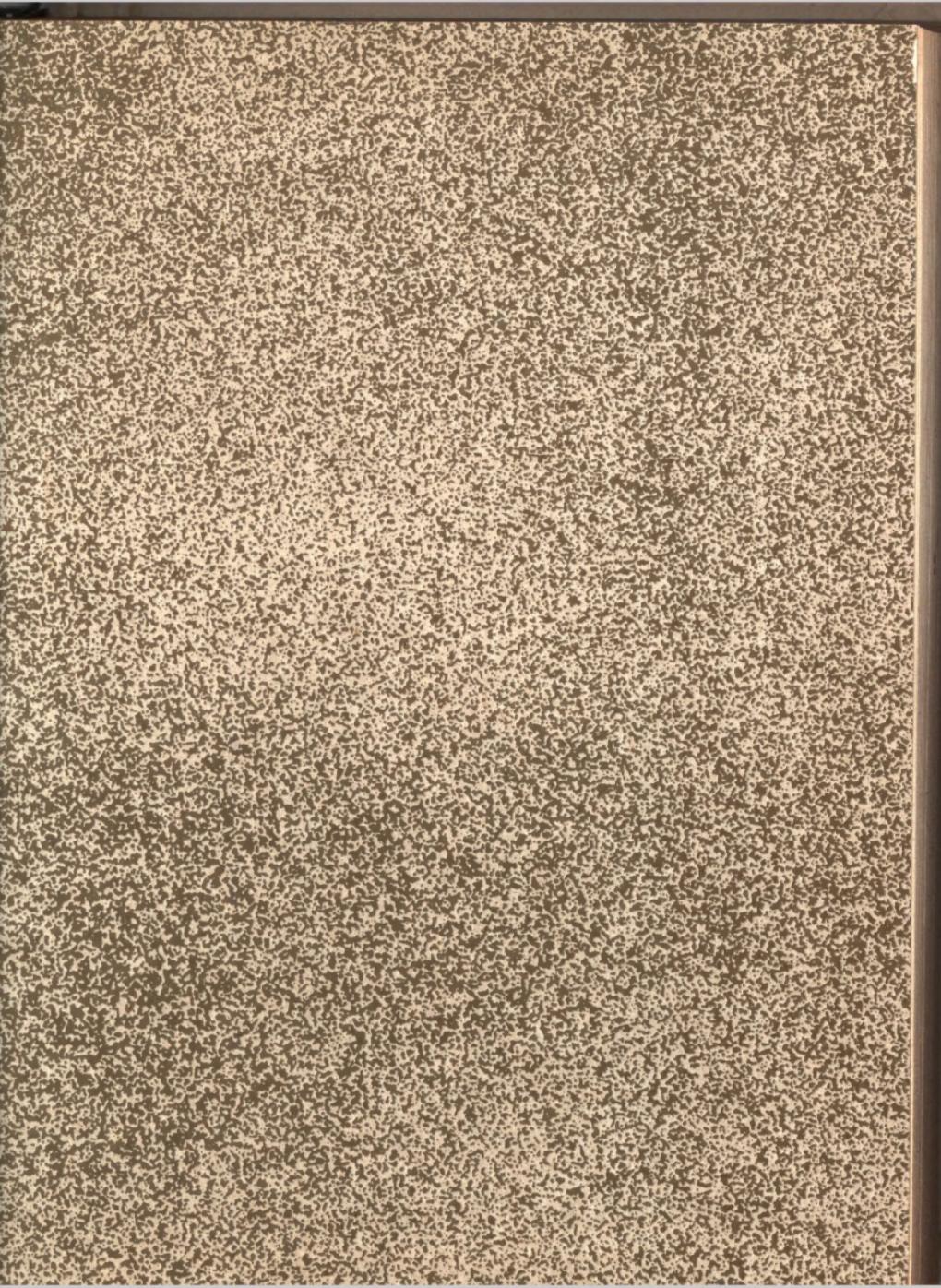
Лев ДАВЫДОВ

ВЫСОКОЕ СТРЕМЛЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Лев Давыдов

Высокое
стремленье

Гордый дух, высокое стремленье,
Волю непреклонную в борьбе —
Все, что от былого поколенья
Переходит, молодость, к тебе.

Н. Заболоцкий

Но и мертвые мы будем жить в частице вашего великого счастья: ведь
мы вложили в него нашу жизнь.

Ю. Фучик

Лев ДАВЫДОВ

ВЫСОКОЕ СТРЕМЛЕНИЕ

Москва
Издательство
политической
литературы
1985

Давыдов Л. Д.
Д13 Высокое стремление.— М.: Политиздат, 1985.—
351 с.

На страницах книги художественно-документальных рассказов писателя Льва Давыдова раскрываются перед читателями судьбы, жизненный подвиг соратников В. И. Ленина — профессиональных революционеров В. К. Курнатовского, Г. И. Ломова, П. А. Джапаридзе, видных ученых И. М. Губкина, М. Н. Покровского и то, как множилась и крепла когорта последователей Ильича.

Автор ярко и правдиво отобразил победоносное шествие ленинских идей от поколения к поколению, борьбу за их торжество.

Книга адресована массовому читателю.

Д 0902020000—071 252—85
079(02)—85

66.61(2)8
ЗКП1(092)

© ПОЛИТИЗДАТ, 1985 г.

К читателю

Однажды Александра Михайловна Коллонтай сообщила в письме к своей близкой приятельнице: «Знаешь, родная, сейчас новая волна в литературе: воссоздание живых исторических образов. Это не биографии, не сухая передача фактов. Это и не роман из жизни великих людей. Нет, это нечто совсем новое. Перед тобой в живой форме проходит вся жизнь человека, его детство, невзгоды, радости, трагедии, достижения. Это не вымыслы, не роман. Это сама жизнь...»

На письме дата: 22 октября 1922.

С тех пор прошло более шестидесяти лет. Зорко подмеченная соратницей Владимира Ильича Ленина волна в литературе не схлынула, не спала, а стала еще мощнее. Она привлекает к себе все больше читателей всех возрастов и профессий.

Помещенные в эту книгу художественно-документальные произведения — о сподвижниках вождя нашей партии. О его друзьях и последователях. Их недюжинные судьбы полны драматизма и борьбы. Я постарался проследить не всю жизнь (для этого понадобились бы многие тома), а только крутое восхождение

каждого к цели, словно к труднодоступной вершине. И то, как складывались их взаимоотношения в ходе революционной борьбы. И то, как зарождалась и крепла между ними идеиняя дружба. Дружба беззаветная, не знающая компромиссов с совестью и честью. Истинное товарищество, которое водой не разлить и огнем не сжечь.

Вы не найдете здесь вымысла. Тут поведана читателям сущая правда о людях, чей жизненный подвиг достоин бессмертной славы и подражания. Разумеется, при этом я без робости пользовался многими известными источниками — книгами, воспоминаниями современников и архивными документами. И попытался раскрыть мотивы тех или иных поступков, а по поступкам — характеры героев.

Когда писал, не упускал из виду слова советского мастера художественной прозы Юрия Германа:

«...Мы, прошедшие жизнь с «Былым и думами» А. И. Герцена, меряем крупно и желаем сопереживать с жизнью и судьбой настоящего человека, который, если он таков, как нам мечтается, может и эталоном послужить для собственной твоей жизни».

О таких людях-эталонах эта книга.

Автор

КРЕПЧЕ ЖЕЛЕЗА

(Виктор Курнатовский)

Тринадцать тюрем,
четыре ссылки,
приговоры к вечной
каторге, расстрелу —
ничто не заставило его
изменить своим
идеалам.

Человеческой силе
Не положен предел:
Он, и стоя в могиле,
Сделал то, что хотел.

Н. Заболоцкий

Зрелище жизни великого человека есть всегда прекрасное зрелище: оно возвышает душу... возбуждает деятельность!

В. Г. Белинский

С ДАЛЬНИМ ПРИЦЕЛОМ

Сумерки окутали село Ермаковское густой, почти непроницаемой пеленой, когда до него добрели трое охотников.

Тот, что пониже ростом и коренастей, шел посредине. Это был Владимир Ильич Ульянов.

Справа ни на пядь не отставал худой и стройный Курнатовский. Его продолговатое болезненное лицо выражало предельное внимание. Из-под выпуклых надбровий смотрели голубые ясные глаза. Каракулевая шапка сидела почти на затылке, открывая большой покатый лоб с двумя широкими залысинами поближе к вискам. Чуть изогнутые книзу русые усики и бородка клинышком были типичны тогда облику интеллигента.

Часто совершенно машинально, по укоренившейся издавна привычке, он подставлял ладонь правой руки к уху, прислушивался, о чем идет речь. Особенно, если говорил идущий поодаль от него Сильвин, который то забегал вперед, то отставал на пару шагов, не теряя, однако, нити общего разговора.

Самым старшим по возрасту был Курнатовский. Самым младшим — Сильвин. А Ульянов выглядел солидней обоих и не зря оказался посредине — владел беседой и направлял ее.

Стоит упомянуть и о том, что Владимир Ильич познакомился с Курнатовским совсем недавно, тут, в Сибири, в Минусинском округе, и обращались они один к другому по имени и отчеству, не иначе. А с Михаилом Александровичем сблизился Владимир Ильич еще в Петербурге, среди студентов-марксистов в рабочих кружках на Выборгской стороне. Вместе, по одному «делу», попали в тюрьму и ссылку. Поэтому отношения между ними сложились особенно доверительные, накоротке.

Поход на тока был неудачным. Выбрать место взялся Сильвин, да, очевидно, ошибся. Завел друзей к таежному озерцу, куда тетерева так и не подлетали. Откуда-то доносилось неугомонное их чуфырканье, будто птицы нарочно дразнили охотников, а на глаза не попадались. В добавление ко всему сыпал дождь со снегом. Друзья основательно промокли. Раньше обычного стало сумеречно. Они заторопились в обратный путь.

Рыжий сеттер Женька, с которым приехал из Шуши Владимир Ильич, продрог и жалобно скулил от обиды, что не было хорошей охоты, не достал хозяину никакой добычи. Охотничья белошерстная с коричневыми пятнами Дианка Курнатовского ворчливо поддакивала Женьке и, словно поводырь, прокладывала тропу к селу.

Выйдя на лесную просеку, Михаил Александрович увидел силуэты бегущих животных и обрадованно закричал:

— Козы! Козы!

Владимир Ильич остро взглянул, рассмеялся.

— Что вы, Миша, это не козы, а лошади... Эквус ординарис,— прибавил он по-латыни.

Курнатовский, усмехнувшись, оценил юмор Ульянова. А Сильвин, сконфуженный, прибавил шагу.

Еще на полпути из тайги до Ермаковского ими было решено: возвращаться Владимиру Ильичу в темень и непогоду в Шушенское не след. Переночует у Сильвина. Правда, Курнатовский всячески пытался переманить

гостя к себе, однако не смог. Оба снимали по комнате в крестьянских рубленых избах. Холостяцкое их жилье ссыльных поселенцев было одинаково неуютным. Но Михаил Александрович объявил, что ждет к себе невесту, начал обзаводиться кое-какой хозяйственной утварью, может накормить ужином и напоить хорошим крепким чаем.

— А моя хозяйка попотчует вас, Владимир Ильич, отменными пельменями, вкуснотища такая, какой свет не видывал,— вспомнил вдруг Курнатовский, когда охотники вышли к огородам.— А самовар, наверное, устал кипеть и шипеть, слезами обливается, нас дожидаючи...

Владимир Ильич, не желая кого-либо из друзей обидеть, остановился, предложил:

— К кому из вас ближе, у того и заночую. Откуда будем мерить?.. А хотя бы вот отсюда. Чем?.. Собственными шагами, не ошибемся!

Повели счет шагам. Оказалось, к Сильвину ближе на целый десяток. У его избы стали прощаться с Курнатовским. А тот резонно:

— Разговор наш с Владимиром Ильичем не окончен. Прерывать его нет смысла.

— Милости прошу! — Михаил Александрович распахнул калитку во двор.

Поужинали. Почаевничали. Стрелки ходиков заторопились сомкнуться на цифре двенадцать, возвещая полночь. Пора укладываться спать. Стали опять прощаться с Курнатовским. А он за свое:

— Вы тут вдвоем, все равно беседу продолжите. Меня же изнурит, замучает бессонница. Буду терзаться догадками: что решено, до чего договорено?.. Не уйду! Хочу побывать с Владимиром Ильичем.

— Что ж, будь по-вашему,— согласился Михаил Александрович.— Оставайтесь.

А где троим разместиться на ночлег, если в комнате одна-единственная кровать? Сильвин предложил Влади-

миру Ильичу занять ее. Владимир Ильич не поддается ни на какие уговоры, отказывается от хозяйствской постели.

К уговорам Сильвина присоединяется Курнатовский. Теперь они уже вдвоем просят Владимира Ильича, настаивают, напоминают ему, что таковы, собственно, правила гостеприимства. А он их гость. Приехал к ним спозаранок, за сорок верст из Шуши. Натрясся в телеге по весеннему распутью. Не передохнув, пошел в тайгу, да там пришлось бродить по кочкам и болотцам весь день напролет. Потом до Ермаковского отмахал немало верст. Весь день на охоте. Устал, промок, чаем разморило...

— А вы не охотились? Не промокли и чаю не пили? — Озорно блеснул глазами Владимир Ильич и в категорической форме заключил: — Никому никаких привилегий. Ведь сами же проповедуете идеи равенства.

Кровать так и осталась никем не занятой. Друзья улеглись прямо на полу, разостлав самотканые рядна. Всех в одинаковой мере одолевал сон. Но никто не сомкнул глаз на протяжении всей ночи: беседа не обрывалась.

За окном уже посерело. Чернильную синь неба будто разбавили водицей. Явственно обозначился горизонт, полоска рассвета над острозубчатой стеной тайги. Друзья никак не могли досыта наговориться.

О чем же они говорили? Что их волновало?

До нас не дошли подробности этой беседы. Вспоминая о ней, Сильвин уточнил: это было в апреле 1899 года. У него на памяти осталось только, что он просил Владимира Ильича рассказать о поездке за границу, о впечатлениях от Плеханова и группы «Освобождение труда». Но Владимир Ильич о Плеханове говорить не стал.

— Расспросите Виктора Константиновича, он гораздо лучше моего знает Георгия Валентиновича, учился в Швейцарии, виделся с ним, вел и ведет переписку...

Рассказывал Владимир Ильич другое. О настроениях рабочих во Франции и Германии, о митингах, где старался бывать, вслушиваясь в выступления ораторов: за что ра-

туют, к чему призывают. А дальше разговор свернулся на самое насущное.

Как раз в эту пору, ближе к окончанию минусинской ссылки, у Владимира Ильича (о чем свидетельствуют и Надежда Константиновна Крупская, и Пантелеймон Николаевич Лепешинский, и Глеб Максимилианович Кржижановский и другие) зародился тот организационный план, который он потом развел в брошюре «Что делать?» и других своих работах. План создания сильной и монолитной партии, выпуска в свет общероссийской социал-демократической газеты. Вокруг нее должны были объединиться практики грядущей революции. Благодаря ей возможно будет созвать съезд. Газета не похожая на существующие. Не просто информационная, не только вестник текущих событий, новостей, а организатор, агитатор и пропагандист.

Нет сомнения, тот разговор — откровенный, предельно доверительный (иным он и не мог быть!) — в течение всей ночи напролет Владимир Ильич вел с Курнатовским и Сильвиным с дальшим прицелом. Он подготавливал из них агентов «Искры». Был совершенно уверен в обоих: друзья-единомышленники. А они безгранично верили ему. Точнее сказать, каждый из них верил в другого, как в самого себя.

Как же сложилась такая вера? Где ее корни?

«ЗДОРОВЫ ЛИ МИНИН И ПОЖАРСКИЙ!»

Как мы помним, Михаила Александровича Сильвина Владимир Ильич знал еще по кружку студентов Техноложки — так называли свою «альма-матер» питомцы столичного Технологического института. Кружок был одним из предвестников, предтечей ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В нем оказалось и несколько «универсантов», то есть студентов Петербург-

ского университета, и курсисток Высших женских курсов.

На очередное кружковое собрание-диспут привел студента-первокурсника юридического факультета Мишу Сильвина его земляк-нижегородец из Техноложки Анатолий Ванеев. Диспут состоялся на квартире Степана Радченко, третьекурсника той же Техноложки.

Здесь впервые Михаил Сильвин увидел Владимира Ильича. Слушая его выступление, девятнадцатилетний юноша с восторгом подумал: «Вот он, наш вождь, наш лидер, наш теоретик, за ним мы не пропадем».

Убедительной и неопровергимой была эта речь. Она могла быть названа, по мнению всех, кто ее слушал, программной. Почему?

Ответ дан тем же Сильвиным:

— Ленин без всяких статистических цифр и без всяких ссылок на Маркса заявил, что надо быть реалистами, исходить не из схем, а из изучения нашей действительности, и яркими штрихами обрисовал нам картину экономического развития страны и роста капиталистического производства именно на почве разорения и расслоения крестьян, на почве вытеснения натурального хозяйства денежным. Все эти соображения были впоследствии подробно развиты Владимиром Ильичем и стали теперь известны, но тогда они звучали откровением.

Кружок в Техноложке возник раньше, чем появился в Питере Ленин, точнее, Владимир Ульянов. Пройдет еще около восьми лет до выхода в свет статьи, впервые подписанной псевдонимом — Ленин. Еще позже, на II съезде РСДРП, где появятся на свет большевики, их станут называть ленинцами, по имени вождя. А Сильвин, воскрешая былое, мысленно видит перед собой уже их Ленина.

Тогда, в начале девяностых годов прошлого столетия, в Петербург несколько раз приезжал из Самары еще почти никому не ведомый студент Владимир Ульянов: он экстерном сдавал экзамены по курсу юридического

факультета в столичном университете. Таких экстерников немало наплодил царизм, чаще всего по причине «политической неблагонадежности» захлопывая перед ними двери в аудитории вузов.

В ноябре девяносто первого Владимир Ульянов получил диплом об окончании университета, но обосноваться в столице не смог, семейные обстоятельства принудили вернуться в Самару. Тяжкие несчастья постигли семью: вслед за смертью отца, казнью старшего брата скончалась от тяжелого недуга сестра Оля, Владимир не мог оставить разбитую горем мать. В Петербург переселился только в августе девяносто третьего.

Владимиру шел двадцать четвертый год. Он успел приобрести некоторую юридическую практику, и, логически рассуждая, всего уместней было бы ему вращаться в обществе «вышедших в люди». Но иные интересы неудержимо тянули его к тем, кто помоложе. Да не ко всем. Знакомства он заводил очень осторожно, осмотрительно и, как уверяет его старшая сестра Анна Ильинична, «искнал таких, которые знали твердо, как и он, что революция в России будет произведена рабочим классом».

Волгарь Миша Сильвин начал бунтовать против существующего строя подростком, в четырнадцать лет. Его не пришлось тянуть в подпольный революционный кружок гимназистов. Он сам его нашел и стал сперва участником, а вскоре организатором и руководителем одного из рабочих кружков Сормова. Тогда же подружился с Толей Ванеевым.

Мишу с детства увлекало естествознание. Зачитывался книгами Брема, Сеченова, Тимирязева. «Историей цивилизации в Англии» Бокля. А Толю влекла техника, хотя в душе он был поэтом и романтиком.

Знакомство обоих с Михаилом Георгиевичем Григорьевым, верным последователем Николая Евграфовича Федосеева, одного из первых марксистов России, определило их дальнейший путь. Григорьев успел отсидеть в

«Крестах», жил в Нижнем Новгороде поднадзорным и продолжал создавать гимназические и социал-демократические кружки. От него Миша и Толя впервые узнали о политической экономии как науке, о трудах Маркса, Энгельса, Плеханова, и так называемая беллетристика отодвинулась на задний план. Конечно, по-прежнему трогали юные сердца Пушкин, Гоголь, Толстой, поэзия Некрасова и Никитина, но острее стали восприниматься произведения Чернышевского, Герцена, Писарева, Добролюбова, Белинского.

Вскоре Сильвин и Ванеев — в социал-демократическом центре Нижнего Новгорода, куда входили Григорьев, Скворцов, братья Герман и Леонид Красины...

А весной 1893 года друзья, один за другим, метнулись в Питер. Миша решил стать юристом, Толя — технологом. Но «университет, куда поступил,— уверяет Сильвин,— не был главной целью моих устремлений, как и для моего друга А. А. Ванеева, приехавшего несколько раньше меня, не был главной целью Технологический институт и инженерный диплом. Мы мечтали о другом, мы хотели как можно скорее и решительнее уйти с головой в самую гущу революционной борьбы, которая, представлялась нам, так и кипит в этой твердьне царизма. Ведь этот город, по словам поэта:

...был всегда
ареной деятельной силы,
пытливой мысли и труда».

На поверхностный взгляд, случайно сплетаются нити политических связей профессиональных революционеров. Сплетаются в прочную и неразрывную ткань. Однако здесь действует определенная закономерность.

Даже если бы Миша Сильвин с Толей Ванеевым не оказались в тот день на квартире Степана Радченко, все равно бы их разыскал Ленин. По пути в Питер он побывал в Нижнем Новгороде и заручился у местных социал-демок-

ратов столичными адресами и рекомендательным письмом к Сильвину. Вскоре после своего выступления на диспуте, о котором шла речь впереди, Владимир Ильич появился на Садовой, 49, в квартире 33, где снимал комната студент-«универсант» из Нижнего Новгорода. У Сильвина застает Ленин и Ванеева. Здесь читает им свою брошюру «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов». А вскоре Владимир Ильич уже на квартире Ванеева (Первая Рота, 22).

И Сильвин, оказывается, тут как тут. Ленин подробно расспрашивает его о ходе забастовки в Новом порту. Знает, что Михаил принимал в ее подготовке непосредственное и весьма активное участие. Написал листовку, призывающую бастовать. В листовке изложены и экономические требования, и политические. Названа просто, доходчиво: «Чего следует добиваться портовым рабочим?»

— Взят верный прицел. Как говорится, в «яблочко», — Ленин одобрил текст листовки, расспросил, какими способами будет она распространена, дал несколько важных советов.

Вот и получается — Ленин, Сильвин, Ванеев не могли не найти друг друга. Примерно так же вязались и крепли взаимные связи, складывались дружеские отношения Владимира Ильича с другими петербуржцами. Почти все они были моложе его: Сильвин на четыре года, чуть меньше Ванеев, Петр Запорожец, Фридрих Ленгник, Глеб Кржижановский. Были, разумеется, и ровни по возрасту, а кое-кто — Герман Красин, Степан Радченко — даже постарше. Но с редким единодушием все признали лидерство Владимира Ильича. Его глубокое знание марксизма, умение заглядывать вперед и намечать верную стратегию и тактику борьбы создали ему непререкаемый авторитет. По его инициативе был основан «Союз борьбы». И не случайно все, кто стоял у основания этого союза, стали со временем уважительно называть Владимира Ильича — наш Старик.

И это когда он еще был совсем молодым человеком!

Весной 1895 года Сильвина пригласил заниматься с его детьми Николай Георгиевич Гарин-Михайловский. В апреле Миша переехал на квартиру писателя в Царское Село. В этой квартире, посчитали друзья по «Союзу борьбы», всего удобней и безопасней собраться им на совещание перед отъездом Ленина за границу. Владимир Ильич едет для переговоров с Плехановым, группой «Освобождение труда». Предусмотрено также, если окажется возможным, свидание с Фридрихом Энгельсом и другими деятелями Второго Интернационала.

«В первый день пасхи нас человек 5—6 поехало «праздновать пасху», — пишет Надежда Константиновна Крупская, — в Царское Село к Сильвину, который жил там на уроке. Ехали в поезде как незнакомые. Чуть не целый день просидели над обсуждением того, какие связи надо сохранить. Владимир Ильич учил шифровать. Почти полкниги исшифровали».

А после возвращения из заграничной поездки домой, в Петербург, Владимир Ильич спешит опять повидаться с Сильвиным. Как раз вскоре, в ноябре девяносто пятого, вспыхнула забастовка папиросниц табачной фабрики «Лаферь». И к этой забастовке был причастен Сильвин. С ним встречается Ленин в трактире вблизи фабрики. С жадностью узнает о боевом настроении, твердости бастующих.

— Короткой была разлука с родиной, а соскучился по ней страшно. И не зря. Такое тут затевается...

Владимира Ильича особенно порадовало, что даже у женщин-работниц не только накопился гнев на эксплуататоров, но появилось мужество для организованного протesta.

Декабрь девяносто пятого. Ленин арестован. Водворен в одиночную камеру № 193 петербургского дома предварительного заключения. С тревожной вестью об этом, по поручению Владимира Ильича, мчится в Москву, к семье

Ульяновых, Надежда Константиновна. А почти одновременно с нею приезжает туда же пока чудом не схваченный жандармами Михаил Александрович. О перипетиях тех дней Сильвин, наверное, расскажет Курнатовскому потом, в ссылке. Скорее всего по его же рекомендации Ленин раньше столовался у их общей знакомой в Москве. И понимая, что письмо, посланное в ее адрес, непременно попадет в руки Сильвина, Владимир Ильич запрашивает из тюрьмы шифром, кто еще арестован из их группы. Причем шифр, заранее не обусловленный, придуманный в камере с расчетом на догадливость Сильвина.

Ленинский расчет верен. Информация отправлена, и ответ незамедлительно получен, о чем Михаил Александрович с восторгом рассказал Анне Ильиничне. От Сильвина узнает она и о намерении Ильича начать в заключении подготовку материалов для задуманной им книги «Развитие капитализма в России».

А Ленин из тюрьмы у возвратившейся в Петербург Надежды Константиновны старается узнать, «здоровы ли Минин и Пожарский», то есть Сильвин и Ванеев. Позже он будет вести с ними регулярную переписку, предпринимать все возможное, чтобы ни на день не потерять их из виду. Соратники в борьбе...

БУНТ

Несколько иначе становится в строй ленинской гвардии Виктор Константинович Курнатовский. Ленин познакомился с ним примерно за год до ночного разговора после охоты. Но, конечно, знал о нем гораздо раньше. От кого? Прежде всего, вполне возможно, от брата Александра. Тайные связи с народовольцами он никому в семье не раскрывал. Но Володе, который беспредельно любил его и дорожил общением с ним, Александр многое рассказывал о столичном университете, упоминал имена друзей.

А среди них был и Виктор Курнатовский, студент первого курса естественного факультета, почти ровесник Александра и, по некоторым сведениям, причастный к делу о покушении на царя в 1887 году. Во всяком случае, точно известно его энергичное участие в той же студенческой подпольной организации, к которой принадлежали Петр Шевырев, Василий Генералов, Михаил Канчер и другие. А руководил ею Александр Ульянов.

Не отказываясь еще от некоторых идей народовольчества, Александр находился на пути к марксизму. Вел пропаганду в рабочем кружке. Виктор Курнатовский серьезно изучал социалистическую литературу, и ему было доверено заниматься с рабочими за Александро-Невской заставой.

Студент-первокурсник охотно вел эти занятия. И если его не арестовали, то исключительно благодаря путанице в донесениях осведомителей.

В злую пору казни Александра Ульянова и его товарищей широко разнеслась по стране весть о протесте студентов Петербургского императорского университета против зятянного начальством верноподданнического адреса, осуждающего покушение на царя. Вот уж об этом, безусловно, Владимиру сообщили во всех подробностях его новые друзья-питерцы. Зачинщик, руководитель бунта — Виктор Курнатовский. Рассказывали и о нем.

...Зеркальные окна актового зала выбрасывают на улицу свет хрустальных люстр. На лестнице у парадного входа в университет проходящих внутрь оглядывают полицейские и жандармы. Зал постепенно заполняется почетными гостями, профессорами, студентами.

Вот за длинным зеленым столом у кафедры заняли свои места сановники министерства просвещения, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, преподаватели. Зазвенел колокольчик. В зале водворилась тишина. На кафедру поднялся ректор университета Андреевский во фраке, с сияющей на груди звездой. Этого холоп-

ствующего либерала или либеральничающего холопа революционно настроенная молодежь называла двулиkim Янусом. Он обожал высокие речи, болтовню о реформах и прогрессе человечества, но было известно: трусливый ставленник царя, покорный во всем монаршей воле, никогда не переступит дозволенного свыше.

На сей раз Андреевский со скорбной миной на лице толковал об ужасных событиях, потрясших «весь цивилизованный мир». И кто же поднял руку на «помазанника божьего»? Воспитанники университета!

— Вычеркнем их из нашей памяти! — с пафосом произнес ректор.— Они не достойны...

В первом ряду поднялся со своего места Иван Михайлович Сеченов, профессор, создатель русской физиологической школы, ученый, которым гордилась перед миром вся просвещенная Россия. Громко, так, чтобы все слышали, он произнес:

— Не терплю пышных фарсов! — И спокойно направился к выходу.

Ректор постарался не заметить случившегося. Продолжал клеймить заговорщиков и призывал студентов жадно «прильнуть к хрустальному ручью науки», не поддаваться темным силам зла, врагам отечества...

В доказательство верности и преданности царю Андреевский предложил присутствующим поднести ему заготовленный торжественный адрес.

— В нем выражены и чувства, и мысли наши, и безгранична радость по поводу чудесного спасения монарха... Прошу, господа, подходить к столу и поставить на адресе личную подпись.

Ректор ждал оваций, бури восторга. Вместо этого раздались жидкие аплодисменты «белоподкладочников», кое-кто из них прокричал «ура» и запел «Боже царя храни».

Но, перебивая гимн, с хоров прозвучало громово:

— Долой адрес!

— Стыд и позор царским холуям!

— Бессмертная слава погибшим товарищам!

Галерея кипела, возбуждение росло. На ней собирались студенты «Союза землячеств». И как свидетельствует один из них, Е. И. Яковенко, «начальство было явно в замешательстве. Высокопоставленные свидетели этого позорища поспешили удалиться». За столом президиума никого не осталось. А студенты, завладевшие галереей, руководимые Виктором Курнатовским, продолжали обструкцию.

Поднялся невообразимый шум. Двери зала нараспашку. Из него хлынула молодежь. Андреевский застыл у трибуны, будто его хватил столбняк.

Курнатовский решил воспользоваться замешательством и повел товарищей с хоров к выходу.

— По лестнице бегом,— предупредил он на ходу.— Всем вместе. У шинельной смеяться с толпой.

Были тут его друзья-земляки с последнего курса — латыши Янис Плиекшана и Петр Стучка. Виктор втолкнул их в середину бегущих, подальше от взоров соглядатаев. Пусть избегнут возможной кары, им скоро получать дипломы.

Виктор предугадал: за бегущими с хоров, перекрестно, во все глаза наблюдали субы (университетские инспекторы), шпионы-педели и полиция, заполнившая проходы, шинельную, вестибюль.

Своих друзей Курнатовский спас. А сам попал в лапы жандармов. Последовал арест, исключение из университета.

Только умение держаться на допросе спасло его на сей раз от тюрьмы. Ее заменили высылкой из столицы и лишением права не только учиться в университете, но и проживать в крупных городах.

Ленину было известно и о результатах бунта, затеянного Виктором Константиновичем. Царю пришлось устроить с поста ректора своего верного слугу Андреевского. Что касается исключения «бунтовщиков» из университе-

та — факт несомненно печальный. Но он нисколько не удивил Владимира Ильича. Такая расправа монархической власти с молодежью «в порядке вещей». Годом позже, в Казани, с ним поступили при схожих, по сути, обстоятельствах точно так же.

А то, что над всем происшедшим в Петербургском университете как бы реяло знаменем имя Александра Ульянова, естественно, подогревало желание Владимира во что бы то ни стало повидаться с Курнатовским.

Осуществилось оно только через целое десятилетие после бунта.

Так же, кстати говоря, произошло у Ленина с руководителем первых марксистских кружков в Поволжье Николаем Евграфовичем Федосеевым. Оба жаждали встретиться и не смогли. Кто знает, как бы сложилось у Владимира Ильича с Курнатовским, не будь им назначена минусинская ссылка.

«ДЕЛО № 479»

Стучка и Плиекшана ответно пришли на помошь ссыльно-му другу. Посоветовали Виктору, не теряя времени, ехать в Ригу, оттуда в Дуббельн, где известный им кутила-полицеймейстер дает за взятку свидетельство о благонадежности.

Так Курнатовский и поступил.

Добыт документ о благонадежности. Курнатовский становится студентом естественного факультета Московского университета. Дошла ли весть об этом до Владимира Ильича? Наверное, дошла. Потому что и здесь, во второй российской столице, Виктор Константинович не утихомирился. Он организует крупный студенческий социал-демократический кружок. Ведет в нем занятия. Создает полулегальный революционный Красный Крест для материальной помощи политзаключенным, ссыльным, их семьям.

До очередного ареста в Москве он успевает прочесть и растолковать другим «Наши разногласия» Плеханова. Успевает не только прослушать цикл лекций Клиmenta Аркадьевича Тимирязева, но и воспользоваться его благосклонной помощью, когда возникла необходимость унести из аудитории подпольную литературу — в университет нагрянула полиция.

У себя в комнате Виктор Константинович устроил химическую лабораторию. Когда пришли к нему с обыском, он сумел так напугать жандармов («немедленно убирайтесь, вот-вот взорвется колба над горящей спиртовкой!»), что они шарахнулись за дверь. Курнатовский сжег все материалы, изобличающие его в причастности к подполью. Увы! Это не помогло. В полночь его под усиленным конвоем увезли в тюрьму.

Приговор — на три года ссылка в Шенкурск, затерянный среди лесов и болот городок Архангельской губернии.

Дорога — этапом. Из одной пересыльной тюрьмы в другую. В Шенкурске — три месяца в грязной, тесной, сырой, с затхлым воздухом одиночной камере за протест против драконовских правил, установленных местным полицеймейстером для ссыльных. В этом остроге у Курнатовского усилилась глухота — болезнь, мучившая его с детства.

...Рига, милая Рига детских лет. Загородный район, где расквартирован кавалерийский полк. Бронзовые стволы мачтовых сосен с зелеными кронами. Полоса желтого, точно молотого песка, зализанная по краю набегающими волнами Балтийского моря. Оно беспрепятственно, сливается с небом. Совсем близко резвятся чайки над белыми парусниками. А вдали дымят трубами боевые корабли. Едва различимы на них черные жерла палубных пушек. Там, на палубе, матросы в бескозырках с двумя голубыми ленточками. Капитан с биноклем на своем мостице... Загадочно, увлекательно, романтично! Море манило и звало

к себе маленького Витю, так сиротливо чувствовавшего себя на земле: он с двумя братишками, которые чуть постарше его, остались без матери. Их отец, по специальности военный врач, вскоре женился на вдове с кучей собственных ребят. Полкового жалованья на содержание большой семьи не хватало. Нужда надломила Константина Яковлевича. Он стал нетерпим и жесток. Во всех бедах винил своих детей.

Однажды за какую-то пустячную провинность отец с размаху хлестнул Витю рукой по правому уху. Шестилетний мальчик снес обиду, стерпел боль, никому о ней не сказал. Через несколько месяцев он заболел скарлатиной. Болезнь дала осложнение на правое ухо. Но Виктор никому не открыл начавшееся притупление слуха.

Резвый мальчуган зачитывался книгами о морских путешествиях. Мечтал стать отважным моряком, открыть неведомые острова, заполнить на географической карте «белые пятна». Скорее бы наступило время отрочества, юности! Он поступит в лоцманскую школу или мореходные классы.

Виктор, как мог, готовился к этому. Много плавал. Часто устраивал ребячью лодочные походы. Случилось, его одного на лодке внезапно настиг шторм. Утлое суденышко опрокинулось. Виктор чувствовал себя как рыба. Он доплыл до берега. Но глубоко в уши проникла вода и продолжила начатое скарлатиной.

Родители поздно заметили глухоту сына — болезнь оказалась запущенной. О поступлении в мореходку не могло быть и речи. Предстояло выбирать подходящую стезю на земной тверди. И выбор был сделан. Но болезнь осталась на всю жизнь лютым его врагом.

В Шенкурске Виктора Константиновича следователь ознакомил с «делом № 479». Из него «государственный преступник» узнал, что жандармы заинтересовались им, когда он сам еще и не помышлял о политической деятельности.

...Окраина захолустного Демянска. Здесь жила одна из сводных сестер Виктора, Александра Исидоровна, вместе с мужем, ветеринаром Александром Николаевичем Степановым.

До замужества Александра Исидоровна была принята в семью Глеба Успенского и «набралась» его революционно-демократических идей. Оттуда с нею пришли запрещенные книги, постоянные споры и думы о народе, бесконечные рассказы о писателе, его замыслах и стремлениях. Оттуда же шли и связи с молодежью — студентами, курсистками которые неожиданно и неведомо откуда появлялись на квартире ветеринара и так же внезапно и неизвестно куда исчезали. Вот и попали Степановы под надзор полиции.

Летом сестра звала к себе на отдых младших братьев. Приехал и Виктор с кузеном Мишой. В августовский день 1881 года они спозаранку собрались на озеро Селигер удить рыбу. Дорога туда некороткая. На полпути ребятам предстояло встретиться с Александром Николаевичем — в селе Полнове, у церкви.

Шли медленно. Виктор пересказывал Мише содержание «Путешествия» Радищева, которое он успел в рукописном списке прочитать. Чем старше становился Виктор, тем больше прислушивался к разговорам взрослых, интересовался литературой, которую прятали, читали тайком. Слово «народ», постоянно повторявшееся у сестры, наполнялось особым содержанием, произносилось с преклонением, состраданием и сознанием какой-то неизбывной вины. Ее предстояло загладить, искупить любой ценой. Почему-то часто в доказательство какой-либо мысли приходились стихи Некрасова. И Виктор стал зачитываться обжигающими сердце, будоражащими произведениями поэта. Его набатные строки не выветрились из памяти. Засели в ней и фамилии, которые нельзя было произносить вслух. Это были отважные участники «Народной воли» — Халтурин, Перовская, Кибальчич, решившие казнить царя Александра II.

Особенно привлекал Виктора Николай Кибальчич — химик, инженер, вдохновенный мечтатель. Втайне ему хотелось быть похожим на такого храбреца, народного героя. И впервые жажда морских скитаний померкла перед полной опасностями судьбой революционера...

А вот и Полново. В селе что-то стряслось. Крестьяне толпой окружили невзрачную хибару. Запрудили тракт, ведущий к церкви. Оттуда из середины толпы доносился истерический женский крик.

Виктор с Мишой протиснулись поближе. Они увидели: крестьянка в заплатанной кофте и выцветшей юбке, обхватив шею ребристой коровы, не давала уряднику вести ее. За полы юбки держались с двух сторон замызганные, плачущие малыши — девчонка и мальчишка. Тут же безучастно стояли тучный староста и понятые.

Биографы Курнатовского сумели записать воспоминания полновских старожилов — свидетелей чиновного самодержавства:

— Сирот, батюшка, пожалей! — кричала крестьянка. — Мужик мой с турецкой не вернулся. Чем же кормить малюток?!

Урядник продолжал оттаскивать несчастную мать. Толпа угрюмо молчала.

— Не смеете! — вдруг пронзительно закричал Миша. — Детей обрекаете на голод! Не вправе! Не по закону!

— С кем имею честь? — оставил свою жертву, нарочито почтительно спросил урядник старшего из двоих, явно не здешних, одетых по-городскому ребят с рыболовными снастями фабричной выделки на плечах.

— Виктор Курнатовский, — послышался спокойный ответ.

— А сколько вашему благородию годков?

— Тринадцать...

— Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела, — съязвил урядник и, услышав несогласное гудение в толпе, приказал запереть «господ рыболовов» в чулан. Потом

составил протокол «о неповиновении власти и возбуждении крестьян».

К счастью, подоспел на выручку Степанов. Дал взятку, освободил племянников и направился с ними на Селигер. Он был уверен, что инцидент исчерпан. И только через много лет выяснилось: урядник не уничтожил полицейский протокол, составленный 14 августа 1881 года, а направил «на всякий случай» в уезд. Оттуда протокол в конце концов попал в жандармское «дело № 479 государственного преступника...».

НА ТРИБУНЕ ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

После шенкурской ссылки Курнатовский появился за рубежом, в Цюрихе. Тут можно, казалось ему, вздохнуть свободно. Никто не идет за тобой по следу.

Он заблуждался. За ним вдогонку был послан самый матерый царский провокатор Евно Азеф. Несколько лет подряд Евно, что называется, наступал на пятки русскому эмигранту-революционеру, аккуратно доносил о нем в петербургскую охранку.

Виктор Константинович заранее готовился к отъезду за рубеж. Даже в условиях шенкурской ссылки сумел хорошо изучить французский язык. Немецким успел овладеть еще раньше. Его ничто не сломило. Воля к борьбе в нем по-прежнему крепка.

«На днях получил письмо от нашего петербургского коллеги В. К., и таким укором пахнуло от него: он едет в Париж и так бодр и полон уверенности в себе в отношении не личной своей судьбы, а широкой общественной деятельности, что невольно чувствуешь некоторую неловкость, уколы, если не совести, то самолюбия».

Это из письма, задержанного охранкой. Очевидно, оно и навело жандармов на заграничный след.

Между тем Курнатовский по понятным причинам ука-

зал приятелю неточный адрес. Вместо Парижа оказался в Цюрихе. Он входит в состав местной группы «Освобождение труда». Он организует социал-демократические кружки эмигрантской молодежи. Быстро приобретает авторитет у русского студенчества. Среди тех, кто вынужден скитаться в изгнании. Ему удается установить строго законспирированную связь с родиной. Вскоре он направляет в Россию транспорты с нелегальной литературой.

Состоится и, заочное пока, знакомство — перепиской — с маститым земляком Георгием Валентиновичем Плехановым. А в Политехническом поражает профессоров старанием и успехами студент химического факультета Виктор Курнатовский.

Тяжела его жизнь. Мучает усиливающаяся глухота. Скуден заработка — несколько частных уроков. А энергия неукротима. Воля действовать беспредельна.

Убежденный марксист, решительно порвавший с прошлыми заблуждениями, он ведет яростные споры со старыми эмигрантами-народниками. Диспуты устраиваются в Руссише лезециммер — русской библиотеке-читальне. Она создана на добровольные взносы, иными словами, на общественных началах. И на таких же началах Виктор берется ею заведовать, не получая за это ни гроша.

Ему очень хочется повидаться с Плехановым. Ведь совсем близко до него. Из Цюриха в Женеву, что называется, рукой подать, и ничем такая поездка не грозит, безопасна. Но даже на короткий вояж у него денег не хватает. Да и занятия в Политехническом, Виктор считает, пропускать ни в коем случае нельзя. Убежден — знание химии необходимо каждому революционеру. Ведь это и производство чернил для тайнописи, и красок для mimeографа, и взрывчатки для грядущих классовых боев на баррикадах с царскими опричниками.

Весна 1893 года... Виктор Константинович целиком поглощен революционной работой. Забывает даже о

болезни. Его радует обстановка в Цюрихе. Рабочие готовятся к предстоящему третьему конгрессу Второго Интернационала. Происходят собрания, диспуты, прибыли руководители Интернационала и выступают с лекциями. Бьет ключом общественная жизнь.

Неожиданно в печать проникает сообщение о готовящемся сговоре русского императора Александра III с американским президентом Кливлендом о взаимной выдаче преступников.

— Такой трактат направлен не на воров и убийц, а против нас — революционеров, — уверен Курнатовский.

Он зовет эмигрантов поднять свой голос, помешать преступному сговору. Сам энергично работает по подготовке широкого митинга-протеста. В нем участвуют вожди германских социал-демократов — Август Бебель, Вильгельм Либкнехт, Пауль Зингер. Из Женевы на митинг приезжают Павел Аксельрод и Вера Засулич.

Созревает не просто митинг, а большое политическое событие. Весть о нем расходится по стране и далеко за ее пределы.

...Заполнено эмигрантами, студентами, рабочими помещение клуба. Вслед за ветеранами германского рабочего движения Либкнехтом и Бебелем выступают Засулич, Аксельрод. Слово предоставляется Виктору Курнатовскому. А когда он сходит с трибуны, его окружают новые знакомые. Дружелюбно протягивает ему руку Вера Засулич.

— Георгий Валентинович высоко ценит ваши письма, слышал много хорошего о вашей деятельности, — говорит она. — Надеюсь, скоро вы с ним здесь же увидитесь.

И действительно, вскоре состоялась их встреча. Плеханов прибыл в Цюрих проводить совещание представителей русских социал-демократов, живущих за пределами своей родины.

Как отмечают биографы Курнатовского, Георгий Валентинович подолгу и охотно беседовал с Виктором

Константиновичем. Создатель группы «Освобождение труда», один из первых пропагандистов марксизма в России был очень приветлив и ласков с молодым студентом, наговорил ему много лестного. А такое с Плехановым случалось нечасто. Они обсуждали и возможности распространения по разным уголкам России марксистской литературы. И то, как развивается сеть рабочих кружков по ее изучению. Заговорили о недавно вышедшей книге Плеханова «Наши разногласия», автор внимательно выслушал критический отзыв своего собеседника. Конечно, Виктор Константинович искренне хвалил этот выдающийся плехановский труд, но заметил, что такого рода работу следовало бы дополнить примерами из русской жизни, тогда ее ценность, безусловно, возросла бы.

— Не могу с вами не согласиться,— проронил Плеханов и посетовал: — К великому моему сожалению, материалов из России поступает очень мало...

Попрощались по-приятельски. Пообещали друг другу поддерживать систематическую связь.

— Буду ждать ваши критические замечания на все издания женевской типографии русских социал-демократов,— сказал Георгий Валентинович, пожимая руку Курнатовского.

Через несколько дней Виктор Константинович получил от Плеханова по почте пригласительный билет на Цюрихский конгресс Второго Интернационала.

Настал день 6 августа 1893 года. Самый счастливый из прожитых Виктором Константиновичем за всю его пока еще короткую по времени — двадцатишестилетнюю,— но заполненную до краев событиями и борьбой, тюрьмами, ссылкой, эмиграцией день.

Он впервые в это утро вышел из дома на улицу, залитую солнечными лучами, с красным бантом на груди. Встретился в условленном месте, у моста через реку Лиммат, с друзьями-студентами и другими соотечественниками. Тут же они присоединились к праздничной

колонне рабочих. Вместе зашагали по городу, направляясь к главной площади — Плац-Променада. Со всех сторон стекались такие же колонны. Толпы людей двигались от окраин к центру.

Город казался полностью во власти трудового народа. Лозунги, плакаты, алые знамена реяли в рядах демонстрантов. Играли духовые оркестры. Звучали одни и те же песни, но на разных языках. В ряды демонстрантов влились представители двадцати стран мира — делегаты, прибывшие на конгресс.

Вот уже огромная Плац-Променада и примыкающие к ней улицы заполнены людской лавиной. Начались митинги. Первый из них вспыхнул у памятника поэту Гесснеру. В ту же минуту как бы вдогонку зазвучали другие голоса в разных концах площади и на улицах.

Социалисты Болгарии, Норвегии, Румынии, Сербии, России, США, Австрии, Испании, Венгрии, Польши, Франции, Германии, Англии выступали с помостов и балконов. Многих ораторов поднимали рабочие и держали на своих плечах. У всех настроение подъема, радости.

Виктор Константинович с запалом говорил то по-немецки, то по-французски, то по-русски, его обнимали, с ним, как и с другими, братались, обменивались рукопожатиями. Дружеским восклицаниям не было конца.

«Дождусь ли такого счастливого дня на родине?» — мелькнуло в сознании Курнатовского. Уверенность в том, что это непременно произойдет, что он дождется, росла и крепла в нем. «Иначе и не может быть. Колесо истории никакая сила не остановит!»

В полдень он поторопился прийти в большой концертный зал Цюриха. Занял свое место по гостевому билету в шестом ряду. С замирающим дыханием ожидал открытия конгресса, выхода президиума. Знал наперед: в президиуме непременно будет Фридрих Энгельс.

Зал был полон. Стояли в проходах. Над сценой висел призыв Коммунистического манифеста: «Пролетарии всех

стран, соединяйтесь!» А посреди сцены с огромного портрета, будто живой, смотрел на присутствующих мудрым всепроницающим взглядом Карл Маркс.

Раздался обычный в филармонии протяжный, гулкий звонок, извещающий о начале. Виктор Константинович увидел, как из-за кулис первой появилась Клара Цеткин. За ней шли Бебель, Плеханов, Вильгельм Либкнехт. А последним — высокий, осанистый, крупный человечище с продолговатым лицом, густой гривой еще темных волос на голове и большой, белой как лунь, курчавой бородой, в которой утопали серебристые пышные усы.

Все поднялись со своих мест. Шквал оваций, усиленный необычайной акустикой огромного зала, не стихал, заставлял несколько минут подряд звенеть хрустальные подвески люстр.

Рядом с Курнатовским оказалась Вера Засулич. До этого Виктор Константинович видел ее застенчивой, замкнутой. А сейчас, взглянув, подивился: восторженное лицо, сияющие молодо глаза.

Едва приступили к деловой части, сейчас же возникло острое столкновение марксистов с анархистами и реформистами. Курнатовский предполагал: этого не миновать. Анархизм был силен в Швейцарии, Франции, Испании, Италии. Несколько его представителям удалось проникнуть на конгресс. Вот они-то и хотели навязать социалистическому движению враждебные марксизму взгляды и тактику. Хотели, да не сумели. Не удалось. Почти единодушно присутствующие в зале проголосовали за исключение бунтующих молодчиков из числа делегатов. Драчливые, те попытались кулаками и хулиганскими выкриками заменить аргументы. И это не помогло. Их с негодованием выгнали прочь.

Когда английский делегат стал утверждать в своем выступлении, что террор является политической деятельностью, и при этом сослался на убийство Александра II, Виктор Константинович машинально глянул на Засулич.

Ему показалось, что ее встречный взгляд как бы спрашивал его: прав ли докладчик? «Едва ли она знает о моих былых заблуждениях и о моей причастности к подготовке покушения на царя... Тогда, что греха таить, мы считали — без террора не обойтись революционерам». Он виновато заулыбался, давая ей тем самым понять: пройденный и мною этап. С народовольческими заблуждениями раз и навсегда покончено.

Если бы ему полагалось, он с готовностью поднял бы гостевой билет вместе с теми, кто со своими делегациями голосовал за резолюцию, предложенную Августом Бебелем, что под политическими действиями следует понимать использование рабочими партиями политических прав и законодательных учреждений в интересах пролетариата и для овладения политической властью.

Много полезного для себя почерпнул Виктор Константинович из дискуссии о мерах по установлению восьмичасового рабочего дня. Борьбу за это провозгласил еще первый конгресс. Теперь, в Цюрихе, большинство делегатов вновь решительно отвергло анархистское пренебрежение такой борьбой и высказалось против переоценки оппортунистами подобного закона, если его и примет буржуазный парламент. Ничто не должно преградить пролетариату пути к главной цели — освобождению от эксплуатации, завоеванию власти.

Наступит время, и Курнатовский подробно расскажет Ленину о конгрессе. О позициях, которые занимали те или иные делегаты по всем семи вопросам, вынесенным на обсуждение. Любой из них, без исключения, имел по-настоящему мировое значение. С какими лозунгами и требованиями и когда выходить пролетариям на Первомайскую демонстрацию? Какой должна быть политическая тактика социал-демократии? Ее отношение к войне...

С обстоятельным докладом выступил Георгий Валентинович Плеханов. Его имя уже стало широко известно

в кругах европейской социал-демократии. С той поры он старался поддерживать связь с Энгельсом.

В перерыве между заседаниями Вера Засулич рассказала Курнатовскому о своей переписке с Энгельсом и его доброжелательном отзыве о «Наших разногласиях» Плеханова. Книга вызвала у великого соратника Маркса чувство гордости за то, что в среде русской молодежи существует группа, которая искренне и безоговорочно приняла экономические и политические теории марксизма.

Георгий Валентинович говорил о тактике социал-демократии. Он бросил вызов монархической России, как одному из оплотов международной реакции. Разоблачил контрреволюционную роль царизма. Отстаивал точку зрения на войну, как порождение самой капиталистической системы. Подчеркнул неотложную необходимость освобождения русского народа от самодержавного ига...

Ленин с хитрым прищуром глянет на Виктора Константиновича, спросит:

— А предлагал ли Георгий Валентинович конкретную программу борьбы против войны?

— Не помню, — ответит Курнатовский. — Может, не рассыпал, пропустил...

Его потрясла вдохновенная речь пламенной революционерки Клары Цеткин. До этого ему казалось, что эмансипация женщин необходима в одинаковой мере всем представительницам прекрасного пола.

Но Клара Цеткин, поднявшись на трибуну, словно нажала на нужную педаль. Громко и определенно потребовала придать женскому движению классовый характер, пролетарскую направленность.

— Буржуазные деятельницы тоже за равноправие женщин. Но почему-то всегда забывают, что между ними и пролетарками существует непроходимая пропасть классовых противоречий. Работницы должны сказать буржуазным женщинам: мы не хотим таскать для вас каштаны из огня! Ваши привилегии ведут за собой нашу нищету.

Ваше образование возможно только благодаря тому, что эксплуатируют нас... Мы, социал-демократы, должны бороться прежде всего не за расширение так называемых женских прав, а за ограничение эксплуатации женщин, восьмичасовой рабочий день для работниц, а для девушек — шестичасовой...

Пройдут годы, и требования пламенной Клары вспомният Курнатовский, когда в Минусах Сильвин будет делиться с ним пережитым, упомянет забастовку папиросниц на табачной фабрике «Лаферм», их требования восьмичасового рабочего дня и политических свобод.

Но ярче всего и навсегда в памяти русского гостя конгресса запечатлелась прозвучавшая одновременно прощально и призывающе речь великого Энгельса. Никто тогда не предполагал, что это будет его последняя речь.

Выйдя из-за стола президиума, он медленно, превозмогая боль, которая, очевидно, его не оставляла, подошел к трибуне. Положил на нее руку, нуждаясь в опоре. Вторую руку поднял — безуспешная попытка утихомирить зал, бушующий, как в океане двенадцатибалльный шторм. Наконец наступила полная тишина, Энгельс взволнованно, будто озирая пройденный путь, начал говорить. Сперва по-английски, затем то же самое на французском и немецком языках:

— Граждане и гражданки!.. Неожиданно блестящий прием, который вы мне оказали и которым я был глубоко тронут, я отношу не к себе лично, а принимаю его лишь как сотрудник великого человека, портрет которого висит вон там вверху (речь идет о Марксе). — Его правая рука не теряла опору, а левая взметнулась к середине сцены. — Прошло как раз пятьдесят лет с тех пор, как Маркс и я вступили в движение... С того времени социализм из маленьких сект развился в могучую партию, приводящую в трепет весь официальный мир. Маркс умер, но, будь он теперь еще жив, не было бы ни одного человека в Европе и Америке, который мог бы с такой же законной гордостью оглянуться на дело своей жизни...

Меткими, разящими, как острый меч доблестного воина, словами Энгельс подчеркнул важность окончательного отмежевания от анархистов.

Вместе с тем соратник Маркса предостерег социалистов от зреющей опасности сектантства. Энгельс по поручению бюро объявил конгресс закрытым, провозгласив здравицу международному пролетариату.

Зал слушал последние фразы стоя. Делегаты, гости, публика, битком заполнившая галереи, в едином и мощном порыве долго рукоплескали. Курнатовский почувствовал, что готов протиснуться сквозь пять рядов, отделявших его от сцены, готов приблизиться к Энгельсу, сказать ему: клянемся исполнить все, чему Карл Маркс и вы, его сподвижник, нас учите... Мы пойдем к светлой цели — коммунизму...

Им овладело состояние подъема и нетерпения. Не может он, не должен дольше оставаться в эмиграции. Работа в химической лаборатории завода, куда ему удалось устроиться до окончания Политехнического, довольно приличный заработка, библиотека-читальня, где он обрел немало друзей,— все это вдруг стало казаться ему тяжкими веригами. Сбросить их, избавиться от унылого эмигрантского существования, ведущего к ностальгии. Скорей на родину, в пекло борьбы. Пусть снова аресты, тюрьма, ссылка, каторга, пусть даже смерть, но в бою за пролетарское дело.

Он уходил с конгресса в неудержимом волевом порыве поскорее покинуть этот спокойный, с виду такой демократический Цюрих.

Одна за другой подливали масла в огонь приятные вести из России. Там вспыхивают волнения и забастовки. Газеты пестрели хроникой из Петербурга о стачке столичных текстильщиков.

Кто-то принес в читальню и передал Виктору Константиновичу тайно переправленную сюда прокламацию. Ему, конечно, неизвестно, что она составлена тем, кто вскоре

создаст «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В ней вскрывались причины бедственного положения рабочих и давались советы, как надо бороться с царем и заводчиками. Бесправолочный телеграф, изустная молва, от одного к другому передавал о новой вспышке обысков и арестов в Петербурге. Среди схваченных жандармерией называли младшего брата Александра Ульянова. Это он написал призывную листовку. Зовут его Владимиром. Он уже сумел отличиться в Казани. Один из тех зacinщиков студенческой сходки, которая протестовала против полицейского устава для университетов. О ней говорили студенты по всей стране, узнала заграничная печать.

Курнатовский начал готовиться к отъезду. Ночами просиживал за учебниками, стараясь успешнее окончить Политехнический и получить диплом инженера. Стал искать возможность накопить необходимые для поездки деньги. В наличии их у него в то время не было. Желание оказаться полезным Питеру, как бы протянуть руку бастующим текстильщикам побудило Виктора Константиновича написать брошюру «Рабочий день». Он справился с поставленной задачей, хотя она была нелегка и сбор материалов для нее занял много времени.

Рукопись послана Плеханову. Тот не замедлил прислать похвальный отзыв. Неожиданно Георгий Валентинович вызвался напечатать брошюру в женевской типографии русских социал-демократов. Пообещал посодействовать тайной пересылке «Рабочего дня» в Россию. А через некоторое время Курнатовский получил необходимую ему сумму гонорара.

Транспортировка нелегальной литературы действовала отменно. Брошюра Курнатовского на родине. Она попала в руки Ленина раньше, чем собрался в путь и доехал до русской границы Виктор Константинович. К сожалению, его обогнала и срочная депеша провокатора Евно Азефа со всеми приметами «опасного полити-

ческого преступника». Жандармы опознали и задержали его на пограничной станции Вержболово. Последовал арест, тюрьма, очередная ссылка...

ИЗ ЦЮРИХА... В СИБИРСКУЮ ССЫЛКУ

Итак, Ленин знал о Курнатовском задолго до встречи. Забегая вперед, заметим: они встретились, как давнишние друзья.

Курнатовский был достоин дружбы Владимира Ильича.

Разными путями и совершенно самостоятельно каждый из них становился марксистом. Ленин очень рано, семнадцатилетним, решительно отверг методы народников. Курнатовский сам был народником и нелегко преодолевал их заблуждения. Но со временем последовательно, окончательно и бесповоротно преодолел.

В Москве, на Большой Серпуховке, стоял дом Ляпина. Этот дом был дорог сердцу Курнатовского. Квартировала в нем семья мещанина Александра Жардецкого. У него была дочь Сашенька. Студент Виктор Курнатовский, посыпая ей теплые письма из Швейцарии, просил помнить.

Мы, к сожалению, не знаем тех писем, которые дошли до адресата. Уцелели недошедшие, перехваченные царской охранкой и подшитые к «делу № 479» жандармского управления.

Вот выдержка из одного такого письма, имеющая не личный, интимный, а широкий политический смысл:

«Прошли два года после голода, и опять появляются «хорошие слова» об общественном хозяйстве крестьян, забывая, что где же эти силы, которые возьмут на себя осуществление планов, указанных пишущими, что сделают народники с 27 процентами безлошадных, безземельных и т. д.

Пора бы уже указать на растерянность мыслей нашей культурнической народнической интеллигенции, не сумевшей объяснить себе этого явления. Невысокого мнения станешь о силе мысли нашего народничества!

Говоришь им, этим народникам, об условиях, разрушающих крестьянское хозяйство. А они об улучшении земледелия, как всесильном средстве.

Указываешь им, этим народникам, что на это улучшение нет средств в громадной массе, что оно способствует еще скорейшей дифференциации крестьянства на мелкую сельскую буржуазию и бесхозяйных, что, наконец, сельскохозяйственные улучшения, увеличивая массу земледельческого продукта и уменьшая его цену, наносят удар слабым хозяйствам — а они как-то не задумываются над этим.

Обидно, больно, они не видят из-за частностей общего, не понимают общего смысла теперешнего момента...»

Когда это письмо написано Курнатовским? Так и чудится, что под горячую руку, сразу же после прочтения книги В. И. Ленина «Что такое «друзья народа»...». Схожие формулировки. И та же определенность в оценке народничества.

Но на письме дата: 10 августа 1894 г.

Владимир Ильич находился в это время не в Швейцарии, а в Москве. С Курнатовским не был знаком. И хотя написал свою книгу еще весной, напечатать полностью сумел лишь к октябрю 1894 года. Она размножалась отдельными выпусками, по главам — выходили тетрадки с оттисками, сделанными на гектографе синими чернилами, и в очень ограниченном количестве.

Разумеется, я сравниваю не достоинства гениальной ленинской работы с частным письмом Курнатовского, а всего-навсего некоторые оценки. Незнакомые друг с другом, Ленин и Курнатовский уже в те годы были единомышленниками.

К сожалению, мы не можем открыть читателю, когда

и где, при каких обстоятельствах произошло их знакомство. Об этом разные сведения и нет достоверных подробностей. Зато хорошо известны пути их сближения.

Владимир Ильич был уже в Шушенском, и Надежда Константиновна успела к нему добраться. А Виктору Курнатовскому, просидевшему около года в тюремной камере петербургской «предварилки» на Шпалерной, еще только объявили монарший приговор. Три года ссылки в Сибирь. «Проходное свидетельство», вместо паспорта, позволяло осужденному отправиться не этапом, а за свой счет по железной дороге. Ее тогдашний конечный пункт — Красноярск. А дальше? Власть предержащие укажут, куда следовать дальше.

Курнатовский, по сути, повторил маршрут Ильича. Через Москву, Самару, Заволжье, Уфу, мимо лесов и степей, заводских поселков и помещичьих усадеб. Мимо бесконечных грунтовых трактов и поражающих взгляд своей нищетой приземистых деревень. Поезд дотянулся до Урала, стал перебираться через его хребет, и Виктор Константинович заметил, что реки, текущие до сих пор навстречу, потекли вспять. Встретили и провожают... А его проводили друзья, когда же встретят?

Виктор Константинович настраивал себя на побег при первой возможности. Он знал, что за ним и в поезде следят жандармские соглядатаи, шпики, но недюжинная натура бунтаря искала выхода, рвалась к энергичному действию. В столичной тюрьме ему сообщили, что многих революционеров совсем недавно услали в Сибирь, среди них и младший брат Александра Ульянова. Но Сибирь — это ведь не одна, а множество европейских стран. Ищи иголку в стоге сена...

Все же он надеялся — найдет единомышленников и в этой огромной тюрьме без стен и крыши, протянутся нити связей сквозь дремучую тайгу, лютый холод, бездорожье... Протянутся!

В Красноярске прямо с вокзала Курнатовский на-

правился не в полицейское управление, как предписывало проходное свидетельство, а в Падалкин переулок, в фотографическое заведение Генриха Кеппеля и Регины Аксельрод.

Для чего? Оставить память о себе? Не исключено. Однако, всего вернее, чтобы просмотреть альбом со снимками тех, кто сюда попал до него. Альбомы-справочники, как их метко окрестили революционеры.

Виктор Константинович внимательно всматривался в каждую фотографию — ни одного знакомого лица. Попросил хозяина указать недавно снятых им ссыльных петербуржцев.

— Ищете земляков?.. Извольте! — Кеппель назвал несколько фамилий, совершенно неизвестных его клиенту. — А вот и Ульянов Владимир Ильич, — указал фотограф, — выглядит гораздо солидней своих лет. Старший брат его Александр покушался на царя и казнен. А младший, толкуют, руководил в Петербурге каким-то «Союзом рабочих»... А вот — его невеста... последовала за ним в Сибирь.

— Куда в Сибирь?

— Этого мне знать не полагается...

Полицейское управление отправило Курнатовского в тюрьму. Там он дождался очередной партии ссыльных уголовников и под конвоем, на пароходе, по многоводному Енисею был доставлен в Минусинск. Один день, проведенный в Минусинске, приободрил Виктора Константиновича. Успел осмотреть знаменитый музей Николая Михайловича Мартынова. Побывал у старого народовольца Тыркова. Познакомился с деятелем польской партии «Пролетариат» Феликсом Коном — идейно близким к марксистам. Беседы эти неизменно возвращали Виктора Константиновича к пройденному — всплывала и его работа в кружке Александра Ульянова, и протест против верноподданнического адреса царю в университете. Владимир Ульянов избрал свою стезю, далеко не во всем

следуя за старшим братом. Феликс Кон, толкуя о нем, утверждал: «Ульянов глубоких знаний марксист, пользуется всеобщим уважением, энергично собирает вокруг себя единомышленников».

В тряской телеге ехал Курнатовский к месту поселения — в село Курагинское на реке Тубе. Выехал ранней зарей, чуть свет, а на берегу, у речной переправы, оказался в закатные сумерки.

Дорога была унылая, кругом тишина, безлюдье. Куда ни глянь — степь да тайга. Возчик — молчун, не разговорить.

Виктор Константинович невольно погрузился в раздумья о пережитом и предстоящем. С кем коротать ссылку, если не удастся вырваться на волю?.. Перебирая мысленно беседы с Кеппелем, минусинцами, припоминая более ранние скучные сведения, дошедшие до Цюриха и в столичную тюрьму, Виктор Константинович почувствовал, как все сильнее овладевает им желание поскорее повидаться с Владимиром Ульяновым. А сумеет ли? В музее Мартынова, осматривая карту Минусинского округа, Курнатовский составил себе ясное представление, насколько разобщены сибирские селения. От Курагинского до Шушенского примерно сто верст. Одолеть их ссылочному без спросу? В прошлом, загнанный в Шенкурск, он оказался в карцере за то, что дерзнул самовольно уйти за пять верст, а не за сто. Просить разрешение? Начальство наверняка откажет. «Не для того развели, разметали вас, чтобы позволить собираться!»

Телега на плоту пересекла русло Тубы, въехала с правого берега на единственную улицу, остановилась у дома старосты. Вот уже и жилье определено. Сотский привел Курнатовского к единственному здесь ссылочному — поляку Ковалевскому, который нестерпимо томился одиночеством и обрадовался «живой душой»:

— Живу, как Наполеон на острове святой Елены! Жду не дождусь, когда приедет жена...

Курнатовский не считал возможным революционеру жениться, обзаводиться семьей. Подвергать жену и детей постоянным опасностям, тревогам, ночным обыскам, гонениям, нужде и тюрьме — нет, на это, считал он, не имеет никакого права тот, кто посвятил свою жизнь борьбе.

Прошло несколько дней. И совершенно неожиданно явились гости: Александр Сидорович Шаповалов и Николай Николаевич Панин. Пробил час несказанно обращавшийся Курнатовскому.

Нежданный приезд питерских рабочих Шаповалова и Панина свидетельствовал о возможности общения между ссыльными даже здесь, в Сибири. Виктор Константинович приободрился. Едва завязанная беседа зародила в нем надежду на близкую встречу с Владимиром Ульяновым. Оба гостя наперебой выясняли у него: надолго ли сюда? Марксист? Ну, конечно, об этом они наслышаны. И что работал в питерском подполье, слух до них дошел. Сами питерские. А знается ли он со Стариком?

— Знаюсь со многими стариками. — Курнатовский стал перечислять: — Климент Аркадьевич Тимирязев. В Москве слушал его лекции. Кстати, по моей просьбе, при внезапном полицейском налете, он упрятал в своем портфеле нелегальщину. Спас многих студентов от ареста... За рубежом виделся с самим Фридрихом Энгельсом. Знаюсь с Плехановым, Верой Ивановной Засулич...

— А с нашим Стариком, который вас помоложе? С Владимиром Ильичем Ульяновым? — перебил Шаповалов.

— Не успел, — признался Виктор Константинович.

— Как же так не успели? Почему? Когда подали прошение о поездке в Шушенское?.. До сих пор еще не подали?

— Так я здесь всего без году неделя, — оправдывался Курнатовский.

По тону задаваемых ему вопросов он догадался: приезд гостей вероятней всего подсказан самим Стариком, или Ильичем, как они уважительно называли Ульянова.

— Хотите, увезем вас в Тесь,— предложил Панин.— Вернетесь раньше, чем начальство успеет спохватиться.— И, соблазня на такой рискованный вояж, прибавил: — У нас бывает Стариk. Находит уважительные причины для поездок. То зубы лечить, то вести геологическую разведку Егорьевской горы — не скрыто ли в ней золотишко...

Увы! Не скоро состоялось свидание Курнатовского с Лениным, хотя оба и, должно быть, с обоюдной горячностью стремились навстречу друг другу.

ОБЩИЕ ТОКИ

В Тесинском Виктор Константинович обрел новых и верных друзей. Кроме Шаповалова и Панина там были поселены Глеб Максимилианович Кржижановский и Василий Васильевич Старков с женами. Видя, как дружно живут обе семьи, Виктор Константинович заколебался в своем убеждении навсегда оставаться холостяком. Его восхищало мужество, поражала решимость русских девушек. Молодые, красивые, они добровольно отправились из Петербурга в далекую каторжную Сибирь к своим возлюбленным. Тут, в ссылке, они точно так же, как Владимир Ильич с Надеждой Константиновной, справили свадьбы и ладно зажили со своими мужьями.

Впрочем, чему удивляться? Ведь и в столице империи эти девушки добровольно и бескорыстно учили рабочих, принимали участие в забастовках, в подпольной работе «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Придет время, и друзья увлекут Виктора Константиновича в близкую от Теси деревушку Шошино. Там в семье золотопромышленника Окулова две его дочери — Екатерина и Глафира — тоже отбывали ссылку за участие в Москве в студенческой демонстрации, посвященной памяти жертв ходынской катастрофы.

Обе девушки становятся убежденными марксистками

благодаря общению с друзьями Ленина. «В первый период мне не пришлось встретиться с Владимиром Ильичем,— вспоминает Глафира Ивановна.— Но с его товарищами я виделась очень часто». Кто же эти товарищи? Она называет троих: Г. М. Кржижановского, В. В. Старкова, В. К. Курнатовского. «Они мне рассказывали о другом пути борьбы, о марксизме, о борьбе классов, о неизбежности победы пролетарской революции и о роли отдельного человека в этой борьбе».

Примечательно то, что в «первый период», о котором ведет речь Глафира Ивановна, не только ей, но и Курнатовскому еще не довелось повидаться с Лениным. Но сестры признали Виктора Константиновича таким же близким товарищем Ильича, как Кржижановский и Старков.

«С первой же встречи Курнатовский,— уверяет Екатерина Ивановна,— произвел необычайно хорошее впечатление. Веселый и приветливый, мягкий и деликатный, скромный, но в то же время внушающий невольное уважение... Казалось, ко всем своим бедам и невзгодам он не может относиться иначе, как с веселым юмором. Наряду с этой беззаботностью по отношению к себе самому трогательна была его внимательность и забота в отношении других».

Екатерина была старше Глафиры на несколько лет и сразу нашла с Виктором Константиновичем общую тему разговора. Им было о чем вспомнить, обменяться впечатлениями, всплывала нескончаемая вереница живо-трепещущих вопросов... «Его высокая культурность и образованность не были крикливыми, навязчивыми — они лишь постепенно становились заметными для тех, кому приходилось вести с ним частые беседы на самые различные темы.— Так отзывалась Екатерина Ивановна о Викторе Константиновиче, который, несмотря на болезненность, глухоту, очаровал ее несомненными достоинствами.— Благодаря его прекрасным качествам, и прежде

всего тому, что он был удивительно чутким, заботливым до самоотверженности товарищем, его глубоко уважали и любили все. И особенно хорошо понимали, любили и уважали его рабочие...»

Достойна внимания подмеченная Екатериной Ивановной в Курнатовском, мы бы сейчас сказали, ленинская черта особенной близости, слитности с рабочими. Их интересы он ставил превыше всего. Вот почему они и понимали, и уважали, и любили его. Это была взаимная любовь.

Питерский слесарь Александр Сидорович Шаповалов, и позже вспоминая, считал, что Курнатовский «из всей минусинской ссылки (не беря в счет, конечно, Владимира Ильича) наиболее преданный делу революции и с ярко выраженными чертами революционера. Он был отважен, смел, полон революционного энтузиазма, всегда готовый на самые опасные дела, что он доказал своей тяжелой, полной лишений и мученичества жизнью».

Заметьте, вслед за Лениным на правый фланг рыцарей революции, сосланных в Минусинский округ Сибири, рабочий Шаповалов ставит Курнатовского. А ведь там оказалась плеяда верных ленинцев, организаторов и руководителей «Союза борьбы», цвет и гордость нашей партии, которая благодаря именно их титаническому труду, героической деятельности стала большевистской.

Сравнительно близко из Курагинского в Тесь. Совсем «под боком» у тесинцев Шошино. А в нем всегда рады приезду Виктора Константиновича. Явно неравнодушна к нему Екатерина Ивановна. Только девичья гордость не дает ей признаться своему избраннику.

А он, будто ничего не замечая, увлечен младшей сестрой — девятнадцатилетней красавицей Глафирай. Но тоже сдержан, не открывает своего сердечного влечения. Еще не утратил окончательно установленного для себя самого принципа: идейному борцу нельзя быть связанным любовью к женщине, а тем более женитьбой, семьей. Ему кажутся непреодолимыми и другие преграды —

большая разница в возрасте, материальная нужда, глухота, поднадзорная жизнь, постоянные гонения и преследования. «Не знаешь, на каком ты свете, где завтра окажешься — ушлют за тридевять земель на каторгу или запрут в остроге». Он смиряет свои чувства, и не впервые. Поддерживает с обеими девушками — Екатериной и Глафиroy — ровные товарищеские отношения. И ему это удается.

Между тем с каждым днем все сильнее томит и мучает «тихая заводь» ссылки, оторвавшей его от активного участия в классовой борьбе. Быть вместе с Владимиром Ильичем, под его началом, действовать и тут, в Сибири, самым энергичным образом! И Виктор Константинович со stoическим упорством начинает добиваться перевода в Шушенское.

Местные власти наотрез запрещают переселение. Тем более в Шушенское, где за одним Ульяновым уряднику не уследить.

Тогда Курнатовский вторично выдвигает разные мотивы, упорно настаивает на переводе. Пусть хотя бы в Ермаковское. Ближнее к Шуше село. Не в ста, а только в сорока верстах.

Виктор Константинович ведет всю эту тяжбу с начальством по собственной инициативе, по личному разумению.

А что Ленин? Как он к этому относится?

Ленин пристально следит, чем завершатся хлопоты. И не просто следит, а проявляет живейшую заинтересованность. Считает уместным написать обо всем этом своей матери. Из письма ясно, что Мария Александровна хорошо знает о Курнатовском, наслышана о нем, поскольку в письме не дается никаких объяснений, кто он, откуда, так пишут не только о своем, а об общем, семейном, хотя и заочном знакомом: «Курнатовский (живет в с. Кургинском, верст 100 от нас) просился в Шушу; отказали; теперь переводится в с. Ермаковское (верст 40 от Шуши), где будет совсем один».

Ленин как вскользь проронил: «где будет совсем один». Всего четыре слова, а в них слышится и горечь, и забота о товарище.

Владимир Ильич и впрямь не дает Курнатовскому быть в одиночестве. Посыпает ему при случае с оказией записки. Едет в гости, на охоту, в Ермаковское, где читатель уже повидался с ними и Сильвиным. Зовет к себе в Шушу. Дает пользоваться библиотекой, и дарит свои книги. Видимо, по его же совету и другие ссыльные перебираются в Ермаковское, ибо вскоре там образуется маленькая колония социал-демократов. Кроме Сильвина и Курнатовского там поселяются еще и Лепешинские, и Ванеевы, и Панин.

В Ермаковском происходит знаменитое совещание семнадцати ссыльных марксистов, выступивших во главе с Лениным против так называемого «Кредо», опубликованного «экономистами».

Общие токи. Ленин усиленно работает над очередной книгой. Ему хочется закончить ее поскорее. Он чувствует, как она насущно необходима. Поэтому он присматривает себе помощников, кто бы мог ускорить дело, собрать и систематизировать недостающие материалы. И именно к Курнатовскому и Лепешинскому обращается с таким предложением.

Виктор Константинович вообще в курсе всего, что делается в Шуше. «...Работа Владимира Ильича «О рынках», — пишет он родным, — уже печатается с января и скоро, должно быть, появится в свет. Он предложил мне и Лепешинскому быть счетчиками в предполагаемой им новой работе (переработка фабрично-заводской статистики России), если только найдется изатель. Придется составить и сосчитать около 20 000 карточек».

Карточки были составлены и сосчитаны. Издатель нашелся. Ленинская работа вышла в свет.

Общие токи. Ленинская жажда знаний. Она ставится в пример из поколения в поколение. Владимир Ильич

никогда не переставал учиться. Из минусинской ссылки он сообщает Потресову, в связи со злополучными статьями «легальных марксистов» Струве и Булгакова в «Новом слове» («Закон причинности и свобода человеческих действий» и «Еще о свободах и необходимости»): «...с неокантианством действительно необходимо посчитаться серьезно... Сознаю свою философскую необразованность и не намерен писать на эти темы, пока не подучусь».

Ленин незамедлительно начинает глубокое изучение Гольбаха, Гельвеция, переходит к Канту...

А Курнатовский? К прочным и обширным знаниям он тянулся, как подсолнух в пору цветения к благодатным солнечным лучам. Еще в первой, шенкурской, ссылке он сетует: «Свободы я жду со страстным нетерпением, хотя далеко не с радостным чувством. Чувствую, какую массу знаний еще надо приобрести, чтобы быть сознательным и достойным представителем того дела, за которое хочу взяться...»

В минусинской ссылке он вторично берется за изучение «Капитала» Маркса. Причем в подлиннике.

Побывав у Владимира Ильича, он узнает о новинке — книге Каутского «Аграрный вопрос». И тут же выписывает себе эту объемистую работу в пятьсот страниц. И радуется, что она обстоятельная, что над ней можно серьезно поразмыслить. Он регулярно просматривает журналы: «Научное обозрение», «Вестник Европы», «Русское богатство», «Мир божий». Ждет с нетерпением новый журнал «Начало». Берется за философию. Штудирует трактат немецкого профессора Штаммера, неокантианца, пытающегося «опровергнуть» Маркса. Штудирует, хочет как следует узнать идейного врага, чтобы положить его затем на обе лопатки.

После прочтения книги русского доморощенного ревизиониста С. Прокоповича «Рабочее движение на Западе» дает ей уничтожающую характеристику: «компилиятивное кропательство», «ни грана науки».

Он по-ленински жаден к книгам, к настоящим глубоким знаниям, к подлинной науке. Среди его писем нет ни одного, где бы не упоминались книги. Выписанные или случайно попавшие в его руки, или где-то взятые на срок, или прочитанные коллективно, обсуждаемые, вызывающие споры, требующие отповеди, незамедлительного ответа.

Виктор Константинович доволен удавшимся переездом в Ермаковское. Очень рад, что обосновался в нем. Это село ему нравится больше других мест в ссылке прежде всего потому, что оно близко к Ульянову. А «благодаря близости (сравнительной) Шушенского в книгах теперь у нас скорее изобилие, чем недостаток...» И рассказывая о прочитанном, о философской полемике, сообщая с во-сторгом, что Владимир Ильич скоро получит интересную новинку, вышедшую из печати, Курнатовский лукаво добавляет: «Итак, как видите, мы не совсем в стороне от столбовой дороги европейской мысли».

С лукавством и гордостью. Быть рядом с Лениным, вместе с Лениным — нельзя оказаться в стороне от столбовой дороги истории, самой жизни.

ЩЕДРОСТЬ НА ДОБРОТУ

Виктор Константинович принимает предложение вдовы купца Гусева быть инженером-химиком на сахарном заводе в селе Ивановке.

Перед тем как поехать для переговоров в Ивановку, Курнатовский специально направляется в Шушенское. Приглашает Владимира Ильича вместе с Надеждой Константиновной посетить завод и заручается их согла-сием.

Заметьте, от Ивановки до Шуши уже не сорок, а всего-навсего около двадцати пяти верст.

Завод, поставленный среди тайги, на вырубах, у берега

реки — притока шумного и быстрого Енисея, имел нека-
зистый вид, весь деревянный, с тесными и грязными нара-
ми в бараках для рабочих.

Здесь все делали главным образом женщины и девушки-подростки. Курнатовский не раз вспоминал справедливые требования Клары Цеткин с трибуны Цюрихского конгресса.

Тайгу еще прикрывал предрассветный туман, а возы и телеги, груженные доверху свеклой, громыхая по тракту, тянулись длинным обозом к складским навесам. Женщины разгружали свеклу в чаны. Чумазые ребята в лоскутной одежке, которым едва минуло девять-девятъ лет — им бы в школу, за книгу, таскали свеклу в плетеных корзинах и ведрами из чанов на сортировку. Они же ее и сортировали.

А мытьем «товара» были заняты старшие сестры, матери.

Завод оборудован кое-как и кое-чем. Все делалось на нем вручную, надсадным физическим трудом. Мастера покрикивали и подгоняли работниц, потных, буквально задыхающихся у чанов.

Клубы пыли и облака пара, не оседая, заполняли низкие, приземистые цехи. Никакой вентиляции не было и в помине.

Заводчик старался выжать сполна всю энергию, все силы рабочего люда. Он хотел получить за сезон побольше прибылей. Заставлял варить сахар от зари до темна и даже по воскресеньям. Лишал всякого отдыха. Не зря заводские называли свой труд «сладкой» каторгой.

Измученный после несчетного количества лабораторных анализов, Виктор Константинович валился в постель в своей комнатушке, помешавшейся рядом с конторой. Среди ночи просыпался. Зажигал керосиновую лампу и читал. Читал до тех пор, пока снова не одолеет дрема. Пусть хоть несколько страниц, но без этого он не мог.

А ранним утром — опять в лабораторию, за анализы.

Все же не забывал обещания Владимира Ильича, ждал его с нетерпением.

Однажды, не выдержав, решил напомнить ему о себе письменно. Попытался заинтересовать: дескать, здесь много материала, красноречиво подтверждающего ваше «Развитие капитализма».

И вот, запыхавшись, вбегает в лабораторию конторский «мальчишка на побегушках», зовет Виктора Константиновича:

— Господин инженер, к вам гости пожаловали...

Середина октября, морозно. А Курнатовский, как был без пальто и шапки, устремился к конторе. Издали заметил кошеву, запряженную парой лошадей.

Владимир Ильич неловко пытался соскочить на землю: мешает теплая одежда. А дальше — взаимные приветствия, расспросы... Но пусть лучше читатель узнает обо всем из уст Надежды Константиновны:

«...Было воскресенье, хотя и холодно, но солнце светило с прекрасного голубого неба, мы и покатили. Оделись совсем по-зимнему, Володя в шубу, валенки, а меня закутали в «семейный» тулуп, я с головой в него ушла совсем. Курнатовский оказался ужасно занят. Праздников у него нет, работает по 12 часов в сутки... Осматривали сахарный завод, директор проявлял необычайную любезность к «знатным иностранцам» (несмотря на то, что Володя в своих валенках и зимних брюках походил на великана из «Мальчика с пальчик», а у меня все волосы дыбом стояли от ветра), старался оправдать дурные условия, при которых приходится работать рабочим, сам заводил разговоры на эту тему и простер свою любезность до того, что, несмотря на весь свой элегантный и выхоленный вид, бросился подавать Володе табуретку и стирать с нее пыль. Я чуть не расхохоталась. Курнатовский через месяц приедет к нам в гости».

Гостям в этой поездке запомнился и такой эпизод: идут они медленно втроем мимо невзрачного завода, их

обгоняют две девчонки. Одна постарше, другая совсем маленькая. Старшая несет пустое ведро, младшая — со свеклой. Виктор Константинович остановил девочек, укорил старшую:

— Как не стыдно, большая заставляет нести маленькую.

Та только недоуменно посмотрела на него. Тогда он предложил:

— Дай-ка я тебе помогу,— и, взяв у маленькой полное ведро, донес его до цеха.

У него было доброе сердце. И он любил детей.

Надежда Константиновна так отзыается о Викторе Константиновиче: «Был он очень хорошим товарищем, очень образованным марксистом, но тяжело сложилась его жизнь. Суровое детство с извергом-отцом, потом ссылка за ссылкой, тюрьма за тюрьмой. На воле почти не работал, через месяц-другой влетал на долгие годы, жизни не знал».

«Жизни не знал», конечно, в смысле видел мало светлого. Действительность же он знал, изучал ее, пристально следил за всеми изменениями и делал все, что было в его силах, чтобы скорее наступили самые радикальные перемены.

В умении приобретать друзей у Виктора Константиновича чувствуется ленинская хватка. Короткая встреча в Красноярске с Феликсом Коном, одна ночь, проведенная как будто в спорах на политические темы, а расстаются друзьями. В Минусинске, где отправляемые этапом дальше ссыльные делали остановку, Курнатовский посетил городской краеведческий музей. Он знакомится с его основателем Николаем Михайловичем Мартыновым. Выясняется, что тот хорошо знает подробности «дела» Александра Ульянова. Знает от товарища Александра, бывшего студента Петербургского университета Сергея Никонова, сосланного в Красноярск и оказывавшего музею серьезную помощь.

— Так и я знаю Никонова и тоже хочу вам помочь,— говорил Виктор Константинович. И уставливается с Мартыновым, в чем именно нужнее всего такая помощь.

Минусинский музей вскоре получает от Курнатовского материалы для изучения экономики края, а он — ответно-дружеское расположение к нему Николая Михайловича, переросшее в крепкую дружбу.

В Ермаковское после долгих ходатайств и мытарств перевели тяжко больного Анатолия Александровича Ванеева. Его буквально съедал туберкулез. Стремился Анатолий Александрович сюда, чтобы иметь рядом верного товарища, Михаила Александровича Сильвина, однокашника по гимназии, ученическому революционному кружку, петербургскому подполью. Михаил приводит к больному Виктора Курнатовского, и вскоре Анатолий привязывается к новому другу. Они неразлучны. Когда нужно, инженер-химик Виктор Константинович у изголовья больного заменяет санитара или сестру милосердия. Он и сам умеет переносить стойко и мужественно все, что, как обвал в горах, обрушивалось на него, отзывчив и чуток к страданиям и несчастьям других.

«После смерти Ванеева,— вспоминает Ольга Борисовна Лепешинская,— у нас случилось новое несчастье, заболела моя дочь. Две недели она находилась между жизнью и смертью. Пантелеимон Николаевич совсем упал духом. В самый критический день болезни у жены Ванеева начались роды и никто, кроме меня, не мог ей помочь, а я боялась заразить новорожденного дифтеритом.

— Как знать. Я доверяю только тебе,— сказала Доминика (жена Ванеева.— Л. Д.), и я решилась.

На другой день у Ванеевой родился сын — назвали его Анатолием. Мальчик очень слабый, да мать тяжело перенесла роды. С нашей дочерью находился Пантелеимон Николаевич, часто вместе с ним просиживал Курнатовский. В хмуром выражении лица, в грубовато отрывистом разговоре трудно было уловить нежность к ребенку, но

на самом деле не было сиделки внимательней и более чуткой, чем он».

Значит, Виктор Константинович не побоялся заразиться дифтеритом, чутко ухаживал за больной дочуркой Лепешинских — Олей, заменил сиделку. А потом охотно нянчился с детьми, любил их. И об этой стороне его характера знал Ленин.

Всякий раз, когда Курнатовскому выпадал счастливый случай попасть из Ермаковского в Шушу, видеться с Владимиром Ильичем, последний (как утверждает О. Б. Лепешинская), прежде чем о любом деле, непременно спрашивал Виктора Константиновича о состоянии здоровья малышек Толика и Олењки. А «убежденный» холостяк рассказывал подробно и с увлечением Ленину и Крупской о растущем поколении будущих революционеров. Что ж! Он оказался провидцем. Анатолий Анатольевич Ванеев и Ольга Пантелеимоновна Лепешинская стали коммунистами, внесли посильную лепту, все, что смогли, ради процветания социалистической родины. Возвращаясь к Курнатовскому, повторим бытующее в народе убеждение: детей любят люди чистые нравственно и щедрые на доброту.

Влияние его на людей можно проиллюстрировать множеством примеров. Ограничусь двумя. Нескольких месяцев работы на заводе Гусева оказалось достаточно, чтобы хозяйствский сын Александр заинтересовался произведениями марксистов и в конце концов стал единомышленником Виктора Константиновича.

Придет время, когда и двух недель с лихвой хватит Курнатовскому, приговоренному к вечной каторге и помещенному в больницу для лечения, чтобы он приставленного для охраны солдата убедил вместе с ним совершить побег.

А на него самого сильное влияние имел Ленин.

Ленин же, зная об авторитете Курнатовского среди эмигрантов, его дружеских связях с зарубежными деяте-

лями социал-демократии, иногда через него вел переговоры, переписку с Плехановым, группой «Освобождение труда».

Ссылка на исходе. Владимир Ильич начинает собираться в дорогу. Ему еще только предстоит покинуть Минусинск, а Курнатовский уже в тревоге: «Что будет со мной... после отъезда... Владимира Ильича?» Решает просить начальство о перееезде из Ермаковского в город. Да и там, предчувствует, ему будет без Ленина невыносимо. «Пустота и скука, должно быть, будут убийственные...»

И через две недели после проводов Владимира Ильича и Надежды Константиновны пишет: «Я до сих пор не могу войти в колею».

Ленин не просто прощается с Виктором Константиновичем, своими друзьями. Он заранее договаривается с ними о переписке, о дальнейшей совместной работе, решает с ними, кто куда поедет после отбытия ссылки.

Сейчас не верится, но это было — за весточкой Владимира Ильича Курнатовский отправляется, рискуя быть схваченным соглядатаем урядника, далеко в Тесь. А освободившись из ссылки в августе 1900 года, едет веселый, бодрый, полный энергии на Кавказ, по дороге останавливается в Воронеже, ловко проведя шпиков, находит их на ложный след: из Воронежа будто бы отбывает в Харьков, а на самом деле тайно пробирается за границу, попадает в Женеву. Всего на один-два дня. Для беседы с Лениным.

ПАРТИЙНАЯ «ПУТЕВКА»

Вскоре агент «Искры» Курнатовский в Тифлисе. Полиция обнаруживает его там в конце ноября 1900 года. Обнаруживает не где-нибудь, а прямо на квартире Ипполита Франчески, с которым он учился в Московском университете в 1891 году и вместе с ним, недоучившись до второго

курса, был схвачен жандармами. Тогда же Франчески угнали на Кавказ.

Ипполит объединил вокруг себя молодых революционеров, среди которых были Саша Цулукидзе и Владимир (Ладо) Кецховели. Явкой к Ипполиту, своему сокурснику по университету и подполью в Москве, Курнатовский запасся еще в Минусах. Там узнал и о том, что на Кавказе находится студент Иван Лузин, с которым Виктор Константинович был в шенкурской ссылке. Именно Ладо ухитрился, поступив наборщиком в одну из тифлисских типографий, где готовились к изданию духовные книги, «между делом» размножать переведенные им самим на грузинский язык запрещенные брошюры, в их числе и «Рабочий день» Курнатовского, дошедший сюда окольными путями.

Первая случайная его встреча с Курнатовским произошла в полночь, за несколько мгновений до окончания первого года нового века, который Виктор Константинович пророчески окрестил «нашим веком». Ладо соскочил с конки, бегущей под уклон, как раз тогда, когда городские часы на каланче пожарной команды звонко отбили первый из двенадцати ударов. Впереди, на крутом и скалистом берегу Куры мрачно чернела Метехская тюрьма, все окрест было пусто и темно. И в эту темень издалека врывался огнями Головинский проспект — центральная улица Тифлиса, расцвеченная фонарями богатых особняков, где с каждого балкона свисали дорогие текинские ковры. От дворца генерал-губернатора, наместника царя «всех Руси», даже сюда, на склон горы, доносилась бравурная музыка военного оркестра — там был в разгаре новогодний бал.

Кецховели спускался по горному склону. Из-за поворота снова появилась конка. Худой, но стройный, с гордой осанкой человек спокойно пересекал рельсы, не обращая внимания на крики и звонки кучера, который не мог остановить разбежавшихся лошадей.

Ладо бросился вперед и едва успел оттащить неизвестного в сторону почти из-под лошадиных копыт.

— Благодарю вас... — начал спасенный. В голосе его не отражалось никакого испуга, абсолютное спокойствие.

Ладо, гневно перебив, закричал:

— Глупо жизнь кончать под конкой, да еще в новогодье!..

— Ваша правда, молодой человек, — услышал он в ответ. — Глупо и нелепо зря отдать жизнь, особенно в начале века, сулящего нам вместо конок машинный транспорт, а может, и еще более радостные перемены...

Взаимные пожелания добра. И разошлись?

Да! Ибо каждый из них был конспиратором...

Но через несколько минут оба оказались в одном и том же домике, прикрытом густой широколапчатой листвой чинар. Здесь, на квартире московского друга Виктора Константиновича — Ипполита Франчески, произошло уже «официальное» знакомство и завязалась дружба Курнатовского с его молодым спасителем. Им обоим принадлежит заслуга печатания и распространения по Кавказу «Искры». В исследовании, посвященном этой ленинской газете, имеется указание на то, что как раз из Тифлиса редакция «Искры» получила сообщение о возможности тиражирования в местной типографии. Сообщение очень заинтересовало Ленина. И переписка его с кавказцами началась вскоре после встречи Курнатовского с Кецховели. Последний срочно отбыл в Баку, чтобы там создать ставшую потом знаменитой подпольную типографию «Нина».

Вместе с тем же Ладо, Вано Стуроа, Алешей Джапаридзе, Александром Цулукидзе, Ипполитом Франчески, Иваном Лузином, Михаилом Калининым и еще многими последовательными марксистами Курнатовский раздувает пламя забастовочного движения, борется с оппортунистическим большинством «Месаме-даси», не признававшим необходимости пролетарской революции и диктатуры

пролетариата. Выступает на митингах. Готовит уличные демонстрации. Заботится о создании комитета РСДРП. Связывается с железнодорожниками, заводскими рабочими, печатниками...

Жандармы сбились с ног, следуя за ним. То он, по их донесениям, «посещает тайный кружок наборщиков» и «такой же кружок железнодорожников». То он побывал на сходке. Помчался на другую, загородную сходку, в Ортачалы, «где говорил речь». Был среди митингующей молодежи на Давидовской горе. И все это, по полицейской сводке, за какие-нибудь полторы недели. Но надо полагать, что шпики, как ни старались, далеко не все знали.

Один из молодых тифлисских социал-демократов — Артем Гио вообще не знал о пристальной слежке за Курнатовским, как и того, что он уже на полицейском «крючке». Гио вспоминает: «...я боялся невольно привести к дому Виктора Константиновича шпика и тем самым сделать очевидной для жандармерии связь его с местными организациями.

Но время от времени мы все же встречались с ним, и его беседы с нами стали направляющим коррективом нашей революционной мысли и деятельности. Его беседы были проникнуты неисчерпаемым тактом. Когда собеседник его обнаруживал полное незнакомство с предметом, Виктор Константинович никогда не давал чувствовать это, а, напротив, говорил с редким умением как о самых обыкновенных вещах, давно известных им обоим. Этим он достигал очень многого. Его собеседник обязательно запасался соответствующими материалами и садился за работу, и это в то страдное время, когда каждая минута была на учете: приходилось проводить ночи напролет за книгами...

По его твердому настоянию мы приступили к чтению первого тома «Капитала» Маркса... Революционно настроенную молодежь он убеждал в необходимости

приобретать хорошую специальность. В особенности техническую.

— Становитесь техниками, инженерами, архитекторами, строителями. Скоро наступят времена, когда наши силы будут очень нужны...

Сам он был химик. Здесь важно отметить и то, что Курнатовский предвидел и верил в возможность близкой социальной революции.

В 1901 году тифлисский пролетариат открыто в центре города праздновал Первое мая. И почти первым в России тифлисский пролетариат дал бой самодержавию на улицах города. Этот Первомай 1901 года, по-моему, является историческим днем для нашего пролетариата и отчасти обязан усилиям Курнатовского».

Изголодался человек по живому партийному делу. Развернулся как пружина, которую долго держали сжатой.

Имеются основания считать, что он причастен не только к организации подпольной типографии «Нина», но и к открытию еще одного, морского, пути для подпольной пересылки матриц «Искры» из-за границы на Кавказ.

Когда Александр Сидорович Шаповалов едет в Батум после окончания срока минусинской ссылки, в Петербурге Ленгник дает ему партийную «путевку»:

— Сначала заедешь в Тифлис к Курнатовскому, от него получишь все указания. Тебе придется наладить транспорт «Искры», которую должны доставлять на французском пароходе из Марселя в Батум.

Значит, штурманская карта этого пути, ключи от него тоже были доверены Виктору Константиновичу. Во всяком случае, он делал все возможное, а порой и невозможное, чтобы «Искра», ее ленинские идеи получили широкое распространение.

— Виктор Константинович был необычайно жаден до революционной работы, всегда старался взвалить на себя как можно больше,— вспоминает Л. Н. Скорняков, участ-

ник первой открытой массовой первомайской демонстрации в Тифлисе, и еще определенней, чем Артем Гио, утверждает, что она была подготовлена в значительной мере благодаря усилиям и энергии Курнатовского.

На механическом заводе Рукса слесарил находившийся под гласным надзором Сергей Яковлевич Аллилуев. Возвращаясь после смены домой, слесарь встретился с Ипполитом Франчески.

— Приходите сегодня к нам,— шепнул Ипполит,— познакомлю с интересным человеком.

— С кем?

— Приходите, узнаете!

В тот же вечер Аллилуев на квартире Франчески беседовал с Курнатовским. Тот усадил слесаря возле себя и заинтересованно расспрашивал о положении рабочих на производстве, об их настроениях.

— Он меня сразу покорил,— рассказывает Аллилуев,— мне казалось, что я его давно знаю, что это не первая встреча. По его вопросам я понял, что Курнатовский уже в курсе всех событий. Неожиданно Виктор Константинович спросил: «Что вы читаете?» Я сказал, что еще несколько лет назад в кружке я пытался познакомиться с «Капиталом» Маркса. «Маркса надо серьезно читать,— сказал вдумчиво, задушевным голосом Курнатовский.— Если одному трудно, собирайтесь группой в три-четыре человека и читайте. Рабочие должны знать Маркса.— Курнатовский помолчал, потом тихо добавил: — Ну а Ульянова вы знаете? Слыхали о нем? Нет, не казненного Александра, а его младшего брата, Владимира. Это энергичный человек, самый энергичный из революционеров».

...Опять арест. Военная гауптвахта. Казематы Метехского замка, который называли «тифлисской бастилией». Опять пересыльные тюрьмы. Кандалальный звон идущих по этапу на сибирскую каторгу.

ВСТРЕЧА ПОСЛЕ ДОЛГОЙ РАЗЛУКИ

Курнатовский прожил на свете очень мало — всего сорок четыре года. С девятнадцати лет подвергался арестам семь раз. Сидел в тринадцати тюрьмах и иных местах заключения. Четырежды ссыпался. То в Шенкурск, стоящий у Ваги, притока Северной Двины, то в Сибирь, то еще подальше. Два раза его приговаривали к каторге, однажды — к расстрелу и семнадцать дней возили в «вагоне смертников».

Более тринадцати лет он был ссыльным, узником. Свыше десяти лет скитался в эмиграции, на чужбине. Куда только судьба его не кидала: в пустынные и обледенелые районы «полюса холода», в страны Западной Европы и на далекие Японские острова.

Инженер-химик, закончивший образование в Цюрихе и получивший там диплом, он был в Сиднее «кухонным мужиком» портовой харчевни, валил вместе с лесорубами железное дерево в джунглях Австралии.

Однако всюду он оставался мужественным борцом за рабочее дело. Ни разу не изменил своим идеалам. Они укоренились в нем крепче железа.

Перешагнем через годы и тюрьмы, каторгу, ссылку, побеги, перешагнем через скитания и мытарства к последним верстовым столбам короткой жизни.

...Париж. Мансарда в общарпанном доходном доме на бульваре Монпарнас. Серый осенний полдень, дождливо. За небольшим столом сидят два человека. Хозяин и гость. Гость время от времени что-то пишет карандашом на тыльной стороне обложки книги. Хозяин смотрит задумчивыми глазами на посетителя, читает написанное им и тут же с готовностью начинает рассказывать о себе, о пережитом.

Сидит молча, пишет вопросы Владимир Ильич. Рассказывает жилец мансарды, худой, изможденный болезнью Виктор Константинович. Ему нет и сорока пяти, а на вид

больше шестидесяти... Совершенно глухой с седыми виска-ми старики. В ушах гноятся нарывы. Нервный тик над веками, припухшими, свисающими.

Но сидит Курнатовский прямо, как в юности строен. Царские сатрапы, тюремщики, жандармы состарили его, похитили молодость, разбили любовь, не дали обзавестись семьей, лишили на годы свободы, принудили к скитаниям, укоротили жизнь наполовину. Но не сумели согнуть большевика.

Сколько они не виделись, два друга-соратника? Со дня их последней встречи в Женеве прошло десять с лишком лет. За это время партия, о которой мечтал Ленин, создана, окрепла. Теперь уже нет никаких сомнений: победа близка. Социалистическая революция в России назревает неотвратимо.

Виктор Константинович внес значительную лепту в святое дело рабочего класса. Ему самому хочется обозреть, что он успел. Его радует возможность поделиться с Владимиром Ильичем. Разумеется, Ленин о многом знает, ведь они никогда не теряли взаимной связи, всегда были на виду друг у друга.

А все-таки у Виктора Константиновича возникает неодолимая потребность как бы отчитаться перед партией. И он рассказывает Ленину о том, что, по его мнению, самое важное.

Что самое важное для большевика? Если верность идеи, то Курнатовский это сполна доказал.

В Минусинске, будучи в местном музее, Виктор Константинович узнал подробности последних дней Кибальчича. Директор музея с восторгом сравнивал его с Архимедом, который не прервал решения математической задачи под занесенным над ним мечом римского воина. Не понять, что любил Кибальчич больше: свободу или мечту о полете на другие планеты? Он с рвением участвовал в покушении на Александра II и сутками напролет занимался химическими опытами, проектом летательного

аппарата. С удивительным хладнокровием он выслушал приговор о казни и, сидя в камере смертников, просил лишь об одном: дать ему возможность завершить изобретение.

Курнатовский ценил мужество Кибальчича, но предпочел действовать иначе. Не только потому, что понимал: индивидуальный террор уводит от цели, а не приближает ее. А еще и потому, что он сам, будучи страстно влюбленным в науку, делая химические опыты, увлекаясь работой над изобретениями, даже их предназначал борьбе за свободу.

Еще студентом, застигнутый полицией у своих пробирок и колб (за поиском элемента, чтобы заполнить одну из пустых клеток таблицы Менделеева), Виктор Константинович при аресте велит хозяину квартиры продать все оборудование своей домашней лаборатории, которую создавал с трудом, а вырученные деньги переслать в тюрьму — там пригодятся.

В другой раз он вновь берется за химические опыты, изобретает боевые ударники для самодельных бомб, которыми предстояло вооружать рабочие дружины против полиции и царских войск.

Что самое важное для большевика? Если преданность и единство, то Курнатовскому, должно быть, пришло на память время мучительного рождения партии. Где он был тогда? Далеко от Владимира Ильича, но вместе с ним, заодно с ним.

О решениях II съезда Курнатовский узнал на пути из тифлисской тюрьмы в якутскую ссылку. Примерно тогда же познакомился с работой Ленина «Что делать?». Для него и раньше многое было ясно, он твердо стоял на ленинских, большевистских позициях. Умел их отстаивать, пропагандировать, обращать в реальное действие, в оружие пролетариата.

В Александровском центrale он пишет брошюру «1903 революционный год». Переправляет ее в Иркутск. И там

Иркутский комитет РСДРП, который был большевистским, печатает брошюру и распространяет среди рабочих. В ней отстаивались ленинские идеи о революционной борьбе. Знает ли Ленин об этой брошюре? Видел ли? Какого мнения о ней?

...Комната в мансарде на бульваре Монпарнас. Неизвестно, сколько часов просидели вдвоем Владимир Ильич и Курнатовский, задушевно беседуя. Это было одно из последних свиданий. И, наверное, Виктор Константинович, лишенный из-за глухоты возможности слушать Ленина, продолжал делиться пережитым. Он-то знал, что интересует Ильича. Какие события несомненно привлекут его внимание.

Якутск в 1904 году. Виктор Константинович — один из руководителей так называемого «романовского протеста». Это был протест против невыносимых условий каторги и ссылки, против избиений и надругательств над политическими заключенными и теми, кто находился на поселении в районах «полюса холода».

Несколько десятков ссыльных превратили дом на окраине, принадлежавший якуту Романову, в неприступную крепость. Жандармы и полицейские подвергли ее осаде. Блокировали. Интенсивно обстреливали. А она мужественно держалась — маленький островок, окруженный со всех сторон нацеленными дулами винтовок. Она держалась не час и не два, а много дней подряд. Над домом реяло красное знамя. Из его забаррикадированных окон далеко окрест доносились революционные песни.

План обороны, укрепление стен внутри дома — все это было сделано по указанию Курнатовского. Ведь он, инженер, изобретатель, обладал головой ученого и руками мастера!

«Романовский протест» всколыхнул не только местное население. О нем узнали по всей стране и за рубежом.

А когда романовцев судили, протесты, митинги, забастовки могучей волной прокатились по городам Цен-

тральной России. Доблестных узников приветствовали рабочие Ростова-на-Дону, Минска, Лодзи, Двинска, Могилева. На митинге в Лондоне, созванном в защиту романовцев, произносились речи на шести языках — это был интернациональный митинг, голос мирового пролетариата.

— А Читинская республика? Я читал о ней брошюру Браиловского,— говорит Ленин.

И тут же спохватывается. Ведь собеседник ничего не слышит. Владимир Ильич пишет на листке бумаги: «Меня так заинтересовал самый рассказ о событиях, что я недостаточно мог вникнуть в точку зрения автора. Как будто бы автор меньшевик,— борющийся (часто фразой), чтобы выбиться из меньшевиков. Автор — Браиловский?»

Виктор Константинович подробно рисует картину этой героической республики, которая была создана в Чите, распространилась на окрестные районы, станицы и продержалась в течение ноября — декабря 1905 года и трех недель января 1906 года. Руководили ею Курнатовский, Бабушкин, Костюшко-Валюжанич.

Рабочие установили контроль над железной дорогой. Взяли в свои руки телеграф и телефон. Создали военные дружины — для них Курнатовский изготавлял боеприпасы, делал гремучую смесь, рискуя при этом собственной жизнью.

Вышла в свет газета «Забайкальский рабочий» — ее редактировал, в ней писал Курнатовский.

Был создан Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов. По его поручению специальная группа во главе с Курнатовским отправилась в Акатуйский острог и освободила от вечной каторги пятнадцать матросов учебного судна «Прут», присоединившегося к броненосцу «Потемкин».

Восстание сибирского пролетариата в 1905 году, когда организаторский талант Курнатовского распахнулся во всю ширь, прозвучало в России, как набатный колокол.

Оно останется яркой страницей истории большевистской партии на вечные времена.

...Ленин еще долго задавал вопросы, внимательно слушал, просил подробностей. Потом поинтересовался: «А как здоровье? — И приободрил товарища: — Вид у вас лучше!»

Ленин попросил у Курнатовского книгу для Надежды Константиновны. Пригласил в гости к ним, как только Виктор Константинович немного поправится, окрепнет. Поинтересовался, кто лечит. И вскоре достал врача.

ГОТОВНОСТЬ ПОМОЧЬ

Через короткий срок болезнь снова обострилась. Виктор Константинович попал в больницу. Стала необходимой серьезная операция.

Владимир Ильич с помощью друзей выяснил, что и больница плоха и нет в ней хорошего хирурга. Нужно срочно спасать тяжело больного товарища. Что же предпринимает Ленин?

Лучше всего об этом знает большевичка Серафима Ильинична Гопнер. Она была тогда в Париже, готовилась к нелегальной поездке в Россию, ждала ленинских указаний.

«Только через много лет, когда было издано Полное собрание сочинений В. И. Ленина, мы узнали по-настоящему, какую титаническую работу, теоретическую, политическую, организационную, проделал Владимир Ильич в те годы. Но уже тогда, в Париже, мы все знали, что Ленин очень дорожит временем, что у него нельзя зря отнимать ни одной минуты.

И все же Владимир Ильич находил время, когда надо было помочь товарищу в беде. Однажды, возвратившись поздно вечером домой, я застала у себя записку. В ней мне сообщали, что накануне вечером у Ленина говорили

о тяжелом положении больного товарища — Курнатовского и что решено перевести его из одной больницы в другую. Меня просили от имени Ленина съездить к моему знакомому, видному французскому хирургу, просить его устроить этот перевод. Записка заканчивалась словами, что Ленин просит меня сообщить ему время, когда я поеду, а также результат переговоров. Созвонившись с хирургом, я дала знать Владимиру Ильичу, что свидание назначено на завтра, на 12 часов дня. В тот же вечер мне передали новую записку о том, что Ленин хочет поехать со мной и будет у меня к 11 часам утра.

Зная аккуратность Владимира Ильича, я в назначенное время стала прислушиваться к звонкам. Вдруг я услышала какой-то шум на лестнице и поспешила открыть дверь. Оказалось, что это Ленин быстро подымался на шестой этаж, шагая через две ступеньки и напевая какой-то мотив. Ему было в это время 40 лет, он был жизнерадостен, полон сил...

Обменявшись несколькими словами о том, что будет предметом нашей беседы с хирургом, мы поехали в метро на другой конец Парижа. Дорога туда и обратно отняла вместе со свиданием часа два. А чем были для Ленина два часа, понимают только те, кто близко наблюдал его работу.

Курнатовского перевезли в другую больницу, хирург, с которым договорился Владимир Ильич, сделал операцию, больной стал поправляться. А по выходе из больницы довольно часто приходил на окраинную улицу Мари-Роз. Здесь он всегда был желанным гостем.

«Когда вышел первый номер «Правды», — вспоминает Надежда Константиновна, — мы стали собираться в Краков; Краков был во многих отношениях удобнее Парижа... Мы спешно собирались. Владимир Ильич повеселел, особенно внимателен был к остающимся товарищам...

Помню, пришел и Курнатовский. Мы Курнатовского знали по ссылке в Шуше. Это была уже третья ссылка...»

Дальше следуют подробности: окончание Виктором Константиновичем Цюрихского политехнического института, работа инженером-химиком на сахарном заводе около Минусинска, два с половиной года заточения в каземате Метехского замка, этап в Якутию и, как она назвала, «романовская история» с последовавшим царским приговором на двенадцать лет каторги. Первая русская революция принесла Курнатовскому амнистию. Но на очень короткий срок. Он организует Читинскую республику.

Крупская знает и о карательном отряде генерала Ренненкампфа, затопившего в крови Забайкалье. Знает о приговоре к смертной казни Курнатовского и о том, что его затем около трех недель «возили в поезде, чтобы он видел расстрелы». Ей известен побег Виктора Константиновича из нерчинской больницы вместе с солдатом, который его стерег и проникся верой в большевистскую правду. Больше месяца сквозь тайгу пробирался Курнатовский из Нерчинска во Владивосток. Чудом проник он на судно и в грузовом трюме достиг Японских островов. А оттуда тяжкая доля эмигранта погнала его дальше «в Австралию, где очень нуждался, одно время был лесорубом, простудился, началось у него какое-то воспаление уха, надорвал он все силы. Еле добрался до Парижа».

Надежда Константиновна рассказывает и о том, как она вместе с Ильичем «ходили к нему в больницу — у него были страшные головные боли, мучился он ужасно».

Тут мы узнаем из уст Надежды Константиновны и такую подробность. Оказывается, они с Владимиром Ильиным заставали в больничной палате навещавшую Курнатовского, подружившую с ним еще в минусинской ссылке Екатерину Ивановну Окулову. Она приходила со своей маленькой дочуркой Ириной. Девчушка почти оглохшему Виктору Константиновичу писала детскими каракулями что-то приятное ему, рисовала картинки. Он будто забывал о боли, улыбался, обещал Иринушке, как только выйдет

из больницы, гулять с нею, подняться на вершину Эйфелевой башни, откуда в бинокль, уверял он, если зорко присмотреться, можно увидеть любимую родину.

Екатерина Ивановна Окулова чем только могла помогала Виктору Константиновичу; не без ее участия был послан ему билет для переезда из Австралии в Европу, ее заботы несомненно продлевали его жизнь.

Неоценимо дорого и то, что Екатерина Ивановна собрала и бережно сохранила письма Виктора Константиновича, адресованные не только ей, но и ее сестре Глафире, и их матери Екатерине Никифоровне. Письма помогают еще яснее представить себе облик, поэтическую натуру выдающегося революционера.

Сейчас по наследству семейный архив Окуловых перешел к дочери Екатерины Ивановны — Ирине Исааковне.

Я встретился с нею в Москве, в ее уютной квартире, через шесть десятилетий после той поры, когда она в Париже бывала с матерью частой гостьей Курнатовского. Немногое сохранилось в копилке памяти с детских лет. И в доказательство верности своих ребячих впечатлений достается из шкафа солидная пачка писем.

— Прочтите вот это. И вы убедитесь, что память меня не подводит. Оно прислано Виктором Константиновичем не к маме, а к тетушке Глаше...

«Милая Глафира Ивановна, получил две Ваши открытки. Они стали, по-видимому, Вашей специальностью,— с добродушной иронией, робща на краткость весточек, обращается к ней Курнатовский. И тут же, боясь вызвать ее недовольство, спешит заверить: — Но я готов просить Вас писать их по-прежнему, лишь бы Вы писали почаше. Для меня в этих немногих строках всегда скрывается целый мир чувств, заставляющих душевно подниматься и смелее глядеть в будущее.

Вздораживают они меня сильно — мне видится за ними Ваша жизнь, полная живого общения с неудержимо идущей вперед жизнью, и та порывистость, с которой

Вы отдаетесь этому великому идейному счастью — сознанию себя как части великого движения истории».

Глафира Ивановна, большевичка, дает знать Виктору Константиновичу о работе в киевском подполье, куда занесло ее. Он рад стремительному росту революционного движения: «...и если Вы полной грудью впиваете в себя веяние пробуждающейся жизни, то я могу Вам только позавидовать!»

И дальше, имея в виду страду повседневной, сопряженной с опасностями, нарастающей борьбы за свободу, Курнатовский уверяет: «На таком фоне есть моменты поэзии, поэзии не сентиментальной, а глубокой поэзии нарождающейся жизни, несущей в себе диалектику развития. И если работа соединяется с такой поэзией, то, мне кажется,— это высшее счастье молодости».

В жестокой, непримиримой борьбе с проклятым царским строем эксплуатации и угнетения он обретал душевную молодость и счастье.

Всегда ли он был достаточно тверд в своих убеждениях?

Не хочу скрывать правды: был период, когда Курнатовский, дух которого был, очевидно, все же ослаблен недугом, в Париже попал под влияние примиренцев. И в беседах высказывал ошибочные взгляды. А Владимир Ильич, ярый враг этих лжереволюционеров, боролся с ними, разоблачал их насквозь фальшивые аргументы. И стал избегать встреч с Курнатовским. Напоминая об этом, Надежда Константиновна сожалеет о коротком перерыве в дружбе. И, по доброте своей, находит тому оправдание: «Нервы плохие у нас были». Суть, конечно, не в нервах, а в убеждениях.

Но уже осенью 1911 года Крупская в очередной раз идет проведать Курнатовского. Пришла к нему на бульвар Монпарнас в комнатушку с одним оконцем, на лучшее жилье у него не хватало средств. Наверное по совету Владимира Ильича, она принесла Виктору Константино-

вичу большевистские газеты, рассказала про школу в Лонжюмо. Большой порадовался гостье. «...Мы долго проговорили с ним по душам. Он безоговорочно соглашался уже с линией Центрального Комитета».

А Ленин, узнав об этом от жены, еще больше обрадовался. И, как заключает Надежда Константиновна, дружба с Курнатовским возобновилась, он частенько приходил к ним, а они к нему.

И вот последнее свидание. «Помню, пришел и Курнатовский... смотрел, как мы укладывались, как весело паковала что-то моя мать, и сказал: «Есть вот ведь энергия у людей».

Он завидовал тем, кто направляется поближе к родине. Тем, кто в силах быть в гуще классовых боев. Тем, кто готовит торжество коммунистических идей, не щадя своих сил и энергии.

Он был и на вокзале; прощаясь с Владимиром Ильичем, произнес своим глуховатым голосом, но твердо:

— До свидания!

Боец верил, что станет в строй. И хотя он не дожил до Великого Октября, этот боец, оказавшийся крепче железа, все равно был с теми, кто штурмовал Зимний и возвещал с «Авроры» о начале новой эры человечества, нашего века.

ИЗ БУРИ В БУРЮ

(Георгий Ломов-Оппоков)

- Ваша профессия?
- Профессиональный революционер.
- Были ли перерывы, состояли ли в других партиях?
- Перерывов не было. Все время принадлежу к большевикам.

Да, нелегко быть в головном отряде,
Торить тропу и первыми идти,
Всегда в лицо суворой правде глядя
И не страшась превратностей пути.

Я. Хелемский

Только для тех сохраним наше удивление, которые, опережая свою эпоху, имели славу предусматривать зарю грядущего дня, имели мужество приветствовать его приход.

Н. Г. Чернышевский

В ГОЛОВНОМ ОТРЯДЕ

Раньше всех мне на глаза попались короткие, но проникновенные, очень емкие воспоминания Елены Дмитриевны Стасовой о Георгии Ипполитовиче Ломове-Оппокове в связи с его семидесятилетием.

После многих лет, когда его имя нашими историками или вовсе опускалось, или проговаривалось вскользь между другими именами, раздался громкий голос Елены Дмитриевны, близкой соратницы Владимира Ильича Ленина, в полной мере оценившей жизненный подвиг этого самого молодого большевика из ленинского передового отряда революции.

На какой бы «капитанский мостик» ни ставила его партия, как бы высоко ни возносила, подчеркнула Стасова, он «всегда оставался настоящим революционером, личностью яркой, беспокойной, ищущей, не чиновником, а творцом. И еще: он всегда понимал, что, по известному определению, высшая должность на земле — это быть человеком. Собственно, Георгий Ипполитович Ломов, наверное, ни разу не размышлял о себе в подобных выражениях. Просто человечность была ему внутренне присуща. Она сказывалась в его отношении к людям,

светилась во взгляде его живых, внимательных глаз. Его обаяние, исходившее, кажется, даже от самой его ладной, по-спортивному подтянутой фигуры, испытал на себе каждый, кому хоть раз довелось встречаться с ним по работе или беседовать в дружеском кругу. Неизменно сохранялось в нем что-то юношеское, увлекающееся...

Был он человеком глубоких познаний, широких многосторонних интересов, страстно любил книги, музыку, театр... Всем своим обликом являл он тип коммуниста, революционера, с которого, говоря словами Маяковского, смело можно «делать жизнь». Впрочем, это и естественно. Ведь он работал с Лениным. Ильич знал и ценил его».

Так писала Елена Дмитриевна Стасова. Набросанный скучными, но яркими строками портрет большевика взволновал меня, можно сказать, заставил ринуться в поиск материалов для рассказа.

Надо же так случиться: как раз в это время я был связан с работой над коллективным писательским сборником «У истоков партии» о зарождении большевизма, и мне пришлось обратиться за помощью к Елене Дмитриевне. Хотелось узнать, как оценит она наши произведения, какие найдет в них ошибки, и, если, паче чаяния, книга ей понравится, попросить предисловие.

Но никакой просьбы не понадобилось. Стасовой, почти девяностолетней, уже лишенной из-за плохого зрения возможности читать, прочли наши рукописи, она сама вызвалась, если нам угодно, рекомендовать книгу читателям.

— Еще бы неугодно! — воскликнул я в совершенном восторге.

— Тогда ставлю два условия,— предупредила Елена Дмитриевна тоном, недопускающим возражения.— Первое — учесть мои замечания. Их совсем немного — лукавая пауза,— около четырехсот. Второе. После издания этой книги вы не считете работу законченной, а только начатой...

Так вместо одного выросло пять томов Ленинианы о ста восьмидесяти соратниках и друзьях Владимира Ильича.

Естественно, мне захотелось для этой нашей коллектической писательской антологии дать рассказ о Георгии Ипполитовиче Ломове.

Елена Дмитриевна, когда я об этом с ней заговорил, охотно подсказала многие источники, где можно почерпнуть необходимые сведения. Она припомнила, что узнала о нем, когда он был еще пятнадцатилетним мальчишкой, саратовским «гимназером», как тогда называли гимназистов.

— Сколько же было вам? — не удержался, спросил, хотя считается неприличным спрашивать женщину о возрасте.

— Если сейчас под девяносто, сами сосчитайте, сколько же мне было после второго съезда партии, в 1903 году?

Запнулся в расчетах, не сразу ответил.

— Уж ладно, — сказала она. — Литераторы в математике не прочны. Подскажу... Я была тогда вдвое старше Георгия. Ему пятнадцать, а мне тридцать! Его все звали Жоржем или Оппоковым. Мы еще ни разу не виделись. Мои партийные маршруты пролегали в стороне от Саратова. Если бы даже забрела туда, едва ли стала искать встречи с мальчишкой... Рассказал мне о нем один из членов Центрального Комитета партии. Кажется, он его и принимал в партию. Георгий с момента вступления в РСДРП, то есть в 1903-м, объявил себя учеником и единомышленником Ленина.

Я попросил припомнить подробности.

— Вот видите, — продолжала Елена Дмитриевна, — что значит натренированная подпольем память. Все, что мне рассказывали о Ломове, могу вам повторить. Как раз тогда, узнав о расколе партии на большевиков и меньшевиков, разобравшись в существе разногласий,

Георгий, юноша-старшеклассник, во всеуслышание объявил своим сверстникам по гимназическому кружку: «Двух путей в революцию нет и быть не может. Есть только один — ленинский. А кроме него — меньшевистское распутье, трясины». И, что особенно существенно, сказал это Жорж не в беседе с приятелями, а на занятиях кружка, которым руководил Иван Михайлович Майский, еще колеблющийся в выборе пути...

— Когда же Оппоков успел в такую рань связаться с социал-демократами? — Мне показалось это невероятным.

Ответ Елены Дмитриевны и вовсе поразил меня. Оказывается, связался он еще в тринадцатилетнем возрасте. Выполнял разные поручения. Помогал революционерам. Зарекомендовал себя надежным и умелым конспиратором.

— Так кто же он, чей сын?

— Представьте себе, как и я, из дворян. Сын статского советника, управляющего Саратовским отделением государственного банка.

— Откуда же у сына управляющего одним из крупнейших отделений банка Российской империи бунтарские мысли?

— Вам карты в руки, спецы душевной науки! — Сказала, смутилась, очень скромно, одними губами, изобразила усмешку. — Фу-ты, ну-ты! Заговорила, кажется, стихами. Кому из моих друзей или знакомых скажи, ей-богу, не поверят... Но, по существу, все правильно: кому, как не вам, полагается раскрыть, показать нашей советской молодежи громадную, титаническую силу убежденности, идейности? В высшей степени необходимо и полезно... Ведь это не как сейчас — из октябрят в пионеры, из пионеров в комсомол, из комсомола в партию. Это — наберись храбрости и перешагни из одного мира в другой. Измени своему дряхлеющему классу, становясь его врагом. И докажи на деле — не со-

чувствием или на словах, а борьбой — другому восходящему классу, что ты твердо веришь: именно ему принадлежит будущее. И ради него, ради этого будущего ты готов ринуться в смертный бой. Готов отречься от наследства, богатства, роскоши, удобств. От всего, что тебе досталось, чем ты владеешь. Не устрашиться тюрьмы, каторги, виселицы... С кем сравнить подпольщика-большевика? Пожалуй, сила воли у него не меньшая, чем у Валерия Чкалова...

Тогда еще Юрий Гагарин не взлетел в «седьмые небеса», не оторвался от нашего земного «шарика», преодолев его притяжение. Эталоном мужества и силы воли, особенно в глазах молодежи, был Чкалов. Но ведь оба они — и Чкалов и Гагарин — коммунисты. И мы вправе считать, что ими унаследовано богатство души, воля к победе, неустранимость и идейная твердость таких большевиков, как Георгий Ипполитович Ломов-Оппоков. Таким наследством невозможно пренебречь. Им надо гордиться. Добиваться того, чтобы им полностью обладать!

По совету Елены Дмитриевны я пошел в архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и ознакомился с анкетой, заполненной Георгием Ипполитовичем при вступлении в Общество старых большевиков.

«Ваша профессия?

— Профессиональный революционер. Парработник. Были ли перерывы, состояли ли в других партиях?

— Перерывов не было. Все время принадлежу к большевикам».

Анкета оказалась для меня своеобразным путеводителем. Благодаря ей стало возможным проставить многие вешки на извилистом и крутогором пути этого недюжинного человека — упорного, несгибаемого борца, талантливого и прозорливого организатора, пламенного, увлекающего за собой трибуна...

Его знали и любили рабочие Берегового района

Саратова, железнодорожники Питера, металлсты Лефортова и других московских застав, текстильщики Иванова, деревообделочники и землепроходцы Архангельска, лесорубы, плотононы и ссыльные Верхоленска в Восточной Сибири.

Ему выпало редкое счастье идти сквозь вражеский огонь, быть в большевистских штабах и в Питере, и в Москве в решающие дни боев за торжество Великой Октябрьской социалистической революции.

И в первые же дни Советской власти, по предложению Владимира Ильича, он назначен народным комиссаром юстиции первого Совета Народных Комиссаров республики. Несколько лет Георгий Ипполитович выполняет многочисленные и важные ленинские задания.

А потом, в начальную пору созидания и творчества, когда Советская власть развивалась и крепла, Ломов более двух десятилетий подряд занимал ответственные посты, был всегда на ключевых участках социалистического строительства, в головном отряде руководителей СССР — великого государства, простирающегося от Тихого океана до Балтики, от знойных пустынь Средней Азии до дрейфующих льдов Северного Ледовитого океана.

Нет, он не всегда и не во всем был строго последовательным. Бывало, сбивался с дороги. Плутал. Жестоко ошибался и даже иногда упорствовал в ошибках. Но, осознав свои заблуждения, он открыто и честно признавался в этом и продолжал идти в передовой дружине богатырей ленинской партии, свято сохраняя верность ее великой цели — достижению коммунизма.

Когда углубляешься в сбор материала, выясняется, что многое еще не найдено, имеются «белые пятна» и не все вешки проставлены.

Пока трудно определить с необходимой достоверностью дату знакомства Владимира Ильича с Георгием Ипполитовичем. Где именно и при каких обстоятельствах

состоялась первая их встреча? Имеются разные свидетельства современников. Не подтвержденные документально, они кажутся в равной мере и убедительными и спорными.

Однако бесспорно то, что жизнь этого идейного борца за счастье своего народа и всего человечества удивительна.

ЕРЕТИЧЕСКИЕ МЫСЛИ

Управляющий Саратовским отделением государственного банка, статский советник Ипполит Захарович Оппоков, несмотря на недомогание и сырое, ненастное, туманное утро, до крайности неприятное во всех отношениях, все же не изменил годами укоренившемуся обыкновению. В сюртуке, без накидки и головного убора он прошел с улицы парадным ходом в здание банка, хотя служебный кабинет управляющего сообщался с его квартирой внутренней потайной дверью.

Ипполит Захарович не хотел чем-либо выдать подчиненным своего беспокойства, тревоги, почти смятения. Поэтому в общей зале, идя мимо длинного деревянного барьера со стеклянной надставкой, он улыбался, легким кивком головы отвечал на поклоны кассиров, которые уже были на своих местах у полукруглых оконцев в ожидании ранних клиентов.

Из общей залы управляющий попал в приемную.

— Ко мне никого не пускайте, — сказал он секретарю и, скрывшись в кабинете, заперся в нем, дважды повернув ключ в замочной скважине.

Только здесь Ипполит Захарович дал некоторую волю напряженным до предела нервам. Он расстегнул пуговицы на сюртуке, зашагал по комнате — от кабинетного стола к противоположному углу, где на изящной подставке поместился бюст Михаила Ломоносова.

Приезжавшие из Петербурга в Саратов инспектора

пытались убедить управляющего, что в банке не уместен бюст «простолюдина». Пора бы его заменить «изображением государя-императора или иной высокопоставленной особы». Убеждали, но не настаивали на своем.

Ипполиту Захаровичу многое прощалось, гораздо более серьезное и важное. Четверть века он бессменно провел в этом кабинете. Банковские операции были его стихией. Деловые круги ценили в нем глубокие знания экономики края. Он тонко понимал перспективы развития сельского хозяйства и связанного с ним промышленного производства.

В стране быстро развивался капитализм. Правительство поощряло предпринимателей и щедро отпускало им просимые кредиты. Но надо было вкладывать капитал в надежные предприятия, с твердой уверенностью, что он не исчезнет, а даст проценты, ожидаемые барыши.

Что ж! Ипполит Захарович за долгие годы управления банком успел досконально изучить кредитоспособность заводчиков и помешиков всего Поволжья. При нем не было крупных и внезапных банкротств. Никто не нанес сколь бы то ни было значительного ущерба, опустошающего казну.

Разве такой банковский деятель не достоин всяческого поощрения? Разве не следует им дорожить?

Местные денежные тузы и промышленные воротилы в подтверждение своей высокой оценки деловых качеств управляющего признали в нем «своего человека». Они приняли его в свой круг. Пренебрегли тем, что он им, по сути, не ровня. У него не было ни солидного банковского счета, ни фамильных драгоценностей в сейфе, ни собственного «дела» или даже, на худой конец, древнего и знатного рода. Сын безвестного сельского священника, который стал дворянином, получил это звание по должности, попал в «большой свет» благодаря недюжинным способностям и упорству, хоть и при своенравном характере.

Дерзкое своеволие проявил он уже в отрочестве. Наотрез отказался от духовной семинарии, куда прочил его смиренный и кроткий батюшка. Из глухого села один, без опеки Ипполит отправился в беспокойный и шумный Киев. Окончил гимназию с золотой медалью, известил родителей о своем намерении поступить на юридический факультет университета.

Через несколько лет он явился погостить к своим старикам, имея при себе не только диплом с отличием, но и официальное, весьма лестное приглашение. Государственный банк предоставлял ему вакантную должность в аппарате столичной конторы, в самом Санкт-Петербурге.

В столице Ипполит Захарович также не затерялся. Сравнительно быстро проявил себя, сделал карьеру. Всего лишь два года он провел на ординарной службе в главной конторе. Начальство обратило внимание на способного молодого служащего и назначило его в Царицын управляющим отделения. Царицын был уездным городом Саратовской губернии. Масштабы банковских операций в известной степени ограниченные. Это была проба сил молодого управляющего. Он выдержал экзамен. Тогда его перевели в Саратов. А через короткий срок удостоили производством в статские советники — высокий чин по пятому классу царского табеля о рангах.

К этому времени Ипполит Захарович женился на дочери пензенского помещика Ольге Семеновне Казициной — красивой, образованной и с приданым в виде небольшого имения. Ольга Семеновна успела окончить до замужества закрытый женский пансион, где получила изысканное воспитание, была мила в обращении с людьми, хорошо играла на рояле, любила русскую литературу и владела несколькими иностранными языками.

Вот уже и дети подрастают: четверо сыновей. Первенец Виктор родился в 1882 году. Всего на год позже — Николай. За ним Евгений.

Как раз в ту пору, в середине восьмидесятых годов, когда в семье Оппоковых ждали третьего ребенка, газеты пестрели тревожными сообщениями: вспыхивают крестьянские бунты, бастуют рабочие. Саратовцы узнали подробности крупной стачки на Никольской мануфактуре, неподалеку от Москвы, в Орехове-Зуеве. Весть о стачке, которую окрестили «морозовской», потрясла всю Россию. Называли имена зчинщиков. Это рабочие-революционеры Петр Моисеенко, Василий Волков...

Акушерка вынесла из спальни Ольги Семеновны пронзительно кричавшего новорожденного и показала отцу.

— Запомните мое предсказание, Ипполит Захарович! Этот бутуз вырастет у вас отъявленным бунтарем! — выпалила в похвалу, с восторгом и — осеклась. Забастовщиков и особенно их вожаков правительенная печать как раз называла «отъявленными бунтарями», не иначе.

Пророчество акушерки, однако, не сбылось. Настоящим бунтарем стал Георгий — четвертый сын Оппоковых. Он появился на свет в морозное утро 24 января, почти на месяц запоздав к началу 1888 года. Зато он вполне успел к восходу нового общественного движения марксистов.

Георгию было около двух лет, когда Чернышевский после двадцати пяти лет тюрьмы и ссылки, разбитый, тяжело больной вернулся в родной город и вскоре умер. Мальчуган запомнил, как старшие братья прикрепили к стене в детской комнате, на самом видном месте, против окна портрет Николая Гавриловича. Писатель смотрел с портрета своим характерным проницательным учительским взглядом из-под очков в металлической оправе. Жорж и в детстве и в юности привык встречаться с этим взглядом и навсегда принял от отца и братьев восторженное почитание и трепетную любовь к великому земляку.

В гимназии, где учился Жорж, было предостаточно педагогов и классных наставников — монархистов, мракобесов, ханжей. Но как ни старались, не могли они задушить революционно-демократические традиции, посевленные Чернышевским. Жива была память о его уроках по литературе, которые он превращал в пропаганду передовых идей.

Оппоковы жили в центре, на Никольской, у Соборной площади, вблизи Немецкой и Липок, но с малых лет Георгий знал и окраину. Ходил туда, увязавшись за старшими братьями. Потом и без них, как бы подхватив эстафету, когда и у него появились тут друзья — участники подпольных кружков.

Ипполит Захарович любил рыбачить с сыновьями на Волге, ходил с ними в ночное, вел беседы у костра. Давал детям возможность самостоятельно разбираться и объяснять происходящее. Должно быть, он придерживался либеральных взглядов, довольно безобидных для власть предержащих. Не примыкал к какой-либо партии, не желал вмешиваться в политические судьбы страны. Солидное положение в обществе, завидная должность государственного чиновника, высокий сан, вполнеличное жалованье, казенная квартира в одиннадцать комнат... Рисковать всем этим? Нет! Он ставил благополучие своей семьи и свое превыше всего.

Но подслушанные кем-то вольные беседы с сыновьями, донесения осведомителей дали повод жандармскому управлению завести на «вольнодумца»-управляющего «дело» и учинить за ним негласный надзор. Ему же самому хотелось уберечь потомство от безумной слепой покорности чему бы то ни было, даже трону. И зная настоящую цену «господина рубля», предостеречь: не поклоняйтесь ему. Это не бог, а дьявол.

Вот так,вольно или невольно, склонял он свою молодежь к свободомыслию. Знал ли он, что все равно придется ему отвечать за мысли, поступки, слова и дела своих

отпрысков? Мы это выясним, вернувшись в кабинет Ипполита Захаровича.

Нервничал он в буднее осенне утро 1908 года. Накануне в неурочный поздний вечерний час его пригласил к себе для конфиденциального разговора саратовский губернатор граф Татищев.

Ипполит Захарович предугадывал — разговор предстоит, наверное, неприятный. Зовет губернатор, значит, о сыновьях. Впрочем, это ведь не впервые. Возможно, и на сей раз ему удастся отболтаться. «Обещаю принять меры. Буду стараться следить, непременно воздействую на детей...»

Такими послами он сумел убедить несколько лет тому назад предыдущего губернатора, разбушевавшегося Петра Аркадьевича Столыпина, когда тому донесли о «противозаконном поведении» старших сыновей Оппокова. Воскрешая мысленно прошлое, Ипполит Захарович внутренне испытывал некоторое облегчение от того обстоятельства, что Саратов избавился от Столыпина. Больше нет здесь этого вешателя. Выскочил благодаря своим «галстукам» из провинции в столицу. Из потертого кресла заурядного губернатора в мягкое кресло премьер-министра.

Сменил его Татищев, отпрыск потомственных графов и дипломатов Российской державы. Он слыл недругом консерваторов. Был как будто гораздо мягче и деликатней. Заигрывал с интеллигенцией и разглагольствовал о необходимости обновления общества. Впрочем, кто знает, натуральное это его обличье или маска. Искренние речи или притворство. Не про него ли пословица: «Мягко стелет — жестко спать»?

В подобных рассуждениях о неприятном для себя свидании Ипполит Захарович оказался в губернаторском особняке и, после того как о нем доложили, был принят граffом.

Куда девалась обычная учтивая улыбка на лице гу-

бернатора? Будто ее резинкой стерли. Он мрачнел и суровел с каждой минутой. Никаких доводов не принимал во внимание, хотя Ипполит Захарович, юрист, обладал умением при необходимости «зубы заговаривать». На сей раз не сумел. Пущенные в ход оправдания, доводы Татищев и дослушать не захотел.

— Вы потворствуете сыновьям. Особенно младшему, Георгию. Связался с самыми лютыми врагами государя и отечества. Подстрекает рабочих к бунтам и забастовкам. Стряпает прокламации. Призывает в них к ниспровержению строя...

— Что вы, граф, ошибаетесь... Это чьи-то наветы...

— Не ошибка и не наветы,— свирепел губернатор.— Довольно вам притворяться глухим и слепым. Если вы не знаете, какая ересь включена в голову вашего чада, то по крайней мере обязаны знать, что творится в собственном доме. Да-да, в вашем доме. В нем устраиваются тайные собрища большевиков. Пищутся листовки. Готовятся враждебные акции против существующей власти...

— Но Георгия Ипполитовича нет вовсе в Саратове,— возразил отец с достоинством, нарочно назвав сына по имени и отчеству.— Он студент Санкт-Петербургского университета...

— Числится студентом. А в действительности гарцует из Петербурга в Москву, из Москвы в Иваново, из Иванова в Саратов... Уж ни коммивояжером ли вы его сделали? — съязвил губернатор и предупреждающе поднял руку.— Можете не беспокоить себя ответом. Я и сам знаю, что он кочует не с рекламами кондитерских изделий Жоржа Бормана, а с запрещенной литературой. Или заметает следы, скрываясь от полиции... На сей раз у нас в распоряжении неопровергимые улики. Его видели в Петербурге митингующим среди железнодорожников Николаевской дороги. В Москве он связан с подпольной типографией и сотрудничает в газете большевиков под

названием «Борьба». Подпольщики избрали его в свой комитет. И у нас в Саратове то же самое...— Татищев взял со стола бумагу и протянул Ипполиту Захаровичу.— Угодно вам, полюбуйтесь, очередное донесение...

— Я не верю в доносы осведомителей,— Ипполит Захарович отстранился от бумаги.

— А в царя и отечество верите? Быть государственным чиновником хотите? Честь дворянина вам не в обузу?.. Тогда публично отрекитесь от сына, от его крамолы...

— Этого, граф, никогда не будет... Детей своих я люблю пуще жизни...

— Что ж! Выбирайте одно из двух: управляющий государственным банком или отец бунтовщика, разделяющий с ним его тяжкие преступления перед престолом и отечеством!

...Смятение Ипполита Захаровича, обуявшее его в то ненастное осенне утро, совершенно понятно. Тридцать пять лет государственной службы. Четверть века вот в этом самом кабинете. Каждый предмет, любая вещица как будто навечно вросли в свои места. Привыкли к хозяину. И когда это нужно, они услужливо стараются попасть ему под руку. Да и он сам сжился с ними. С этим домом. С его обитателями. Знает повадки, манеры, характер каждого служащего. Подбирал их, воспитывал на свой лад. Приучал к ведению сложных кредитных операций, добропорядочности, учтивости. Беспредельно верил им, как самому себе. Все здесь заведено и действует точно, как хронометр. Достигнута такая слаженность и точность благодаря его трудам, его энергии. Этот дом стал домом его семьи — жены и детей. Своим, родным, облюбованным, уютным. В нем пережито так много радостей и печалей. Так много памятного на всю жизнь...

Управляющий присел в кресло к письменному столу.

Потом встал. Ему было душно. Он раскрыл окно. До боли знакомый пейзаж. Тенистая ограда деревьев. Все заволокла пелена тумана, едва редеющего. Саратовцы такие деньки называют «сиротскими». Даже могучая Волга не может оторваться от липкой мглы и волочит ее вдоль по течению. Гудки пароходов приглушенны, отдалены. Улица притихла, словно лишилась голоса.

Ипполит Захарович почувствовал зябкую дрожь, пробегающую по телу. Запахнул створки широкого окна. Опять сел в кресло и стал быстро что-то писать на листе гербовой бумаги. Через некоторое время в дверь постучал секретарь. Ипполит Захарович открыл ее, привгласил:

— Войдите!

Очевидно, секретарь хотел сообщить что-то очень важное и срочное. Он с порога начал:

— Господин управляющий...

— Вы ошибаетесь,— с обычной вежливостью, мягко, стараясь улыбнуться, произнес Ипполит Захарович.— Я больше не управляющий...

В Саратовском музее краеведения хранится рукопись старого большевика Петра Александровича Козлова-Свободина. Она посвящена семье Оппоковых и составлена на основании архивных документов и многочисленных свидетельств современников. В ней среди других фактов сообщается: «После отказа отречься от своего сына, Георгия Ипполитовича, отцу его пришлось оставить государственную службу в Саратовском банке... Он ушел в отставку, был выселен из казенной квартиры и переселился с семьей на Константиновскую улицу в дом № 46, принадлежащий домовладельцу Борелю».

«ДЕТСКИЙ САД»

А все-таки кто заронил искру?

С родителями Георгия состоялось знакомство. Теперь пойдемте за ним к его друзьям-товарищам.

С младших классов гимназии Жоржа довольно часто можно было застать в квартире врача Вегера. Этую семью соседи в шутку называли «детским садом».

Кем был глава семьи? «Учились мы в Московском университете,— дает справку о нем соратник Ленина, стойкий и верный искровец Сергей Иванович Мицкевич.— На нашем курсе старостой сразу же был избран Илья Сергеевич Вегер, впоследствии видный большевик и ответственный работник... Он был уже тогда «старый студент», с большой бородой, исключавшийся ранее за «беспорядки» и вновь принятый на первый курс. Он был женат, что было исключительной редкостью в то время; для женитьбы студенту надо было получить особое разрешение, кажется, попечителя округа. Вегер пробыл у нас старостой почти два года, до нового исключения из университета за участие в «беспорядках» 1890 года».

Исключался он и позднее и многократно. Диплом врача получил Илья Сергеевич, будучи уже отцом четверых детей. Их мать, Раиса Борисовна, тоже студентка-медичка, так и не сумела доучиться в вузе. Сkitания, гонения, нужда подточили ее здоровье. Умерла она в 1902 году, оставив на руках мужа, земского врача, шестерых детей.

Георгий сблизился со старшим — гимназистом Володей. В свою компанию приняли и других ребят. Все «кружились» вьюнами вокруг Ильи Сергеевича. Рвались к участию в революционном подполье. А он сдерживал их порывы, присматривался, испытывал терпение, выдержку, способность увлечься тяжелым делом революционера.

— «Овод» Войнич и «Спартак» Джованьоли мы читали

коллективно в «детском садике», — с удовольствием вспоминал Георгий Ипполитович, имея в виду семью Вегеров.

«ДОГОНЯЙ, НАТ ПИНКЕРТОН!»

Теперь обратимся к архивным источникам. Раньше других упоминает о встрече с братьями Оппоковыми в своем неопубликованном дневнике Александр Алексеевич Богданов. Когда и где она произошла? В какой мере и каким образом могла повлиять на младшего из четырех братьев?

Все известно. Встретились в ночь на 2 мая 1902 года. Следовательно, за год до II съезда РСДРП. До того, как социал-демократия разделилась на два лагеря — большевиков и меньшевиков, а словом «революционер» все еще определяли довольно часто всех без разбора противников самодержавия: и социал-демократов, и народников, и анархистов, и «легальных марксистов», и «экономистов», и эсеров... Все еще не были полностью изжиты идеиный разброд и неразбериха, кустарщина и кружковщина. Но многое уже делала «Искра». Она проясняла задачи социал-демократии, добивала «экономизм», борьбу с которым Ленин начал еще в минусинской ссылке, разоблачая ложь и фальсификации «легальных марксистов».

Александр Алексеевич был социал-демократом, профессиональным революционером, верным сторонником Ленина со времени рождения большевизма. Захваченный идеей «хождения в народ», он, однако, успел разочароваться в народничестве. Постепенно понял: крестьянская община не поможет преобразованию России. Окончательно убедил его в этом ветеринарный врач Николай Эрнестович Бауман, ученик и соратник Ленина, отбывавший ссылку в той же деревне Новые Бурасы под

Саратовом, где Богданов, гонимый полицией, сумел устроиться письмоводителем в имении помещика Панчулидзева. К этому времени молодой учитель успел прочесть «Наши разногласия» Плеханова и народнические взгляды его были основательно поколеблены. Бауман сшиб их под корень.

Александр Алексеевич установил связи с первой в Саратове подпольной социал-демократической группой, возникшей в 1898 году. Жоржу Оппокову тогда исполнилось десять лет. Безмятежное отрочество. «Мне уже пошел четырнадцатый. Отрок становится юношой», — напишет он с легкой иронией три года спустя на обороте снимка, подаренного сестре в январе 1901 года.

Отрочество и впрямь покидало Жоржа, подобно вспугнутой птице: внезапно и навсегда. Мальчик все уверенней чувствовал себя юношой. Он мужал. В ту пору многие мальчишки рано взрослели. Случайно он обнаруживает в детской спальни под матрацами четырех постелей (своей и братьев) припрятанные листовки. Напечатаны явно не типографским способом. Сбивчивый шершавый шрифт, крупные буквы. Призыв к рабочим: бастуйте!

Георгий поутру по пути в гимназию встречал подобные листовки на рекламных тумбах, на заборах и стенах домов. Возвращаясь с занятий, листовок уже нигде не видел — срывали городовые. Мальчуган водворил находку на прежнее место. В другой раз его поразило странное поведение братьев. Когда он был уже в постели, они втроем спешно собрались и потихоньку вышли из дома, ни слова ему не сказав. Скрытничают? До сих пор никаких тайн между братьями не было. Во всем предельно откровенны. И между собой, и с отцом. Что же это? Что затеяли?! Не стерпел, мигом оделся, выскочил за ними. Пошел следом на почтительном расстоянии, стараясь не терять из виду. Через несколько кварталов внезапно Евгений круто обернулся, крикнул:

— Догоняй, Нат Пинкертон!

Показалась, блеснула волной Волга, едва освещенная закатом. Все четверо дружно прогомыхали по сходням к будке лодочника, старика Степаныча, которого за буйную седую бороду называли Апостолом. Дед вышел навстречу, заулыбался и тут же отвязал из стайки пле-щущихся на привязи одну плоскодонку. Сперва в нее вскочил Жорж, за ним Евгений и Николай. Последним, оттолкнув лодку от берега, прыгнул Виктор, передавая весла братьям. Лодка отчалила, чуть покачиваясь на мелкой зыби, скрипя уключинами. Вскоре она присоединилась к другим, плывущим в одном и том же направлении.

Стали различимы в сумерках стволы глухоманного леса, вынырнул из воды кудрявоголовый Зеленый остров. В глубине его, Жорж знал из рассказов родителей и братьев, укрывались отряды Степана Разина, Кондратия Булавина и Емельяна Пугачева. Время текло, как Волга. Была она бурлацкой, стала паровой. Загудели вдоль ее берегов пароходы, задымили трубами. А Зеленый остров не запросил отставки. Его глухие поляны были оживлены нелегальными сходками, рабочими маевками. Их охраняли сторожевые пикеты дружинников от налетов полиции. Она редко заглядывала сюда. Да и провокаторы не рисковали совать своего носа, особенно после того, как один шпик утонул в зарослях камыша «при невыясненных обстоятельствах».

Тут и встретились братья Оппоковы с педагогом Александром Алексеевичем Богдановым. Хотя ему ровней старший, Виктор, больше всего привлекло к нему младшего, Георгия. Привлекло удивительное умение задиры-учителя слагать рифмованные строфы, где смелая мысль превращается в поэтический образ или в злободневный политический лозунг.

«БАРАНЫ» И «КОЗЛИЩИ»

А началось это так.

До начала конспиративного собрания молодежь окружила бородатого мужчину средних лет с правильными чертами лица.

— Почитайте нам, товарищ Антон!

Тот сразу и охотно согласился. Встал с поваленного дерева, на которое едва успел присесть. Провел растопыренными пальцами обеих рук, словно гребнем, по густой непокорной шевелюре. И без того рослый, он показался Жоржу еще выше. Юноша, сам не зная почему, тоже поднялся с травы и, прислонившись к стволу ольхи, весь обратился в слух. Впервые он видел не на фотографии или картине, а почти рядом с собой живого поэта. А тот почему-то обратил внимание на гимназиста, который по-взрослому скрестил на груди руки. Присмотрелся к нему и весело воскликнул:

— А я знаю ваших братьев. Давайте и с вами познакомимся. Мое имя вы слышали. Так и называйте — товарищем Антоном.

— А меня — товарищ Жорж! — Впервые материнское, ласковое имя Жорж, вместо нареченного Георгий, прозвучало из собственных уст юноши, как «укрытие». Впоследствии оно стало одной из его партийных кличек.

Между тем поэт окинул взглядом собравшихся на опушке и глуховатым голосом, но энергично начал:

Вставайте скорей,
Кто силен и молод!
Из наших цепей
Мы выкуем молот.
Вставайте затем,
Чтоб молотом тем
Свободу свою
Добывать нам в бою...

Удар за ударом!
Мы бьемся недаром.
Смелее вперед —
За народ!

Дружные хлопки, возгласы одобрения. Георгий неотрывно смотрит в черные, агатовые, лучистые глаза поэта. Стихи Антона зовут, зажигают. Вот он запел на мотив «Марсельезы»:

Ты нас вызвал к неравному бою,
Бессердечный монарх и палач.
Над поверженной в горе страною
Материнский разносится плач...

Все, кто слушал, неожиданно подхватили припев:

Мы шли за свободу, за труд, за народ.
Наш клич — справедливость и знанье!
Себя обрекли на страданья.
Вперед, вперед, вперед!

К глубокому сожалению Георгия, песня осталась недопетой. Раздался сигнал. Молодежь поспешила к месту сбора. Началось обсуждение того, ради чего все сюда собрались: как провести предстоящую в воскресенье 5 мая демонстрацию.

По воспоминаниям Богданова — рукопись хранится в Саратовском областном пархархиве, — на острове в тот раз собралось около ста человек. Завязался яростный спор. Сторонники «экономизма» — оппортунисты, впоследствии объединившиеся с меньшевиками, высказывались против открытого революционного выступления. Демонстрация, уверяли они, приведет к разгрому партийной организации, остановит работу. Повторялась старая песня о том, что рабочие не дозрели для политической борьбы.

Сторонники «Искры», ленинцы, возражали своим противникам: пусть демонстрация будет рассеяна, пусть многих товарищей схватят, изобьют или посадят в тюрьму, но своим героическим выступлением демонстранты всколыхнут массы, разбудят революционное сознание и дадут

толчок более мощной борьбе. Она развернется еще шире.

Забыв о правилах конспирации, спорщики шумели, перекрикивали громкими голосами друг друга. Перед рассветом приняли решение. Голосовали не поднятием рук — в получьме было плохо видно. Поэтому разделились на две части: в одну сторону отошли «козлищи», то есть те, кто за демонстрацию. В другую — «бараны» — кто против. «Козлищ» оказалось больше, среди них много рабочих. И Георгий с ними.

Уместно сделать короткое оступление. Елена Дмитриевна Стасова, зная всю «подноготную» Ломова, не задавалась вопросом, почему тринадцатилетним мальчишкой-гимназистом пришел он в революцию. Конечно, справедливо ее замечание, — в то предгрозовое время, когда близился 1905 год и романтика кружков, листовок, нелегальных собраний покорила немало совсем юных сердец, это было неудивительно. Удивительны были та сознательная целеустремленность, то глубокое политическое чутье, которые оказались в Ломове с самых юных лет...

В дневнике Богданова подробно описана и демонстрация. За день раньше о ней широко оповестила листовка. Саратовский комитет указал местом сбора Соборную площадь. Адрес умышленно ложный, предназначенный для черносотенцев и полиции. А по цепочке, и в ней уже участвует Жорж, рабочим кварталам дали знать: двинемся с Верхнего базара к центру.

Колонна молодо и весело зашагала вперед. К ней присоединялись сочувствующие. Она росла, стала внушительной. Приблизилась к Театральной площади. Пересекла ее, вступая на центральную улицу — Немецкую. Только здесь из глубоких арок и подворотен выскочили обозленные сыщики, переодетые в штатское полицейские, жандармы, сытые дворники в белых фартуках.

Началась дикая расправа. Безоружных демонстрантов избивали дубинками и нагайками. Хватали женщин за волосы, рвали на них одежду. Колонна не растерялась,

дала насильникам отпор. Рабочие отбивались от полицейской своры вывороченными из мостовой булыжинами, досками из заборов да и кулаками.

Жандармы взяли верх. Но не велика была их «победа». Демонстранты отходили с боем. Молодежь прыгала через заборы, ограды, скрываясь от преследователей. Самые отважные прикрывали отход. Кого полиции удалось схватить — волокли в участок. Оттуда под конвоем казаков с саблями наголо гнали в тюрьму.

А добровольцы-санитары скрытно уносили раненых, промывали им раны, бинтовали. Но теперь рабочему идти с перевязкой в свой барак нельзя. Она — повод к аресту. Да и некому, в случае нужды, чем-либо помочь. Куда же деваться? Ясно, на Зеленый остров. Поздней ночью Апостол обеспечил переправу. Укромные поляны и лощины стали тайными лазаретами. Заводские ребята, учащиеся привозили туда еду, бинты, вату, медикаменты. Добровольцы — врачи и сестры — ухаживали за пострадавшими.

С вечера до глубокой ночи на 6 мая 1902 года детская из трех комнат в жилой половине государственного банка превратилась в санитарный пункт. Здесь готовили к переправе раненых. Мать из чувства сострадания, дочь и прибежавшие на выручку ее подруги из солидарности оказывали первую помощь. А четыре брата, пользуясь ночной темнотой, увозили пострадавших на Зеленый остров.

Очень кстати в детской был отдельный вход. Не с улицы, а в глубине двора, откуда можно незаметно пробраться к пристаням частных пароходств «Кавказ», «Меркурий», «Самолет», «Русь».

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО

Хуже сложилось с теми, кто попал в тюрьму. Их долго держали за решеткой без следствия и суда. Власти стремились притупить остроту гнева в рабочей среде.

Суд состоялся через год после демонстрации. Свидетелями вызвали полицеймейстера Зацвилиховского, пристава второго участка Леопольдова, околоточных надзирателей Плаксина, Ильина и городового Ларкина.

Неправедный суд, никого не устрашив, обернулся против судей. Душителей свободы изобличила гневная речь литеинщика Петра Воеводина, одного из шестидесяти семи обвиняемых. Ее сумели записать ученики, проникшие в зал, где происходил этот инсценированный процесс.

Георгий с товарищами из ученических нелегальных кружков тут же, без промедления, размножали на mimeографе и гектографе «последнее слово подсудимого». Одни печатали, другие распространяли листовки, раздавали рабочим у заводских и фабричных ворот, расклеивали повсюду, где только удавалось. Даже перед самым носом начальства — на дверях суда и городской управы можно было прочесть правдивые, как исповедь, убийственные для царизма слова:

«Два года тому назад, когда я работал в Екатериновске, меня арестовали по причине, которая мне до сих пор неизвестна, и выслали под надзор полиции в чужой для меня город Саратов. Здесь терпел голод, холод и всякие лишения, тщетно выпрашивая работу и всякий раз теряя ее вследствие настоящий полиции, испытывая унижения от любого городового и всяких других прислужников царского правительства.

Я в шестнадцать лет впервые понял, что моя беда лишь частица общего горя и гнета, который тяготеет над всей рабочей массой, что наши враги — капиталисты, выжидающие из нас соки, царское правительство, всецело стоявшее на их стороне и мешающее вести борьбу за наши интересы. Мне, как и всему рабочему классу, не осталось ничего другого, как выйти на улицу и кричать: «Долой капиталистов!», «Долой самодержавие!»

Участвуя в демонстрации, я исполнял свой долг, поэтому я требую для себя оправдания».

Верные слуги самодержавия не выполнили требования рабочего. Его приговорили к двум с половиной годам тюрьмы. Других — на разные сроки заключения. Восьмерых обвиняемых сослали в Сибирь на вечное поселение.

Петр Иванович Воеводин через несколько лет, в канун революции 1905 года, вернулся на завод. С ним подружился Георгий. Эта дружба двух партийцев пройдет через всю их жизнь. Многое воспримет Жорж у Петра: отвагу, решимость, умение безбоязненно гнуть свою линию перед жандармами.

Петр был старше Жоржа на четыре года. Получил до Саратова серьезное и суровое «образование» классовой борьбы. В Екатеринославе, четырнадцатилетним, по просьбе отца, кадрового рабочего, мастер определил Петра учеником литейщика. Годом позже его можно было застать на занятиях тайного марксистского кружка. Он встречается с Иваном Васильевичем Бабушкиным, прошедшим ленинскую школу. В начале нового века Петр арестован, посажен в тюрьму. Несколько месяцев одиночки, высылка в Саратов. Еще через год — опять арест, опять тюрьма. Из-за ее решеток он дает знать: согласен с решениями II съезда РСДРП, считает себя большевиком. А в горячие и взрывные дни первой русской революции в Саратове поведет за собой в бой рабочую дружины. И в ней командовать «десяткой» будет Жорж.

Летом 1934 года десятилетний мальчуган Юрка Ломов, сын Георгия Ипполитовича, подрался в Серебряном бору под Москвой с таким же озорником, как он сам. Отец настиг драчунов, разнял, стал мирить.

Юрка оправдывался:

— Это не я, он первый полез в драку... Козлище такой гадкий!

— Полез в драку, конечно, зря,— ответил отец. И с лукавинкой в глазах посмотрев на сына, прибавил: —

Жалко, что ты его считаешь козлищем, если он гадкий. Помнится мне, давным-давно в Саратове так называли молодых искровцев.

- Искровцев?
- Да, они были заодно с Лениным.
- А ты был с ними? И ты был козлищем?
- Ясное дело, факт!

ИДЕЙНАЯ ДРУЖБА

Человеческие отношения... Поэт и педагог Богданов был старше Георгия Оппокова на четырнадцать лет. Прошел долгий и мучительный путь от народника до большевика. Узнал неимоверные тяготы, погоню за заработком, нужду, тюрьму, постоянные преследования жандармов. А Жорж — ученик гимназии, не обремененный никакими материальными заботами — не испытал еще ни ареста, ни допроса, все это ему еще предстоит в будущем.

Знакомство. Беседы. Начались они с поэзии. Александра Алексеевича поразило в Жорже глубокое, не по летам, понимание творчества русских и зарубежных поэтов. Знает множество стихов, декламирует их по памяти. Выяснилось сходство во взглядах на предназначение поэзии. Близки в критических суждениях, в оценке того или иного произведения. «Нашли общий язык», — скажете вы. Но это только поначалу.

Богданов рассказал Жоржу, как «вошел в литературу». После многих скитаний «забрел» в Питер. Дал почитать свои стихи Алексею Максимовичу Горькому. Тот вскоре позвал к себе начинающего поэта. «Ничего, ничего, валяйте, продолжайте работать. А стихи мы ваши, я и Поссе, будем печатать», — обнадежил Алексей Максимович. Вскоре появилось в журнале «Жизнь» первое богдановское стихотворение «В деревне».

Но политическая борьба захватила Александра Алек-

сеевича и заставила посвятить ей все силы, все, на что он способен, а значит и стихи. «Музы должны служить грядущей революции. Ей буду неотступно верен».

Жоржу поведение Богданова по душе. Оно шло в лад с тем, как понимал юноша свою стезю. Состоялось знакомство его с марксистской литературой. Он создает тайные школьные кружки по ее изучению. Богданов делится с гимназистом своим опытом, подсказывает, как лучше вести занятия, надежней обеспечить конспирацию.

Однажды Александр Алексеевич раскрыл Жоржу секрет того, как появилось на свет стихотворение, ставшее песней.

— Побывал я на студенческих сходках в Петербурге, выступал на них, вместе со всеми пел «Марсельезу». А почему бы не сочинить нашу, «Студенческую марсельезу»?

— По мне, сколько ни задавайся такой задачей, песни не получится,— вставил Жорж.

— А я вот сочинил.— И нараспев:

Пусть нас ждут пересыльного замка
Кандалы, ненавистный конвой,
Роковая казенная лямка,
Крест на шапке и штык за спиной...
Мы шли за свободу, за труд, за народ,
Наш клич — справедливость и знание!..

— Так эту песню вы начали петь и оборвали на Зеленом острове! Ее же Виктор из Москвы привез. С университетскими друзьями у нас дома в каникулы распевал,— вскричал Жорж.

— Видишь, перекочевала из Петербурга в Москву. А из Москвы в Саратов. Только напечатать — шалишь! Мало того что запретят, еще в тюрьму загребут. Под 1 мая в девятьсот первом меня выследили жандармы и «пригласили» в «Кресты». Там в одиночке пришлось провести пролетарский праздник. Провел по-своему — сочинил в его честь:

Собрались ли друзья на светлый праздник Мая?
Кто уцелел из них, кто угодил в тюрьму?
Кто шел по Невскому, знамена развевая? —
Иль праздник неудачен? Почему?
В ответ безмолвствует и хмурится природа...
Вдруг чудодейственно разорван полог туч,
Приветливо блеснул весны янтарный луч,
Зовет на путь борьбы... И грезится свобода!

— Очень верные стихи. Но свобода нам,— с твердостью произнес Жорж,— не только грезится. Мы ее за-
воюем!

— Чтобы завоевать, нужны воины. Армия революционеров. Зови в нее молодеж...

Жорж бывал с Александром Алексеевичем у «тетушки Марсельезы» — социал-демократы величали революционным гимном пожилую женщину, с виду грузную и рыхлую, всегда буднично одетую и в разговоре очень медлительную, притворно туго соображающую. А в действительности Елизавета Адриановна Дьякова обладала мощным зарядом энергии и предусмотрительно держала ее про запас, на случай налета полиции. Тогда она становилась необычайно находчивой, изворотливой, решения принимала мгновенно и не раз, бывало, «выходила сухой из воды».

Ее муж, Николай Иванович Соловьев, по службе часто ездил в Самару, получал у Глеба Максимилиановича Кржижановского свежие номера «Искры», привозил вместе с иной подпольной литературой. Сюда наведывался Георгий и за газетой, и за информацией или инструкциями «комитетчиков». Здесь он общался с соратниками Ленина: Егором Барамзином и Мартыном Лядовым. Все это было ленинской школой воспитания юного революционера.

Едва ли он знал настоящую фамилию Барамзина, которого все тогда называли Эмбрионом. Зато знал, что тот был вместе с Лениным в минусинской ссылке, участвовал в известном собрании семнадцати марксистов.

Очевидно, еще в ссылке Егор Васильевич условился с Ильичем, что будет агентом «Искры», и стал им в Поволжье.

Очень много внимания этот образованный марксист уделял молодежи, особенно учащимся. Скорее всего от него и его друга Мартына Лядова саратовские гимназисты узнали решение II съезда РСДРП, указавшего на важность юношеского социал-демократического движения.

Гораздо раньше, когда еще готовился съезд, Ленин подсказал местным партийным организациям вопросы, которые должны быть освещены в их докладах. В разделе о связи и деятельности партии «в других слоях населения кроме рабочего класса» делегатам следовало выяснить, какие средние учебные заведения, гимназии, семинарии и прочие торговые и коммерческие училища имеются в данном городе? Характер связи с учениками. Отношение к новому фазису подъема движения в их среде. Попытки устройства кружков и занятий...

Владимир Ильич хотел знать, «становятся ли и как часто социал-демократами только что окончившие или продолжающие учебу гимназисты?» И какие кружки у них? И что за коллективные чтения ими устраиваются?

Наконец Ленин спрашивал, «как идет распространение среди учащихся литературы», разумеется, марксистской.

Саратовские искровцы заранее наметили послать делегатом Мартына Лядова и поручили ему докладывать съезду. В сборе материалов по разделу «о других слоях населения», без сомнения, участвовал Георгий.

«Я привез с собой,— вспоминал позже Лядов,— наказ саратовской организации, от которой я был делегирован. Организация эта стала уже целиком на искровскую позицию... Ильич внимательно выслушал меня, затем подробно расспрашивал... С первых же его слов, с первых его вопросов хотелось ему все рассказать».

Теперь вполне объяснимо, почему Георгий сразу после съезда решительно объявил себя сторонником большеви-

ков. Он был и раньше с ними. Находился под их влиянием. Вращался в кругу тех, кто, по достоверному свидетельству ленинского соратника, еще до II съезда РСДРП занял искровскую позицию.

Георгий знал многое о Ленине и от Барамзина, и от Лядова, и от Марии Петровны Голубевой, прошедшей «курс» марксистской науки в самарском кружке Владимира Ильича. И от ленинского посланца к саратовским большевикам, направленного специально для разъяснения сущности раскола на II съезде,— Марии Моисеевны Эссен, отрекомендованной Георгию Зверем. Такую «страшную» партийную кличку ей дали близкие друзья за резкую и беспощадную критику всех отступников от марксизма.

ЮБИЛЕЙ ПЕЧАТНОГО СЛОВА

Осень 1903 года. Виктору после вынужденного перерыва было разрешено, в результате упорных отцовских хлопот, продолжить университетский курс. Это совпало с радостной вестью. Из Москвы приехал Николай. Он выдержал конкурсные экзамены и принят в Сельскохозяйственный институт. Его будут учить Прянишников, Фортунатов, Вильямс, Каблуков, Придорогин — светила отечественной биологии, ботаники, агрономии...

Квартира стала суетной и шумной. Мать поглощена проводами своих погодков. Она раскладывает в чемоданы сыновьи вещи. Волнуется, хлопочет: ничего бы не забыть.

Звонок у входной двери дребезжит без отдыха, охрип. Приходят друзья — поодиночке, вваливаются скопом.

В детской половине гомон и ералаш. Поют под гитару, спорят, не затихает баталия — прощальный турнир за шахматной доской.

Однинадцатилетняя Валя с подругами о чем-то шепчутся в гостиной. Девчонки забрались в угол большой залы под прикрытие ветвистых фикусов и пальм. Молча скло-

няются над четырехугольным ломберным столиком, обтянутым темно-зеленым сукном. Никто не должен знать, чем они заняты. Это тайна.

Но вот Валя направляется с торжествующим видом в детскую и вызывает «на одну минуточку» Виктора.

— Что тебе, Валек-колобок?

Сестренка протягивает батистовый носовой платок с вышитыми на нем цветным шелком инициалами «Н. И.».

— Прошу вас, сударь, передать наш скромный дар,— силясь не улыбнуться, произносит сестренка,— агроному Николаю Ипполитовичу Оппокову. А этот,— она подает старшему брату второй платок,— этот вам, милейший доктор, от будущих благодарных пациентов...

Валя присела в реверансе. Подружки лукаво поглядывают из-за плетеных корзин с цветами, задорно хохочут.

— Большое-пребольшое спасибо,— Виктор ласково щелкает сестренку по кончику носа.— Сердечная благодарность вам от имени агронома и доктора. Желаем всего наилучшего Карамзину в юбочонке и ее славным сподвижницам!

Валя в третьем классе гимназии. Но родным и знакомым не секрет: увлечена историей. Читала сочинения Карамзина, Костомарова. Мечтает посвятить себя краеведению и археологии.

В семье Оппоковых вся «пятерка» учились на пятерки. И все они, будто нарочно, заранее сговорившись в выборе специальности, будущей стези, «разошлись как в море корабли».

Виктор станет прекрасным хирургом. Николай будет пользоваться в родном Поволжье непререкаемым авторитетом знатока земледелия. Евгений пустит в ход Саратовский крекинг-завод и многие годы проведет на инженерном поприще. Георгий отдаст предпочтение экономическим наукам, и партия доверит ему командные посты в руководстве народным хозяйством страны. А Валентина, после двух вузов, останется верна своему детскому увлечению

историей, отдаст много сил и энергии собиранию и изучению архивных материалов о Поволжье, напишет книгу «Прошлое Саратовского края», которая заслуженно получила высокую оценку многих видных специалистов.

Не следует, однако, забегать вперед.

Осень. Все такая же ветреная, с обильным листопадом и дождями в том самом девяностом третьем, который войдет в историю на века. Год рождения новой эпохи — большевизма.

Виктор и Николай готовы к отъезду в Москву. Поздно вечером, проводив гостей, младший брат сообщает им сугубо конфиденциально:

— Сегодня в комитете был доклад делегата Второго съезда. Мы об этом заранее знали из письма Надежды Константиновны Крупской. Она писала: к вам едет Зверь. Ну, думаю, кто бы это мог быть? Молодая, очень симпатичная женщина. Энергия брызжет! И на язык остра. На съезде в Центральный Комитет партии избрана. Обрисовала нам весь ход прений, причину раскола. Большевиков возглавил Владимир Ильич Ленин. Меньшевиков — Юлий Осипович Мартов. И на нашем комитете не обошлось без споров. Но подавляющее число проголосовало за большевиков.

— А ты? — спрашивает Виктор.

Праздный вопрос. О расколе в партии братья уже знали и до приезда делегата. Знали, что Жорж — убежденный сторонник «Искры», решительно отстаивает позиции ленинцев.

— Разве я похож на флюгер? Верчусь, куда ветер дует? — Младший взглянул на старшего, не скрывая обиды.

— Знаешь ли, — уклончиво произнес Виктор, — пока еще не известно, кто прав. Время покажет. Не торопясь, поразмышляем. Пораздумываем...

— Размышляйте, раздумывайте, — Жорж решителен. — А мы будем бороться!

Евгению, погруженному по уши в проблемы современной техники, в новые открытия и изобретения, охладевшему к политике, захотелось разрядить зачатки спора между братьями. Он поднял руку в знак того, что просит тишины, и стал декламировать:

Что сидишь ты сложа руки?
Ты окончил курс науки.
Любишь русский край,
Остроумно, интересно
Говоришь ты, мыслишь честно...
Что же? Начинай!
Иль тебе все мало, низко?
Или ждешь труда — без риска?
Времена не те!
В наши дни одним шпионам
Безопасно, как воронам
В городской черте.

— Чьи это такие непочтительные про шпионов? — раздается мягкий бас отца. Он незаметно вошел в комнату. Не дав себе ответить, продолжил: — Конечно же догадался. Это любимый Чернышевским поэт. Другой, пожалуй, и не решится так суворо хулить царских слуг. Помнится, Николай Гаврилович писал ему после первого же издания его стихов: «Теперь вы дали нам книгу, какой не бывало еще в русской литературе... Истинно, у вас огромный талант... Есть ли высота, недоступная для вас?»

— Ах, папка, откуда ты все знаешь? И про переписку между Чернышевским и Некрасовым... — Георгий с восхищением посмотрел на Ипполита Захаровича.

Отец, как всегда, в своем черном сюртуке, из-под которого виднеется белоснежный накрахмаленный воротничок с повязанным посредине темным бантом. Совсем не густая, но широкая, распахнутая веером борода пронизана вьющимися сединками. Они серебрятся и на усах, и на висках.

Большой, с залысинами по бокам, лоб мудреца перечерчен поперек двумя-тремя морщинками. А голубые глаза смотрят пытливо и совсем по-молодому.

Ипполит Захарович с минуту любуется своими рослыми, статными, красивыми сыновьями. Затем, переменив тему разговора, протягивает распечатанный конверт и обращается сразу ко всем:

— Я, собственно, к вам вместо почтальона. Прошу прощения, без спросу раскрыл конверт и не могу догадаться, кому же из вас адресовано на мое имя прямо в банк это послание. Извлек из служебной почты...

— Это мне.— Георгий взял из рук отца конверт, с нетерпением вынул из него свернутые вчетверо листки.

— Нечаянно прочел заголовок,— в голосе отца извинительные нотки.— В нем явная ошибка. Русскому печатному слову не пятьдесят, а добрых триста пятьдесят лет.

— Здесь, папка, разумеется совсем иное печатное слово, гораздо более современное,— живо отпарировал Георгий.

— Более современное? — раздумчиво повторил Ипполит Захарович и с явной грустинкой: — Отцам не угадаться за детьми. Это подтверждено поэтом Владимиром Григорьевичем Бенедиктовым. Читали его напутствие новому поколению от стариков? Согласно повторю за ним:

Шагайте через нас! Вперед! Прибавьте шагу!
Дай бог вам добрый путь! Спешите! Дорог час!
Отчизны милой нам, ко счастию, ко благу,
Шагайте через нас!
И если мы порой по старине с упорством
Стоим и на ходу задерживаем вас
Своим болезненным, тупым притворством —
Шагайте через нас!

Последнюю строку управляющий банка досказал уже на пороге комнаты, удаляясь торопливым шагом.

...Быть может, в этот же час ротмистр Федоров в Саратовском жандармском управлении составлял список лиц,

коим были отправлены по городской почте печатные революционные воззвания, озаглавленные «Пятьдесят лет русского печатного слова».

За порядковым номером тридцать три значился в этом списке Ипполит Захарович Оппоков, управляющий банком, статский советник, проживающий в здании Саратовского отделения государственного банка, где и следует изъять вышеуказанные воззвания агентурным путем.

ЕПИСКОП И ЧАЙНАЯ

В автобиографии, написанной Георгием Ипполитовичем для Энциклопедического словаря Гранат, есть указание о том, что он учился в тайном марксистском кружке, а руководил кружком студент Иван Майский.

Был великий соблазн повидать этого «студента», разузнать у него какие-либо подробности о Георгии Ипполитовиче. Не секрет, со временем он стал видным советским дипломатом и академиком. Я читал его мемуары.

«Для меня Саратов... не был простым географическим наименованием: здесь я пережил революцию 1905 года и притом в качестве ее активного участника. Как член Саратовского комитета РСДРП, я вел в этом городе пропагандистскую работу, выступал на митингах, писал в местной социал-демократической печати, дрался в рядах боевых дружин против черносотенцев. Федин был еще 13-летним мальчиком в дни первой русской революции, но у него сохранилось много воспоминаний и впечатлений от того горячего периода. Мы не раз беседовали с ним о Саратове 1905 года, о людях и делах того времени, о больших и малых вещах, иногда о смешных эпизодах, вклинившихся в ленту серьезных событий.

И тот факт, что я знал Саратов не академически, не вообще, а вполне живо и конкретно — с «садом Очкина», с «Глебучевым оврагом», с «Провиантской улицей», с «ба-

заром на Пешке», с «Соколовой горой», — как-то невольно сближал нас, заставлял нас обоих чувствовать себя «саратовцами» (хотя вообще-то я происхожу из Сибири)».

...На улице Горького наискосок от Моссовета — большой красивый дом, облицованный серым гранитом, с фасадом, сверкающим соблазнительными витринами сотого книжного магазина.

Иван Михайлович встретил меня исключительно любезно, пригласил в маленький уютный кабинет. Мне показалось, он умышленно выбрал для работы самую «тесную» комнату. Впрочем, она была под стать хозяину, гармонировала с его малым ростом, худощавой и стройной юношеской фигурой, необычайно подвижной, динамичной.

— Присядьте, — предложил Иван Михайлович. — Ваш телефонный звонок меня не на шутку взволновал. Вернуться в свою боевую молодость, даже мысленно, необычайно приятно... Но с чего начнем?

— Если не возражаете, с вопроса: не довелось ли вам, Иван Михайлович, в те далекие годы познакомиться с Георгием Оппоковым, таким же коренным саратовцем, как и Константин Федин?

— Федина я узнал вскоре после Октябрьской революции. А Георгия, или Жоржа, как мы его все звали, помню с 1904 года. Жорж был организатором подпольных социал-демократических кружков среди учащихся. Он и сам занимался несколько месяцев в кружке, которым я руководил по поручению городского комитета.

— А какой была позиция членов комитета?

— Неодинаковой. Кое-кто колебался, проводил примиренческую линию, что приводило к ослаблению позиции большевиков в комитете...

— А какой была позиция Георгия?

— Он был страстным спорщиком, ярым большевиком... Несмотря на свою молодость, увлекался марксистской теорией.

Иван Михайлович углубляется в прошлое. Пощипывая седую бородку и такие же серебристые усики, он воскрешает в деталях свои встречи с Георгием Оппоковым.

— Жорж был очень умным и сообразительным мальчиком. Иначе его не назовешь. Ему исполнилось, вероятно, шестнадцать. Да и все мы были молоды. Мне не больше двадцати, хотя считался профессиональным революционером с приличным стажем... Так и стоит перед моими глазами этот жизнерадостный гимназист, не широкой кости, но спортивного кроя, крепкий, на голову выше меня. Среди своих товарищей он пользовался авторитетом. В кружке было около восемнадцати юношей и девушек, и, как я замечал, Жорж девушкам очень нравился... Занятия мы вели по разным явочным квартирам. Изучали основы марксистского учения и историю рабочего движения. Какое-то время я руководил и рабочей дружиной. В ней начальником одной из десяток был Ломов... Боевой и смелый мальчик!

Сказав так, повторив это слово «мальчик» с какой-то отцовской нежностью, Иван Михайлович посчитал нужным сделать оговорку:

— Это я называю Жоржа мальчиком теперь, бросая на прошлое взгляд «с колокольни» человека, переступившего за восьмой десяток... А тогда наши русские мальчики рано взрослели, стойко сражались на баррикадах.— Он прервал свои рассуждения, что-то стал восстанавливать в памяти.— Разве не следует считать завоеванной баррикадой чайную «Попечительства о народной трезвости», где саратовский епископ Гермоген перед первой русской революцией вербовал черносотенцев и погромщиков?

...Чайная в Береговом районе, близ ночлежки № 2. Ее обитатели — низкооплачиваемые рабочие маслобойных заводов, портовые грузчики, серымяги-бедолаги. «Христорождественское братство», которое кто-то метко перекрестил в «христопродавческое», господствовало, дурма-

нило забитых людей, едва перебивавшихся с хлеба на воду. Были тут и просто нищие, бродяги — голытьба.

Большевики решили проникнуть в чайную, отвоевать у Гермогена одурманенное им «войско». Это совпало с решением Саратовского комитета поручить Жоржу быть организатором в Береговом районе.

— Представьте себе картину нашего прихода в чайную, — говорит Иван Михайлович. — Вечер. Темень. Никакого освещения на окраине Саратова. Мы вошли в душное помещение, потонувшее в облаках махорочного дыма. Прошли к помосту, где сидели два гармониста, яростно раздувавшие меха своих инструментов. За всеми столами шумные, грязные, оборванные люди, ввалившиеся сюда прямо с надсадной работы. Среди них особенно выделялись прилично одетые агенты охранки. Здешняя публика встретила нас враждебно. Остановив гармониста, мы попытались начать разговор. В ответ раздался дикий стук ложками и вилками по столам, улюлюканье, а кое-кто потрясал кулаками, звал на расправу. Как быть? Вместе со мной, Жоржем, Богдановым и еще кое-кем из интеллигентов пришла группа наших друзей-рабочих. Посовещались на ходу. Свалка, драка здесь привычны. Нам же хотелось во что бы то ни стало избежать такого финала. Ретироваться, не дожидаясь столкновения? Равносильно поражению. Богданов и особенно Жорж настояли: докажем силу большевистского слова. Начал необъявленный митинг Александр Алексеевич Богданов.

О налогах, безработице, полуголодном существовании рабочих. Откуда все это? Кто виноват?.. Уже из глубины зала слышны одобрительные реплики, восклицания. Вторым говорил рабочий Мельситов, член нашего партийного комитета. Он умел говорить горячо, разоблачал царский гнет и насилие. И вот его сменил другой большевик призывной революционной речью. Позвал объединяться рабочую молодежь, настраивал на боевитый лад и Жорж... Митинг необыкновенно удался. Призывы к борьбе с само-

державием нашли живой отклик. Вместо вражды мы почувствовали теплоту и дружелюбие окружающих. Нам задавали вопросы, просили заглядывать в чайную почаше. А кое-кто даже захотел узнать, где можно с нами встретиться, потолковать. Вскоре мы безраздельно овладели чайной-столовой для систематической большевистской агитации и пропаганды. Гермогена отсюда погнали. Он — за помощью к губернатору Столыпину. Последовало «мудрое» решение: чайную на замок. А на замке — сургучную печать.

— Вы рассказали, Иван Михайлович, о символической баррикаде. А настоящие?

— Были и настоящие. Соберусь с мыслями, позову вас. Рад буду поделиться...

ЕЩЕ ОДНА СИМВОЛИЧЕСКАЯ БАРИКАДА

Буквально через несколько дней у меня появился нежданный гость. Коренной саратовец, прозаик и драматург Борис Прокопьевич Барков, собрался написать пьесу о двух изобретателях-волгарях: Федоре Абрамовиче Блинове и его ученике Якове Васильевиче Мамине. Я писал о них в свое время. Оба навечно вошли в историю отечественной техники. Один своим «паровозом на бесконечных рельсах» — первым в мире гусеничным трактором. А другой — усовершенствованными тракторными двигателями внутреннего сгорания и первыми русскими колесными тракторами.

Когда в нашей стране восторжествовал Октябрь, Блинова уже давно не было в живых, а его изобретение забыто. Мамина, владельца завода в селе Балаково, безуспешно пытавшегося до революции наладить массовый выпуск тракторов, Владимир Ильич Ленин в самое, казалось бы, неподходящее время — разгар гражданской войны — вызвал к себе. После беседы Якову Васильевичу была дана командировка в Германию, доверена крупная сумма валю-

ты для покупки оборудования и создания моторного завода на Волге. Мамин оправдал оказанное ему доверие. Советская власть наградила его орденом Трудового Красного Знамени, окружила заботой и почетом за новаторский, вдохновенный труд.

Барков зорко подметил вспыхнувший контраст между царским и большевистским отношением к изобретателям, к развитию отечественной техники сельского хозяйства. Ему было известно, что и Блинову, и Мамину Саратовское отделение государственного банка отказалось в крупных кредитах. Крутитесь сами как белка в колесе. Зарабатывайте деньги на чем угодно и тратьте на свои выдумки. В Поволжье батраки работают почти задаром. К чему помешикам дорогие машины? Кто ими будет управлять? Придется выписывать механиков из Америки. Дураков среди помещиков не найдете...

— Чьи же это доводы? Уж не управляющего ли банком Оппокова? — спросил я своего гостя.

— Вполне возможно, что его, — ответил Барков. — Но крупные кредиты разрешало правление. В нем-то и состояли помещики. — И встречным вопросом ко мне: — А откуда вы Ипполита Захаровича Оппокова знаете?

— Пишу о его младшем сыне. Его принимали в партию как раз тогда, когда отец управлял банком. А вовлекли саратовские большевики Вегер, Богданов...

— Меня вовлек в партию, в революционное подполье Владимир Павлович Антонов-Саратовский. Он тоже из этой когорты. Я видел их, знаю даже об одном из мероприятий, говоря нынешним языком, где, кстати, застал и Жоржа...

1904 год. Начало так называемой «банкетной кампании». Саратовские либералы устроили вечер, посвященный памяти своего именитого земляка — известного литератора, академика Александра Николаевича Пыпина, популяризатора творчества Белинского, Салтыкова-Щедрина, Некрасова.

Публики набилось много. Больше всего местной интеллигенции. Были и приехавшие на каникулы студенты, и гимназисты старших классов. Среди них оказалось и несколько рабочих, бывших как сюда попавших, кем приглашенных.

Отсутствовала кафедра. Обошлись и без подмостков для выступающих. Те, кому не хватило стульев за длинными столами, накрытыми накрахмаленными скатертями, стояли поближе к креслу председателя. Официанты разносили кофе и чай.

Открыл банкет здешний адвокат Гаррисон. Он не принадлежал ни к какой партии. Занимал в обществе, как частенько о нем толковали, «золотую середину». Всем хорош!

Нет, не всем. Это можно было заметить хотя бы по тому, кто первым получил слово: местный «златоуст» эсер Герасимов.

Эсдеки не имели еще никаких разъяснений из центра, не знали, как себя повести по отношению к либеральной говорильне. Саратовский комитет РСДРП решил участвовать в диспутах, отстаивать свою позицию: дадим сдачи либеральным и иным краснобаям!

А кому, собственно, дадим? Перед кем докажем? Не уподобимся ли повару из крыловской басни, увещевающему кота? Об этом не подумали.

После эсера говорил либерал, затем его сменил трудовик, потом опять Герасимов, умевший зачаровывать слушателей громкими «левыми» фразами.

— Немедленный бунт! Ниспровержение прогнившего строя!..

Увы, нисровергать монархию сей эсер собрался с помощью «хозяйственного мужика», иными словами, кулака, считая рабочих во всяком политическом движении ненужным балластом.

Когда представители либералов всех мастей наговорились досыта, взял слово кто-то из присутствовавших

большевиков. Он дал им бой по всем статьям. Его речь была горяча, доказательна и вдохновенна.

Георгий старался не пропустить ни одного довода, приведенного большевистским оратором. Хотя публика была явно не склонной к приятию марксистских взглядов, несколько раз вспыхивали громкие аплодисменты.

Шагая темной ночью с банкета, Жорж, зачарованный, с восторгом вспоминал покоряющую силу только что прослушанных большевистских речей. Радовали его и последующие встречи с более зрелыми и опытными товарищами, которые приохотили юношу к агитации и пропаганде. Они же помогли ему в начальных пробах пера, советовали, о чем и как писать в партийную прессу.

Вот уже в петербургской «Новой жизни» появляются первые корреспонденции Жоржа о молодом революционном движении в Саратове.

«ВОЛЬНАЯ ГИМНАЗИЯ»

Россия охвачена пламенем революции 1905 года. Самодержавие бессильно подавить и растущее юношеское движение. Массовые забастовки, митинги, демонстрации. Учащиеся властно заявляют о своих политических требованиях. В Поволжье созывается съезд учащихся средних школ. Зачинщиками движения, первыми, кто раньше всех других выступил, были саратовские гимназисты старших классов.

Георгий Оппоков ими руководит. Он неутомим. Стремится не пропустить ни одной сходки учеников, призывает к борьбе, к активной поддержке революции. Теперь он уже не только печатает на mimeографе и гектографе, с чего начал свое участие в «технике» партии. Он сам составляет большую часть листовок и прокламаций. Кроме того, продолжает слать корреспонденции в «Новую жизнь» о движении среди учащихся Саратова. Создает боевую дружину

учеников — она становится частью рабочей дружины, призванной дать отпор погромщикам всех мастей. И ведет кружки по изучению политической экономии. И распространяет нелегальную марксистскую литературу. И... успешно учится по всем предметам.

Инспектор 2-й мужской гимназии, случайно встретившись с матерью Георгия, сперва с гневным осуждением говорит ей о том, что ее сын не только сам уходит с уроков, нарушает дисциплину, не боится репрессий, но и подговаривает, уводит за собой других.

— Мы бы его, Ольга Семеновна, давно исключили,—сознается он под конец,— мешает этому странное обстоятельство... Странное и непостижимое! Как умудряется ваш сынок сдавать экзамены? В кого он уродился?

— Что же, Федор Степанович,— скромно ответила Ольга Семеновна,— неужели вы сомневаетесь в том, что наши дети могли унаследовать способности от своих родителей?

На самом деле суть непонятного инспектору «чуда» в другом. Ученики оказались догадливей своих реакционных педагогов. Не посещая уроков, юные забастовщики ходили на квартиру Оппоковых, где была организована «вольная гимназия». Преподавали в ней студенты — старшие братья Георгия, их товарищи. Были наложены взаимная помошь друг другу, проверка знаний.

Для того чтобы обмануть сыщиков, провокаторов, избегнуть провалов, ученики обзавелись целой сетью явочных квартир, где печатали прокламации, листовки, готовили знамена и лозунги к очередному открытому митингу или демонстрации. Нити всех этих явок — у Георгия. Достойно удивления то, как он успевает одновременно выполнять всевозможные «малые дела», не чурается ни одного из них и ко всякому относится серьезно, с сознанием ответственности. А ведь за каждой малостью, буквально за всем неотступно следила свора сыщиков. Тогда все было сопряжено с большим трудом, упорством, изобре-

тательностью, затратой времени и сил. И подлинным беспрашием.

А Георгию «школьный плацдарм» мал и тесен. Он все чаще бывает на рабочих окраинах, в заводских цехах, на верфи. Рабочим очень нравится молодой, энергичный большевик. Его внимательно выслушивают, с ним советуются, избирают своим представителем в городской партийный комитет, когда волжская судоходная организация численно выросла и была признана отдельным районом.

В юбилейном сборнике Саратовского Истпарта, выпущенном к двадцатилетию первой русской революции, напечатаны «Картинки из жизни смены поколений партии в 1904—1906 гг.» Захара Семеновича Петрова, бывшего ученика Александровского ремесленного училища.

Предисловие предупреждает: «...я не ставил себе целью дать полный очерк участия в революционном движении всей молодежи вообще, также и всей учащейся молодежи в частности. Во-первых, у меня в это время под руками не было достаточного материала, а во-вторых, я считаю, что эту работу могут и должны выполнить ныне здравствующие коммунисты: тов. Г. И. Ломов (Жорж Оппоков) и В. И. Вегер». Цель автора — «дать освещение того, как рост революционного движения рабочих воспитывал рабочую молодежь, как преломлялась в представлении детей рабочих... борьба отцов».

С начальных страниц совершенно понятно, кем вовлечен сын рабочего, ремесленник Захар Петров в партию. «В результате наших занятий в кружковой партшколе лично я весной 1905 года был кооптирован для работы в саратовской судоходной организации, а также по поручению городского комитета был организатором кружков среди молодежи Чирхинского завода, как обслуживающего речной флот...»

А организатором (то есть по-нынешнему секретарем райкома) и руководителем партийных кружков в Берего-

вом районе в ту пору был Жорж Оппоков. Он представляет район и в городском комитете.

Время ковало бойцов с лихорадочной быстротой. Время торопило наступление мужества, партийной зрелости.

«...ПРАВИТЕЛЬСТВО СПЕШИТ НА УСТУПКИ»

— Товарищи, конституция! — с газетой в руках влетает в квартиру Вегеров разгоряченный Жорж.

Володя тут же вскакивает с места, стараясь вырвать газету у друга. Тот не дается, закружился вокруг стола.

Володя за ним в погоню. Не так-то просто изловить Георгия. На помощь брату спешит целая стайка «мелюзги» — сестренка Рая, братишко Женька, трехгодовалая кудрявая Леночка, совсем еще кроха.

Все равно Жорж ухитряется выскользнуть. Одного ловко завертел волчком. Другого схватил, как мяч, подбросил, кинул на диван. Дети катятся кубарем, встают и опять в погоню. Им интересно. Они очень любят играть с этим высоким юношей в гимназической форме, с волосами ежиком и звонким голосом. А он в свою очередь не прочь пошалить, повозиться с ребятишками.

Шум, визг, ералаш прекращал отец семейства. Вот и на этот раз Илья Сергеевич, услышав голос Георгия, грохот падающих стульев, топот погони, входит в столовую и ловко перехватывает гостя. Через несколько минут над газетой, разложенной на столе, склоняются Володя, его отец, Георгий и еще несколько взрослых, появившихся в квартире.

Малыши стихают, забиваются под стол, слушают, не понимая, о чем говорят старшие.

— Тут нечем, по-моему, восторгаться особенно, — размышляет Илья Сергеевич, — от свободы дарованной до подлинной — расстояние, как от нас до Огненной земли.

— Пока посулы. — Володя соглашается с отцом.

— А царишка дрогнул. Не ровен час, и с трона кувырнется.— Жорж спохватывается: — Мне в район, ждут! — И уже на ходу: — На комитете решим, что делать.

В полдень состоялся митинг на Театральной площади. Вечером того же дня Саратовский комитет РСДРП дал знать по районам о сборе в городском театре.

...Вся дорога и площадь запружены народом. Всеобщее ликовение. Многие убеждены — свобода восторжествовала. Молодежь запевает «Марсельезу». Блюстителей порядка словно корова языком слизнула. В поздний час, после многих речей, покидая театр и площадь, народ уносил большевистскую листовку:

«Граждане! Наша борьба не прошла бесследно. Еще далеко не кончена всеобщая забастовка, еще несутся отовсюду вести о росте стачечного революционного движения, а уже правительство спешит на уступки... Новая попытка правительства ничего не давать народу, а лишь обмануть громкими обещаниями. Правительство, загнанное в тупой угол народной революцией, хочет отговориться от нее... утишить волны народного моря, чтобы снова сковать их, когда они утихнут.

Но правительство не обманет народ. На его пустозвонные обещания все граждане ответят усиленной борьбой: они силой возьмут то, что только обещает царь...»

Не выяснено, кто автор листовки. По стилю и языку, по темпераменту, думается, это вполне мог быть Георгий Оппоков. Во всяком случае, он принимал участие в ее составлении, печатании и распространении.

К БАРИКАДАМ НАСТОЯЩИМ

К продолжению беседы с Иваном Михайловичем Майским мне захотелось основательно подготовиться. Просмотрел подшивки старых газет Поволжья, рукопись местного краеведа Петра Александровича Козлова-Свободина, в

фонде поэта Александра Алексеевича Богданова — его неопубликованные дневниковые записи, названные им «Кровавые дни». В Саратове они вспыхнули в период московских боев на Пресне, которая стала навечно Красной Пресней.

Саратовцы перед своими героями первой русской революции тоже не в долгу. Институтская площадь, обагренная кровью рабочих, ныне одна из центральных в городе площадь Борцов 1905 года. На ней воздвигнут монумент, у подножия которого днем и ночью не угасает вечный огонь.

В том незабываемом пятом совсем иной — зловещий, смертоносный — огонь жандармов и царского войска обрушился на демонстрацию и митинг протеста против душителей свободы.

Козлов-Свободин, Богданов, Майский — участники событий. Все трое старше Георгия. И все единодушны в оценке его поведения, поступков, дел. Узнанное мною из документов, периодической печати и бесед сошлось даже в деталях. Перескажу коротко добытые факты.

Два месяца — ноябрь и декабрь — характерны ростом сознания широких масс, резким размежеванием между социал-демократами и буржуазно-интеллигентскими кругами. Подняла голову реакция. Либералов обуял страх перед революцией. Если она продолжит развиваться — до чего дойдет!

Все чаще раздаются призывы к смирению, славословия дарованным конституцией «свободам». В Саратове созываются всевозможные съезды: промышленников, помещиков, торговцев. Появляются из их среды златоусты и лидеры — биржевой волк Семенов, «туз» старьевщиков Уваров, архиерей Гермоген, ниспосылающий благословение «правоверной» рати погромщиков на сокрушение «сатанинской гидры и спасение отечества».

В таком накале страстей большевики смело ведут массы на сокрушение монархии. По их призыву началась всеобщая забастовка. По улицам рыскали казаки. Пус-

кали в ход нагайки, иногда оружие. Разгоняли пикетчиков у заводских ворот.

Столыпин, губернатор Саратова, подписал приказ о запрещении собраний. Типографы отказались этот приказ набирать и печатать. Пришлось губернатору воспользоваться отобранными у подпольщиков гектографами.

— Столыпин осваивает технику подполья, — пошутил наборщик Трофимов, сидевший рядом с Жоржем на совещании партийных агитаторов Берегового района.

Отсюда с группой партийцев Жорж спешит на Камышинскую в дом № 90, где заседает Совет рабочих депутатов. Единодушное решение Совета: в пятницу 16 декабря, в полдень, на ближайшей к рабочей окраине Институтской площади — политический митинг, на нем призовем к восстанию.

— Свершается, — говорит Жорж Майскому. — Вот он, наступает решающий момент...

Он бежит проверять готовность юношеских боевых дружин. По совету Ивана Михайловича ему еще придется раздобыть деньги и закупить хотя бы несколько револьверов. И разузнать у одноклассника Васены Хворостухина, путающегося с эсерами, вправду ли есть у них подразделение бомбистов или это только похвальба. Ему нельзя пропустить и очередной урок «домашней гимназии». Надо без опоздания прибыть на летучку в штаб боевых дружин, на сей раз не школьников, а взрослых — он командует десяткой в сотне Майского, которая входит в отряд Петра Воеводина. В этот же день, так совпало, занятия марксистского кружка на одном из предприятий Берегового района. Руководит сам Жорж, и пропустить ему нельзя, особенно в забастовку, когда очень важно поддерживать в людях убеждение в их правоте.

...Наступила пятница, вписанная кровью в историю революционного движения Поволжья. Утро на редкость спокойное, ясное. Институтская площадь и ее излучины — три улицы — гораздотише, чем в обычное будничное утро,

когда их заполняют прохожие. По тротуарам и проезжей части почему-то не бегут запаздывающие на работу. Не слышен звон бубенцов извозчичьих саней. И торговки не выносят лотки со снедью, задорно нахваливая свой товар: пышущие жаром пироги и ватрушки, горячие с хрустом бублики. Не видно и мальчишечек-дошколят. Обычно, как только родители за ворота, ребятня высыпает на площадь с самодельными железными, деревянными или плетеными из камыша и прутьев корзинчатыми салазками.

Нет, на сей раз площадь была объята тяжелой, как сон, тишиной. Она сутулилась и горбилась от наметенных за ночь метелью снежных бугров. Свежий снег ослепительной белизны, без следа полозьев, копыт, никем не истоптанный. Снег щедро искрился, радужно сверкал, напоминая своим многоцветьем россыпи алмазов. Наваленная посреди площади груда камней и щебня для ремонта щербатого булыжного настила походила на голову Черномора в нахлобученной пышной папахе.

Для постороннего глаза могло показаться, утверждают очевидцы, рабочий район вымер. Что не видно взрослых, еще объяснимо — забастовка. А куда же девалась ребятня?

Она шныряла по дворам, притихшая в ожидании чего-то недоброго. Пройти на площадь, выкатить на нее на салазках не давали казаки и полицейские, оцепившие ее.

Провокаторы выдали решение Совета жандармам. Губернатор предпринял экстренные меры, решил сорвать митинг. До половины двенадцатого никто и не пытался нарушить казачьи заслоны. Столыпин ликовал. Выиграл сражение без боя, как умелый полководец.

Но вот со всех сторон, словно по сигналу тревоги, рабочие начали таранить большими группами заградительные полицейские и казачьи посты. Немая площадь обрела голос. Загудела, забурлила, подобно огромному улью перед закатом.

Прошло каких-нибудь десять минут, и вся Институт-

ская — пустая и просторная — оказалась битком забитой людьми. Они стояли вплотную, не вмешаясь в ее границы, выхлестываясь темной и грозной лавой за пределы.

Полицеймейстер Мараки, нервно теребя черный и пышный ус, докладывал по телефону Столыпину:

— Петр Аркадьевич! Смута началась... Моих сил не хватает... катастрофа...

— Без истерики.— Губернатор тверд и сух.— Ждите меня у городской больницы.

Черный лакированный экипаж со Столыпиным и генералом Максимовичем, присланным незадолго до этого из Петербурга с высочайшими полномочиями по усмирению аграрных волнений в Саратовской и Тамбовской губерниях, подкатил к больнице. Высокое начальство не решилось покинуть экипаж, наблюдая за площадью в бинокли.

Открыл митинг, взобравшись на груду камней, большевик Клещевников. Его громкий бас разнесся по морозному воздуху. Он разоблачил лживость и цинизм царского манифеста. За ним поднялся любимец саратовских железнодорожников Павел Николаевич Молчанов и по-рабочему просто сказал:

— Нам надо повторить то, что сделали москвичи: поднять знамя восстания. Никто другой не выполнит этого за рабочего, только он сам может покончить с угнетением.— И закончил строкой из «Интернационала»: — «Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой!»

Вслед за Молчановым зазвучала взволнованная речь товарища Антона. В ней были более подробно освещены события, происходящие в Москве. И снова повторен призыв сплотить силы, дать отпор угнетателям.

Площадь загудела в ответ. Раздалось пение «Марсельезы».

Сейчас, в декабре, на Институтской, большевики, меньшевики и эсеры придерживались единого курса на вооруженное восстание. Охрану митинга доверили большевику

Илье Минину. Вот к нему подбежал разведчик: со стороны Волги появилась рота солдат. На Астраханской улице сотня конных казаков переехала мостик, приближается...

Минин передал приказ — быть начеку.

Жорж со своей десяткой в передовой цепи. Он видел вдалеке, у больницы, стоящего в экипаже Столыпина. Нехристово размахивая руками как ветряная мельница крыльями, он орал на полицеймейстера. Тот стремглав побежал от экипажа к есаулу. Явно готовится наступление.

Встретившись взглядом с Васеной Хворостухиным, Жорж спросил:

— Где твои бомбисты?

Позавчера Васена уверял: эсеры достали бездымный порох, начинили банки из-под какао, бомбисты прошли инструктаж, умеют поджигать фитиль, метко бросать бомбы.

Обманули. Защищаться от казачьих винтовок десятке пришлось несколькими револьверами, которые достал Жорж.

Казаки мчатся на рабочих. Подскочили вплотную. Свистят нагайки. Многие смельчаки бросились на подмогу дружинникам. Пошли в ход железные прутья, палки. Посыпались на казаков булыжины. Им пришлось откатиться. Спешившись, они залегли, открыли ружейный огонь, стали теснить участников митинга к Очкинскому поселку и Парусиновой роще. Казаков предварительно напоили водкой, в пьяном угare их стрельба была беспорядочной. А заслон дружинников с беспредельной отвагой сдерживал вражий натиск.

Но силы чересчур неравные. Пришлось отступать. Жертв много. На площади лежат убитые и раненые. Пострадали и вовсе непричастные к митингу. В Очкинском поселке казачья пуля сквозь окно убила в комнате спящего в люльке ребенка. В другом доме погибла беременная женщина.

Георгий вместе со своими товарищами сражается,

прикрывает отход демонстрантов, подбирает раненых, организует санитарную помощь.

За «успешный разгон бунтовщиков» и подавление крестьянских выступлений царь назначил саратовского губернатора министром внутренних дел всей империи. Вскоре не в одной губернии, а по всей России появились «столыпинские галстуки». Но еще до возвышения Столыпин успел до отказа заполнить местный острог революционерами. Очень многих погнали под конвоем в Сибирь.

Георгий не позволил себе передышки. Налаживает передачи в тюрьму, помощь ссыльным.

Геолог Марина Барцева любезно прислала дневник своего отца Николая Сергеевича, волжанина, участника боев в пятом году, представителя 2-го реального училища в Центральном молодежном стачечном комитете Саратова. Несколько строк из дневника: «Храбрости, готовности рисковать собой ради высокой цели мы учились у Жоржа. Даже проводы ссыльных по его инициативе мы превращали в политическую демонстрацию».

ТАИНСТВЕННЫЙ «Ъ»

Ночью Саратов по указанию Столыпина тщательно прочесывала жандармерия. Обыски и аресты продолжались до утра. Нагрянули и в дом Оппоковых. Филеры и полицейские перерыли все: книги, белье, простукивали стены и полы, осмотрели каждую вещицу — ничего компрометирующего. Пришлось уйти несолено хлебавши.

В последующие годы будет еще много таких полицейских налетов и обысков у Оппоковых. Их станут производить на разных квартирах: и в самом Саратове, и на даче в Пристанном, и в Москве, и в Петербурге — на временном студенческом жилье Виктора, Николая, Евгения и Георгия. Если заглянуть еще дальше, Георгия не раз будут обыскивать при арестах, и «на постое»

в архангельской ссылке, и на далекой Качуге в Иркутской губернии... А результаты все равно окажутся одни и те же: ни листовок, ни запрещенной литературы, ни типографского оборудования или оружия, ни партийных документов — того, что обычно считается уликой и подтверждает принадлежность к подполью,— найдено не будет.

Георгий с первых шагов политической деятельности отличался умелой, «непроницаемой» конспирацией.

Газета «Приволжский край» от 18 января 1906 года: «В ночь с 16 на 17 арестованы сотрудник местных газет А. А. Богданов, студент В. И. Оппоков (сын управляющего банком)».

Вот одно из подтверждений тому, что было сказано впереди. Саратовской жандармерии не удается изобличить Георгия. А Виктора сажают в тюрьму по донесениям фискалов: он превратил детскую их банковской квартиры в санитарный пункт. Врачевал, перевязывал раненых в декабрьском бою. К этому «греху» присовокупили второй — организацию студенческих вечеров, в которой Георгий принимал не меньшее участие, чем старший брат. Они договорились: сборы за проданные билеты делить пополам. Одну часть — на революционную работу студентов Московского сельскохозяйственного института, другую — в кассу местных социал-демократов с той же целью.

Под пулями пьяных казаков, под их рассеянным перекрестным огнем, отступая с Институтской площади к Шелковичной улице, Жорж оказался рядом с Петром Александровичем Лебедевым. По специальности присяжный поверенный, а по призванию профессиональный революционер, Лебедев уже несколько лет был «по высочайшему повелению» подвержен гласному и негласному надзору. Но это не могло утихомирить убежденного в своей правоте ленинца. Петр Александрович продолжал пропаганду

большевизма, готовил агитаторские кадры партии из рабочей среды в нелегальной агитшколе, составлял конспекты докладов — их размножали на гектографе и раздавали активу.

— Надо не допустить, чтобы волна революции спала, — сказал Лебедев шедшему рядом с ним Георгию.

И тут же они договорились о встрече. А через несколько месяцев, в марте 1906 года, вышла в свет новая газета — «Волна», орган Саратовского комитета социал-демократической партии. Одним из ее активнейших сотрудников стал Жорж Ломов, подписывавший свои корреспонденции псевдонимом Георгиев. Вскоре, однако, «Волну» закрыли. Лебедева сослали.

1906 год был оселком, на котором проверялся, испытывался характер бойца. Выдержит или сдаст? Именно тогда Георгий Оппоков проявил недюжинное упорство и верность однажды избранной цели. Он не дрогнул, не убрался тягот борьбы. Напротив, ощутил какую-то внутреннюю радость, подъем от сознания, что всюду нужен, ко всему причастен.

Ряды бойцов поредели. Одни сами отошли. Другие были вырваны из строя. Но бой продолжался. И Жорж чувствовал себя в ответе за любой партийный участок, как часовой за порученный ему пост. Он ведет рабочие и школьные кружки, пишет листовки для ремонтников пароходства, готовит забастовку мукомолов, призывает к солидарности с ними соседние предприятия. Одновременно он затевает юношеский журнал «Жизнь и школа». Находит для него средства, типографию, официального редактора.

Молодежью Саратова журнал принят с восторгом. Второй номер вышел полуторным тиражом. Третий — удвоенным. А на четвертом... царская цензура очнулась. Жандармы всполошились. Добродушного, ничего «дурного» не подозревавшего редактора арестовали и посадили за железную решетку одиночной камеры. Но сколько его

ни допрашивали, он так и не сказал, кому принадлежат подстрекательские материалы, подписанные загадочным твердым знаком — «ъ» или вовсе никем не подписанные. Это были статьи Георгия Оппокова.

БЛИЖЕ К ЛЕНИНУ

Жорж в Питере. Студент государственно-экономического отделения юридического факультета университета. Но в аудиториях, на лекциях профессоров бывает гораздо реже, чем в депо или ремонтных мастерских Николаевской железной дороги. Сюда его послал городской партийный комитет районным организатором. Он создает тайные группы, так называемые тройки и пятерки, распространяет запрещенную литературу, ведет занятия. Очень скоро становится популярным среди рабочих-путейцев. Они с доверием и уважением относятся к молодому большевику Афанасию. Новая партийная кличка прижилась к нему и стала через некоторое время известной Владимиру Ильичу.

Георгий, конечно, хорошо знал о том, что Ленин, возвратившийся из эмиграции, находится здесь же, в Петербурге. Совсем недавно, в мае, совершенно открыто он выступал в Народном доме — бывшем дворце Паниной. Председатель собрания, правда, предоставил слово никому не ведомому Карпову. Но едва оратор поднялся на помост, многие рабочие радостно захлопали, узнали вождя.

Позднее Ленина слушали выборщики в переполненном зале Большого экономического общества. Он говорил об отношении большевиков к аграрному вопросу. В первом ряду сидел пристав, который так заслушался, что позабыл о своей обязанности блюсти порядок. Спохватился блюститель под конец речи. Вскочил со стула, закричал: «Запрещаю!.. Разойдись!» Ленин шутливо заметил: «По случаю свободы собрания, собрание закрывается». И ленинская шутка обрела крылья. Она облетела все заводы.

Казалось, самый воздух рабочего Питера от присутствия Ленина нес в себе могучий заряд, подобный электрическому, грозовому.

Георгий жаждал увидеть, услышать Владимира Ильи-ча, ловил подходящий случай. Несомненно, это желание — быть ближе к Ленину — подтолкнуло его выбрать для продолжения своего образования Петербургский университет. Три его старших брата учились в Москве. Стало быть, всего целесообразнее и ему податься туда же, за компанию. Отец с матерью на этом настаивали, братья усиленно звали. Однако перевесили не семейные, житейские, а идеальные соображения. Он последовал за своими партийными учителями и наставниками. Устремился в горнило первой русской революции, которая продолжалась, не затухала.

Кто же познакомил его с Лениным? Когда это произошло, при каких обстоятельствах? Сколько раз они виделись и о чем беседовали?

Елена Дмитриевна Стасова, секретарь Петербургского комитета той поры, припомнила Георгия, каким он явился к ней впервые на явку.

— Вшел, как испытанный конспиратор: спокойно, не торопливо и как-то неприметно, хотя сам высокий, сухопарый, так что, знаете, в каждом движении его ощущалась игра мускулатуры... Внешне очень приятный. Шатен, волосы ежиком, широкий лоб, глубокие карие глаза на скучастом лице. Типичный волгарь. Мне его рекомендовали Дубровинский и Мешковский как опытного пропагандиста, практика, боевика... Кажется, я и «перекрестила» Жоржа в Афанасия. Комитет послал его работать среди железнодорожников. Очень серьезный и важный участок! Железную дорогу из Петербурга в Москву Ленин и в первую революцию не упускал из виду. Часто спрашивал меня: кто там из большевиков; каким пользуется влиянием. Я рассказывала Владимиру Ильичу о делах Афанасия, который основательно теснил меньшевиков, эсеров... По-

том, как мне стало известно, Афанасий несколько раз побывал с питерскими активистами на даче «Ваза» у Владимира Ильича.

— А беседовал Афанасий с Лениным?

Елена Дмитриевна без раздумий твердо ответила:

— Надобно знать характер нашего Ильича. Смею вас заверить, он не упускал случая потолковать, выспросить каждого, кто появлялся на «Вазе». Особенно новичков. И Афанасий в этом смысле не был исключением.

Что это именно так, красноречиво подтверждает письмо, полученное Владимиром Ильичем несколько позднее, во вторую эмиграцию, уже в Париже. Писал ему один из членов ЦК, находившийся в Берлине: «Пятница сообщил мне, что в Москве работает Афанасий — это благо...»

Ясно, что Ленин хорошо знал и Афанасия — Ломова, и Пятницу — Пятницкого.

Ясно и другое. Работу Афанасия высоко ценили, им дорожили и считали необходимым сообщать из России о его работе конспиративными каналами, через кордоны, Ленину.

Пройдут годы. Георгий Ипполитович напишет книгу «В дни бури и натиска» — о стремительном и неудержимом развитии исторических событий, приведших к победе Октября и торжеству Советской власти. В этой книге автор очень скромно, но с законной гордостью упомянет о том, что он относится к редким счастливцам, которые виделись с Владимиром Ильичем «не раз и за время революции и в предреволюционное время»...

Вернемся, однако, в Петербург. Ломов в меру освоился на новоселье. А питерские партийцы вполне усвоили его неуемный нрав. Он кооптирован в исполнительную комиссию городского комитета. Введен в редакционную комиссию по составлению и редактированию прокламаций, печатаемых в нелегальных типографиях. Меткость его пера привлекла внимание большевистских публицистов Анатолия Васильевича Луначарского и Михаила Степановича

Ольминского — у них учится он быстро откликаться на злободневные темы. И нащупывает самостоятельную, свою тему: проблемы экономики России и некоторых европейских стран.

Его избирают представителем городской партийной организации при думской фракции. Тут он сближается с депутатом ивановских текстильщиков в Государственной думе большевиком Н. А. Жиделевым. Вот уже завязаны более крепко подпольные контакты с ивановцами. Георгий посыпает им с курсисткой Верой Каравайковой марксистскую литературу, потом сам едет к текстильщикам, пишет для них листовки, выступает в рабочих бараках.

Иваново послужило ему весьма наглядной школой классовой борьбы. Здесь бросалось в глаза обнаженное, без всяких фиговых листочеков, вопиющее различие в жизни буржуазии и пролетариата. Гораздо резче, откровенней, чем в Саратове, Петербурге, Москве, проступала, словно пятна нефти на поверхности воды, хищная погоня заводчиков и фабрикантов за прибылями. Они ничем не маскировали кабалу. Нагло и нещадно эксплуатировали рабочих.

Зеликсон-Бобровская до Иванова исколесила всю Россию, многое повидала, но признается: такого открытого невооруженному глазу, кричащего контраста между роскошью богачей и убогой забитостью пролетариев нигде не встречала. «Среди маленьких с подслеповатыми оконцами домиков, обладающих удивительной способностью вмещать по нескольку семейств, возвышался дворец фабриканта, а вокруг него — огромные корпуса, высоченные трубы фабрик, выстроенных и оборудованных согласно последнему слову науки и техники... Это бьющее в глаза противопоставление труда и капитала облегчило нашу работу в Иваново-Вознесенске. Здесь влияние большевиков было сильно, и сколько-нибудь серьезной борьбы ни с меньшевиками, ни с эсерами нам, большевикам, там вести не приходилось».

Три четверти всех листовок городского комитета социал-демократической партии писал Жорж. Но составить прокламацию или листовку — полдела. Где ее напечатать? Жорж помогает наладить нелегальную типографию сперва в одной из пригородных деревень, затем и в самом городе. Затесались в подполье провокаторы. Пошли повальные аресты. Жорж из Иванова исчезает. Он уже в Московской «окружке».

ВТОРАЯ ОБЩЕРОССИЙСКАЯ

Так что Саратов им забыт? Нисколько. Оппоков поддерживает, не обрывая своей дружбы с земляками. Он использует официальные студенческие каникулы и вообще любой благовидный повод, чтобы приехать к ним, поддержать подполье. И земляки в него верят — выставляют кандидатом от большевиков на Лондонский V съезд РСДРП.

Там, на съезде, Георгий надеялся поработать под руководством Владимира Ильича. Многие, кому довелось побывать на прошлых съездах, передавали Георгию, что предварительные совещания, беседы, полемика, составление и принятие резолюций, даже прогулки на досуге — все, происходившее с участием Ленина, превращалось в превосходный революционный университет.

Георгий включается в подготовку к съезду. Он распространяет и пропагандирует ленинские работы, каждую его статью. Ведет партийную жизнь организаций «по Ильичу», твердо отстаивает тактику и стратегию большевиков, с истинно «ленинской хваткой» яростно воюет со всеми проявлениями меньшевизма, соглашательства.

Давно уже за ним ведет охоту полиция. Сыщики сообщают в разные места о скором отъезде делегата саратовцев, посыпают его фотографии, описывают приметы. И принимают меры, чтобы сорвать эту поездку.

Сейчас, изучая документы жандармского управления в

«Деле царского преступника Георгия Ипполитовича Оппокова», приходишь к выводу: только из-за активного вмешательства тайной агентуры, которой удалось отправить в саратовскую тюрьму почти всех большевиков, на выборах прошла меньшевистская кандидатура. Жорж не был тогда в родных местах: скрывался от полиции в Москве.

Скрывался? Нет, работал. Его вояжи в Москву внешне выглядели весьма благовидно — соскучился по братьям, наведывается к ним. А на самом деле он часто с вокзала торопил извозчика в Лефортово — там уже ждали Афанасия. Или на Пресню — и тут его ждали, но под именем Андрей. Или в Замоскворечье к металлистам, которые звали его Петром. Он менял одежду, имена, отращивал усы или сбивал их, запутывал и обманывал жандармских ищеек. Но это не мешало рабочей Москве признать его своим в такой же мере, в какой его считали своим саратовцы, питерцы, ивановцы. Вскоре его избрали в число руководителей московской областной партийной организации, ввели в редакцию газеты «Борьба», послали делегатом на Вторую (Общероссийскую) конференцию РСДРП.

До того как уехать, Жорж передал товарищам свои связи по Лефортовскому району. Было что передать. Работали марксистские кружки. Большевистское влияние, несмотря на усилия реакции, не затухало на предприятиях. Помогал Георгию его школьный друг Володя Вегер. Они привлекли в число пропагандистов юного Владимира Маяковского. Позже поэт в автобиографии с гордостью отметит: «Вступил в партию РСДРП (большевиков). Держал экзамен в торгово-промышленном подрайоне. Выдержал. Пропагандист. Пошел к булочникам, потом к сапожникам и, наконец, к типографщикам». Имеются достоверные сведения о том, что Владимир Вегер вместе со своим тезкой-поэтом пытались наладить подпольную типографию. К сожалению, это не удалось. Осведомитель выдал их жандармерии. Оба были арестованы и долгое время

находились в арестных домах, в Таганской и Бутырской тюрьмах.

В книге мемуаров Виктора Шкловского «Жили-были» есть глава, посвященная Владимиру Владимировичу Маяковскому. В ней меня привлекли такие строки:

«Поэт был тих, грустен, ироничен, спокоен. Он был уверен, он знал, что революция произойдет быстро. Он относился к окружающему так, как относятся к исчезающему. Так Чернышевский относился к людям, которые тогда спорили с революцией. Он знал, что они исторически не могут уступить революции и погибнут. Они не только страшны, но они и жалки.

Маяковский был юношой, воспитанным революцией 1905 года, он хорошо знал тогдашнюю литературу революции — Ленина, Маркса, Бебеля. Знал и чтил Чернышевского. С неожиданной точностью помнил и любил русскую классическую литературу, и прежде всего Блока, Пушкина. Но больше всего он любил «сегодня» для «завтра».

Ломов не был тих и только изредка бывал грустен. Ирония ему присуща в меньшей мере, чем добродушный юмор. Безусловно, он никогда не оставался спокойным — находился в постоянном напряжении, как провод под током или скрипичная струна под смычком. Он обладал характером воина. Никакой склонности к созерцанию, кропотливой и дотошной лепке образов, метафор. Его вдохновение — сама борьба. Он жил, дышал воздухом революции. И тут начинается несомненное сходство двух личностей: поэта и воина.

Ломов тоже относился к окружающему его буржуазному миру, как относятся к исчезающему. Пример его великого земляка Чернышевского служил ему верной тропкой с отроческих лет. Незачем искать дальнейшей аналогии в подробностях. Конечно, он знал тогдашнюю литературу революции, глубоко изучал Маркса и Энгельса, Плеханова и Ленина. Вникал в существо марксистской теории не только для познания истины, но прежде всего ради приоб-

ретения пристрелянного, надежного оружия, необходимого ему в классовых битвах.

Ему была не чужда и художественная литература. Знал и любил Пушкина, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина, Герцена, Льва Толстого, читал наизусть почти всего Некрасова и часто декламировал среди друзей, как он выражался, «своего родного поэта». Самое примечательное в том, что он также любил «сегодня» для «завтра». Старался изо всех сил ускорить бег времени, приблизить грядущее. Пусть даже ценой собственной жизни. Такими были бойцы ленинской гвардии.

...Конференция строго законспирирована. Ее проводили в Финляндии, в городе Котка. Не осталось ни протоколов, ни записей о ней. Но известно, что там был Ленин. Еще три дня с Лениным провел Георгий.

— Только три дня! — говорил неудовлетворенно Ломов.

Черная реакция свирепеет. Петербург и Москву охватывает массовая эпидемия облав и арестов. Жандармам удается обескровить Петербургский партийный комитет.

Георгий чудом избежал ареста. Он все еще держится, работает в подполье. Его избирают в состав нового городского комитета, выдвигают секретарем ПК. Особенно энергично и самоотверженно помогает Георгию однокашник по университету, такой же, как и он, молодой и пылкий большевик, Григорий Усиевич. Вдвоем они целыми днями носятся по районам, сколачивают разбитые и рассеянные охранкой организации, привлекают новых людей, зовут на продолжение борьбы. Ночью, занавесив окно в крохотной комнатке на Васильевском острове, подолгу просиживают за составлением листовок, обсуждают самое насущное на завтрашний день.

Но вот и Усиевич арестован, сослан. Через некоторое время Ломов узнает, что его другу все-таки удалось бежать из ссылки.

ПРОВАЛ

Жоржу не верилось, что он надолго сел в тюрьму. Ведь ничего в руках полиции нет, к чему можно серьезно придраться. Никаких оснований стряпать судебное дело.

Правда, он много лет под негласным надзором. За ним гоняются шпики. Его почту вскрывают. Внезапно устраивают обыски. Подсыпают провокаторов. Но плоды их черного труда ничтожны. Последний обыск, проведенный с неделю назад, 26 июня 1910 года, ротмистром Заловиным и околоточным надзирателем Серебряковым с несколькими понятыми, «ничего предосудительного не обнаружил» за исключением письма студента Федотова... Разве чье-то письмо — повод для ареста?

Георгий дословно помнит, что писал ему его тезка, земляк и однокашник по Петербургскому университету. «Жорж! Не могу съездить к вам в Пристанное, все что-то нездоровится. Получил я как-то открытку от Герасимова и вспомнил, что он хотел с вами переписываться... Да, еще, ради бога, что мне делать с посылкой, которую привез. Хозяин не находится. Не найдете ли вы? Напишите мне по городской почте: Константиновская, 114. Тезка».

Неосторожно и опрометчиво поступил Георгий Федотов. Мог обойтись без письма. Если уж написал, то надо бы не так прозрачно. И к чему намеки на посылку, у которой «хозяина не находится»? Себя мог подвести и его...

Жорж еще не знал, что жандармы одновременно нагрянули и в Пристанное, и на дачу Федотовых. Там обнаружили привезенную из Петербурга подпольную литературу. Около семидесяти брошюр Маркса, Энгельса, Ленина. Солидную пачку листовок и возваний. Двадцать две свежие газеты «Социал-демократ» и несколько экземпляров «Пролетария». Ко всему в придачу... матрикул Георгия Ипполитовича Оппокова.

Матрикул — зачетная книжка с указанием предметов, сдаваемых студентом. Практически она служила удосто-

верением личности. Отдал ее Жорж своему тезке не-спроста.

Так сложились обстоятельства, что сам Федотов остался без документа. Если бы даже у него оказался свой матрикул, все равно не смог бы он воспользоваться им и кому-либо предъявить: он числился выбывшим из России в Швецию.

Незадолго до этих событий к Георгию Оппокову, секретарю столичного комитета партии, неожиданно пришел на явку член ЦК Виктор Павлович Ногин.

— Здравствуйте, Жорж! Не ждали?

— Рад-радешенек вас видеть, Макар. В Питере повальные аресты. Люди нужны до зарезу. Совсем недавно вырвала охранка Гришу Усиевича — вы его знаете, мой университетский товарищ. Вместе учились на одном факультете, работали вместе, в одной комнате жили. Кто-то предал, выдал. А кто? Не удается схватить за руку затесавшегося к нам провокатора. Впрочем, сейчас их много — провокаторов и шпионов.

— А суд был? — поинтересовался Ногин.

— Бессрочная ссылка к черту на рога. В самый заброшенный таежный угол Енисейской губернии. Село Тинское на реке Чуне. Сотни верст до ближайшей железной дороги... Счастье, что ему помогли бежать. Добрался извилистыми путями до Питера. Тут мы помогли ему перекинуть за кордон. Сейчас он, наверное, с Лениным, завидую ему. Мне кажется, прошло десятилетие с конференции в Котке...

— Тянет, правда? Мне довелось быть с Лениным и в девятьсот первом в Мюнхене, и в девятьсот третьем в Женеве, и там же в девятьсот пятом, и на V съезде в Лондоне, и следом в Котке... А притяжение к нему мощней земного. И всякий раз после беседы стремлюсь получить от него задание — и скорее на родину, в Россию. Ведь ее судьба — наша судьба...

Виктор Павлович припомнил, как в Лондоне после

съезда Владимир Ильич спросил его и Дубровинского: «Где думаете работать, товарищи члены ЦК? Здесь или в России?» Оба ответили, будто заранее сговорившись: «Дома, Владимир Ильич!» — «Другого ответа и не ждал,— признался Ленин.— Эмигрантов даже многовато, а дома вы нужнее нужного».

Ломов вопросительно взглянул на Ногина.

— Если не ошибаюсь, вы мне в Финляндии, наоборот, говорили, что Ленин задержал вас в Лондоне.

— Совершенно верно,— подтвердил Виктор Павлович.— Задержал. На целых две недели. Заставил написать статью «О нейтральности и партийности профессиональных союзов». Она была опубликована позднее в сборнике «Итоги Лондонского съезда»... Позвольте, так вы же должны об этом знать. На нашей третьей конференции в Финляндии я докладывал на ту же тему.

— Как не знать,— сказал Ломов.— Владимир Ильич и Дзержинский горячо поддержали вас. Через месяц в Штутгарте международный социалистический конгресс вынес солидарное решение о необходимости идейного руководства профессиональными союзами.

— И в октябре того же седьмого года,— добавил Ногин,— на Петербургской партконференции Ленин уже ратовал за гораздо большее: нам, большевикам, необходимо работать в эпоху реакции во всех организациях — от Государственной думы до рабочих кооперативов. А вы, кажется, Георгий Ипполитович, сомневались в правоте этой установки? — Виктор Павлович осторожно коснулся «болевой точки» собеседника.

— Что было, то было,— признался Ломов.— Это Анатолий Васильевич увлек, втянул меня в группу «впередовцев». Мне казалось, их устами глаголет истина. Не сразу выпутался из философских сетей Маха и Авенариуса.

— Выпутились? И на том спасибо! Теперь вам ясно, что мы совершили бы грубую ошибку, если бы пренебрегли

трибуной даже реакционной думы? Трибуной, с которой нам можно разоблачать реакционеров и черносотенцев. Да и философия Маха и Авенариуса, с туманными вариантами богоискателя Луначарского — не к лицу подлинному марксисту.

— Наши мозги прояснил «Материализм и эмпириокритицизм». Мы его с Гришой Усиевичем по ночам читали, обсуждали каждый раздел по несколько раз.— Георгий Ипполитович достал из тайника в стене книгу, показал Ногину. Тот полистал, увидел на ее страницах явные признаки серьезной работы: подчеркивание отдельных абзацев, заметки на полях, восклицательные знаки в тех местах, которые при чтении учениками Ленина были признаны особенно важными.

— Скажу об этом Владимиру Ильичу. Знаю, порадуетсѧ,— Виктор Павлович спохватился.— Да, я вам не сказал главного. Ведь я тоже в бегах. К вам добрался без особых приключений из Березова Тобольской губернии. Того самого Березова, где два века назад завершилась карьера могущественного временщика Меншикова... За мной сейчас гоняются жандармы по всей России. Помогите тайно выбраться за границу.

— А я-то думал, прибыло в Питер основательное подкрепление. Ведь и за мной охотятся,— не скрывая своего разочарования, Ломов взял у гостя книгу, водворил ее обратно в тайник.— Так что же от меня требуется?

— Постарайтесь найти двойника по внешности,— просит Виктор Павлович,— а то, знаете, на границе тщательная проверка.

— Кто же на вас похож? — размышляет Жорж и радостно хлопает себя по лбу.— Вспомнил, мой тезка, Георгий Федотов!

— Может, он, как и я, мещанин из Калязина? — спрашивает Ногин.

— Нет, он дворянин из Саратова.

— Тем лучше, буду, как в пьесе Мольера, мещанином во дворянстве.

Ломову удалось убедить своего тезку, и тот, выпрашивив себе заграничный паспорт, отдал его Виктору Павловичу. Взамен Георгий отдает Федотову свой матрикул. Дескать, заберет его после того, как можно будет заявить о потере заграничного паспорта и вытребовать новый.

Отправка Ногина прошла благополучно. Он отбыл по Финляндской железной дороге к пограничной станции Белоостров. А Георгий, скрываясь от провокаторов — только на Обуховском, Семянниковском и Кабельном заводах, оказывается, «работало» шестнадцать осведомителей,— вскоре направляется в Москву. Там он в составе МК и его литературной группы. Там его ждут заводчане-большевики многих районов.

С Николаевского вокзала Жорж на извозчике едет к старшему брату. Не успевает сойти с пролетки, рас считаться, как в окне комнаты Виктора, подняв глаза, заметил фигуры полицейских.

— Гони живей, обратно на вокзал!

— Шутить изволите?

Георгию не до шуток. В городе ему оставаться нельзя. А где можно? Куда направить свои стопы? Вспомнил вдруг, что как раз в этот день начались студенческие каникулы. Благовидный повод податься к родителям в Саратов! С полдороги по телеграфу шифром дает знать Федотову: пусть из Питера захватит с собой очередной транспорт марксистской литературы вместе со свежими газетами и привезет домой.

Все шло как будто гладко, без сучка и задоринки. В Саратове быстро нашлись старые знакомые. Организация, несмотря на жестокие преследования и большие потери, жива, не прекратила борьбы. Существуют и подпольные марксистские кружки. А вот с литературой для них ощущается настоящая нехватка. «Скоро мы этот голод утолим», — надеется Жорж. Федотов доставил существенное пополнение для тайной библиотеки.

...Неосторожное письмо. Провал. Тюрьма.

АУДИЕНЦИЯ У МИНИСТРА

Тюремная одиночка. Четыре толстенные стены. Слепованное оконце под потолком с массивной ржавой решеткой. Железная дверь на запоре. В коридоре охранники. Круглые сутки их недреманное око начеку.

Но сквозь стены и решетки проникали к узникам необходимые сведения. Устанавливалась связь с волей. Георгию удается выяснить, что его тезка не дался в руки жандармов. Когда они явились за ним, он выпрыгнул в окно и исчез в неизвестном направлении.

Эта весть обрадовала и приободрила Георгия. Значит, еще не все потеряно. На вопросы следователя он отвечает: «Литература, отобранная у Федотова (о чем я узнал на допросе), не имеет ко мне никакого отношения... Свой матрикул я оставил Федотову в Петербурге для канцелярских справок в университете».

Георгий настаивает на немедленном освобождении.

— К сожалению, это не в моей власти,— отвечает начальник тюрьмы.— Вы числитесь содержанием за его сиятельством господином саратовским губернатором.

Георгий чувствует неладное. Губернатор не станет «числить за собой» ординарного правонарушителя. Все же заключенный посыпает «его сиятельству» прошение.

«...Прослушав курс юридического факультета и намереваясь в этом учебном году сдавать государственные экзамены, я приехал на каникулы домой, после того как сдал четыре важных экзамена весною (Догмы римского права, Русское гражданское право, Государственное право и Историю русского права). Поселившись на даче своего отца, я безвыездно проживал там; в Саратов я приезжал несколько раз за покупками и днем возвращался домой; ночевал в Саратове всего два-три раза... Не найдете ли вы, ваше сиятельство, возможным освободить меня из тюрьмы под присмотр моего отца или же под гласный или негласный надзор полиции».

Подумав немного, Георгий прибавляет в заключение две строки, которые губернатор вполне мог принять за издевательство над ним, а заодно и над всем самодержавным строем. «По выходе из тюрьмы,— заверяет студент,— я постараюсь доказать своей деятельностью, что и я, как и все члены нашей семьи, могу быть полезным для России».

Ответа на прошение не последовало. Тогда на помощь сыну поспешил отец. Он уже не управляющий отделением государственного банка. Он на частной службе. Все же в немалой должности — директор Азово-Донского коммерческого банка, принадлежащего группе влиятельных поволжских финансовых тузов. С ним по-прежнему считаются в деловом мире, что не является секретом для столичных властей.

В то же время отец по отношению к своим детям ни в чем не переменился. Готов ради них на все. Не спрашивая сына, не ожидая просьбы с его стороны, по собственному разумению решает вырвать своего любимца из тюрьмы.

Ипполит Захарович бросает банковские дела, едет в Петербург, добивается личного свидания с царским министром внутренних дел. Конечно, помогли рекомендательные письма влиятельных дельцов.

Аудиенция состоялась. Министр читает вслух прошение:

«Хотя не имею никаких указаний на деятельность моего сына, но сомневаться в правоте и основательности возводимых на него обвинений я не смею.

Я обращаюсь к милости и человеколюбию вашего пре-восходительства и почтительно прошу принять во внимание следующие обстоятельства: 1. Сын мой окончил гимназию и поступил в университет в то недобroe время, когда все условия способствовали к тому, чтобы сбивать с толку молодых людей. Возьмет ли он газету, раскроет ли он какую-нибудь брошюру, пойдет в земское собрание, суд, театр,— везде он встречал самую злостную критику существующих порядков и страстный призыв к борьбе с

ними. 2. В последние два года сын мой стал несравненно благоразумнее, он усердно в эти годы занимался науками и успешно сдал много экзаменов, думаю, что в это время у него не могло оставаться свободного времени для революционной деятельности. В настоящее время ему остается сдать только два экзамена и затем государственный до окончания курса. 3. Сын с конца июля в Саратове в одиночной камере сидит уже два с половиной месяца. Не достаточно ли этого?..»

Министр не выдержал. Прекратил чтение. Побагровел от злости.

— Не достаточно... Совсем не достаточно! — визгливо и нервно произнес он и стал выкладывать отцу: — Почтеннейший Ипполит Захарович! Да знаете ли, кого вы вскоромили и взрастили отечеству в подарок?!

Его превосходительство предусмотрительно заранее ознакомился с «Делом государственного преступника Георгия Оппокова». Шеф столичных жандармов доложил ему о том, какой видный деятель социал-демократической партии выдавал себя то за Жоржа, то за Ломова, то за Афанасия, то за Петра, то за Андрея, то за Георгиева. Опасный для государства человек. Сеет мятежи, призывает рабочих к захвату власти. Университетские занятия ни на йоту не умерили его революционного рвения.

— Вам было сделано несколько предупреждений саратовскими губернаторами Столыпиным и Татищевым. Поймите, неразумно твердить об отцовской любви, когда на своей груди пригреваешь змею, способную смертельно ужалить...

Министр счел уместным перечислить отцу «выбранные места» из досье о Георгии. Еще на школьной скамье, не окончив гимназии, становится членом Саратовского комитета РСДРП. Гимназист совращает своих одноклассников, всю гимназию, и не только ту, в которой сам учится, но и другие, всю городскую молодежь. Пропагандирует бредовые идеи о свободе, равенстве и братстве.

Якобинец! Мечтает о Парижской коммуне в русском варианте.

— Скажете, Ипполит Захарович, «мальчишество», «зачитался брошюрками», как вы изволили выразиться в своем прошении? Однако перейдем к зрелости вашего сына...

В досье петербургский период выглядит еще ярче. Студент первого курса начинает знакомиться с достопримечательностями столицы. С чего бы вы думали? С Николаевской железной дороги. Организует запрещенные тайные группы рабочих. Входит в исполнительную и редакционную комиссии городского комитета большевиков. Составляет и редактирует прокламации, печатаемые в подпольной типографии. Вскоре он настолько популярен в рабочей среде, что его избирают своим представителем при думской фракции...

— Каково, Ипполит Захарович? Не правда ли, забавно!.. И Саратов им не заброшен.

Министр извлекает из досье агентурные сведения о контактах Георгия с опальными земляками. Частые наезды якобы для того, чтобы повидаться с родными, на самом деле предпринимаются для подогрева бунтовщиков по всей Саратовской губернии. В награду большевики выставляют его кандидатом в делегаты Лондонского съезда РСДРП.

— Не ездил Жорж в Лондон,— вырвалось у отца.

— Совершенно верно, не ездил. Ему помешало быть на съезде непредвиденное обстоятельство. Скрывался от полиции в Москве. А в Саратове значительную часть большевиков полиция упрятала в тюрьму. Их кандидатура не собрала нужного числа голосов, поехал меньшевистский делегат... Зато позже он принимает участие в Общероссийской конференции в Финляндии. А через год его обнаруживают в Москве, в городском комитете большевиков.

Пауза. Обоюдное молчание. Министр продолжает:

— Как метеор на небосклоне, ваш сын, Ипполит Захарович, появляется и исчезает из многих городов. Он путешествует, заметьте, в учебное время. Если бы увлекался учением, зачем, спрашивается, к нему посыпать шифрованные письма, исполненные тайнописью? — Хитрюга-царедворец, уверенный, что ответа не последует, уточняет: — Письма под видом деловых бумаг. В ваш, Ипполит Захарович, адрес. Не на квартиру, не в порядке частной переписки, а в саратовский банк. Потом в Азово-Донской. Последнее такое послание было вами получено, с вашего поздравления напомни дату, в мае нынешнего года, всего за месяц до ареста сына. — И министр показывает своему посетителю перлюстрированный текст письма. — Узнаете?.. Простите меня за неуместный вопрос, — галантно приносит свои извинения хозяин кабинета. — Вам не к лицу читать чужие, даже сыновьи письма. А в жандармском управлении не постеснялись, прочли. Давайте и мы с вами согрешиим, почитаем...

Но в кабинете слышен только министерский голос:

— «Георгий! Живу одна и ничего не делаю. О вас здесь скучают и часто вспоминают. Погода отвратительная — холода, как поздней осенью, стоят. Солнце редко показывается на несколько минут, некоторые ходят в зимнем. Нет совсем настроения писать, а потому выходит так глупо, непоследовательно и нелогично. Шлю вам сердечный привет и жду более подробного письма. Вера».

Закончив чтение письма, министр отпускает едкое замечание Ипполиту Захаровичу:

— Зря вмешиваемся в интимные дела двух любящих сердец? Георгий и Вера. Ему двадцать два, а ей и того меньше. Тоскуют в разлуке. Погода, насколько мне помнится, была не такой уж плохой в мае. А что это между строк? Какими-то бесцветными химическими чернилами? — И министр опять монотонно читает: — «Не знаю, почему за границей вообразили, что связи утеряны. Я получила от них деньги для Степана и передала их ему.

Здесь все то же, что было при вас. Сильнейший недостаток в интеллигентах и отсутствие денег. На конференцию, вероятно, пройдете вы. В Москве сели цекисты. На границе тоже провалы, так что не скоро будет литература. Московский район вынес... дезорганизующую резолюцию — не признает существования ПК и обращается к Государственной думе (фракции) для созыва нового ПК. Отсутствие литературной группы, так что до сих пор не выпускаем финляндского листка. Евгений начал читать в кружках на Васильевском острове. На Выборгской Н. С. читает исторический материализм. Секретарем ЦК выбран Анатолий. Пока это все новости. Привет вам от товарищем». — Странно, ни слова о любви. И о погоде. — Голос министра приобретает жесткость. — Георгию отчитываются и шлют приветы подпольные товарищи. Его держат в курсе. У него спрашивают советов... Не хотите ли, Ипполит Захарович, полюбопытствовать, кто такая Вера? Могу сказать. Ее арестовали первого марта 1909 года в психоневрологическом институте вместе с другими членами Петербургского комитета социал-демократов. Но ей удалось выйти под залог в пятьсот рублей. Вышла и скрылась. Не то бы вместе со своими дружками отправилась на вечную ссылку в Сибирь. Да и Георгию не миновать... — Взглянув на отца, а может, припомнив письма его ходатаев, министр чуть подобрел: — Доложу вашу просьбу его величеству... Вам будет сообщена монаршая воля... — И кивком головы дал понять — затянувшаяся аудиенция окончена.

Когда отяжелевший, будто с грузом на плечах медленно поднялся с кресла Ипполит Захарович, встал и министр. Протянул руку и даже проводил почтенного банковского деятеля до двери.

ОБАЯНИЕ МАСТЕРОВОГО

Так сложились обстоятельства — он не смог осуществить свои стремления, не виделся с Лениным почти десять лет. За это время он испытал заточение в одиночке саратовской тюрьмы и в тусклой камере Таганского острога в Москве, был три года ссыльным в Архангельской губернии и около полутора лет — на Качуге, в Сибири.

Десять лет. Мы окидываем беглым взглядом их бурное и грозное течение. Для многих молодых людей возраста Георгия время промелькнуло, промчалось так, что и оглянуться не успели. У Ломова эти годы проходили изо дня в день в непрерывном бою, в непрекращающемся, постоянном штурме той неприступной крепости, которую ленинцы решили взять во что бы то ни стало.

«Секретно. М. В. Д. Архангельский полицеймейстер. Ноября 27 дня 1910 г. № 695.

Его Превосходительству Архангельскому Губернатору.

РАПОРТ

При сем представляю Вашему Превосходительству пакет Саратовского Губернского Тюремного Инспектора за № 14665 и доношу, что доставленный 26 сего Ноября в сопровождении Помощника Пристава Саратовской Городской Полиции Богородицкого, дворянин Георгий Ипполитович Оппоков 26 сего Ноября освобожден из временной пересыльной тюрьмы и временно остановился на жительство в 1-й части в Троицкой гостинице. Гласный надзор полиции за ним учрежден.

Полицеймейстер капитан Киреевский».

...Гостиничный номер. Поворот ключа. Чемодан брошен под кровать. Как был, в черной шубе с каракулевым воротником и такой же шапке, Георгий взглянул на себя

в зеркальную створку шкафа. Несколько месяцев тюремной одиночки. Первой в жизни. А изменили его до неизнаваемости. Похудел. Стал усатым и бородатым. Глаза ввали, под ними синяки.

Хотелось сбросить одежду и — в чистую постель. После грязного тюремного соломенного матраца и целой недели утомительной поездки из Саратова в Архангельск, с пересадками, под неусыпным присмотром двух сопровождающих — помощника пристава и полицейского, в этом затхлом номере ему показалось свободно и уютно. Мучительно клонило ко сну. Но он пересилил и сон, и невероятное утомление. Не стал бриться, переодеваться, тут же выскочил на улицу. Пошел куда глаза глядят. Не стал озираться и без того знал — строгий гласный надзор. Миновал несколько улиц, покрытых булыжником, очищенных от снега. Свернул на немощеную. Про себя отметил: тут не по-саратовски — куда ближе к окраине. Все в снегу. А снег искрится, сверкает, зажженный солнцем. Мороз трескучий, злой. Безлюдно.

Первый встреченный им человек на узком и скользком дощатом тротуаре оказался рослым мужчиной в дохе, на вид немного старше Георгия. В правой руке, спрятанной в меховую рукавицу, была зажата ручка докторского саквояжа. Георгий извинился за беспокойство. Отрекомендовался — студент Петербургского университета, просит подсказать, как пройти к губернскому правлению.

— Позвольте узнать, зачем к нам пожаловали? Не в ссылку ли?

— Угадали! — Георгий рассмеялся. Наметан глаз у местных жителей. Постарался не уступить в сметливости.

— А вы доктор. Идете от пациента.

— Откуда знаете?

— Саквояж выдал. У моего старшего брата Виктора, врача, точно такой же. А что не к больному, а от него, сужу по неторопливой походке.

— Все верно. Нас три брата, и все врачи.

— А нас четверо братьев и, как в «Квартете» Крылова, в отношении специальности полный разнобой. Потянулись к разным наукам.

— А воз истории так же, как в другой крыловской басне о лебеде, раке и щуке, в разные стороны тянете?

— Нет. Кажется, в одну. Но я коренник, хотя и младший по возрасту. А они вроде пристяжных.

— Давайте знакомиться,— предложил врач и протянул руку.— Я вашему старшему брату тезка в квадрате — и по профессии, и по имени. Виктор Александрович Гром...

Выяснив, что Георгий только прибыл, посоветовал:

— Возвращайтесь в гостиницу, приводите себя в порядок и являйтесь к губернатору с прошением оставить в городе хотя бы на короткий срок. Найдите уважительную причину, основательный повод.

— Повод?..

Георгий еще в тюрьме замышлял побег. Ему очень хотелось попасть за границу. В Швейцарию или Францию, к Ленину. Преследуемый полицией брат Евгений сумел избежать арестов и тюрем, благополучно уехал доучиваться в технологическом институте города Граца, в Австрии. Сумел сбежать, скрылся, а может, уже за границей и Федотов. Отец, прощаясь с Георгием, сказал, что подал от его имени просьбу о замене ссылки высылкой за рубеж, чтоб закончить образование.

Вот об этом откровенно поведал Ломов своему архангельскому знакомцу. Спросил:

— Как полагаете, достаточная причина, уважительный повод — такое прошение?

— Прибавьте болезнь. Необходимость лечения у врачей. К нам за помощью со всей губернии добираются. А губерния самая большая в России. В ней свободно можно разместить три европейских государства. Могут и вас услать за тридевять земель — в бездорожье, тундру... В ней легко упрятать всех русских революционеров и так, чтобы один с другим никогда не встретились...

Георгий повернул обратно к гостинице. Теперь врач был его попутчиком. Вдвоем дошли по Петербургскому проспекту до дома с мезонином.

— Запомните дорогу,— Виктор Александрович привлек к себе в гости, пообещал помочь при надобности.— Так вот, если угодно, сразу от губернатора милости прошу к нашему шалашу... Но непременно сбрейте бороду и бакенбарды. Усы для солидности, если хотите, оставьте. Вам сколько лет?

— Двадцать два.

— А смотритесь, как монах перед постригом. Не гордитесь. Вам надо понравиться губернатору... Да и жена у меня молодая и красивая. В таком виде вам нельзя показываться ей...

Посмеялись. Георгий молодо, быстрым шагом отправился выполнять добрые советы врача. И они помогли, пусть временно, остаться в городе, развернуть подпольную партийную работу на местных лесозаводах и среди ссыльных. Дружба с братьями Гром дала возможность в доме одного из них устроить подпольную типографию. У другого — явочную квартиру, где Георгий встречался с местными большевиками лесопильных заводов, мукомолами, крабелами, моряками...

По подсказке братьев Гром Георгий Ипполитович вступил в Общество по изучению Севера и вызвался участвовать в двух научных экспедициях.

Экспедиции той поры! Рискованные и опасные. Еще не было радио и воздушного сообщения. От каждого участника требовалось кроме мужества, отваги, физической силы владение разносторонними знаниями. Несколько месяцев в океане без связи с Большой землей, оторванные от нее. А тут еще оказалось, в состав отряда нельзя включить врача. Как быть? Его обязанности взял на себя Ломов. Специально прошел краткие медицинские курсы на дому. И преподавали в них бесплатно, по собственной инициативе доброхоты братья Гром. Их поддержка

и помочь политическим ссыльным весьма существенна. При этом они рисковали не только своим, но и семейным благополучием.

А кто сумел убедить этих и других местных интеллигентов, не принадлежавших к какой-либо партии, стоявших будто в стороне от всякой политики, идти на риск, содействовать подполью, помогать ссыльным большевикам? Наверное, тот же Ломов. Наступит час, и его умение привлекать на свою сторону специалистов, ученых Ленин обратит на пользу молодой рабоче-крестьянской власти. Владимир Ильич ценил тех, кто контактировал со спецами, пользовался в их среде доверием, уважением, авторитетом.

Берясь за что-либо, Георгий Ипполитович не умел работать с прохладцей, спустя рукава. Подтверждением тому может служить опять-таки одна из экспедиций. Ее учредитель — Общество по изучению Севера — не имел достаточных средств на покупку необходимого оборудования, приборов. Правительство в денежной ссуде отказалось. Тогда Ломов предложил провести платный концерт силами поселенцев в пользу экспедиции. Концерт привлек немало участников. Подготовка программы превратилась в организацию самодеятельных художественных кружков. На концерте Георгий впервые и единственный раз выступал со сцены с сольным номером. Приятным и сочным баритоном он исполнил перед публикой арию варяжского гостя из оперы Римского-Корсакова «Садко».

В научных экспедициях Ломов занимался обследованием Новой Земли, побывал в поселке Ольгинском, исходил вдоль и поперек Крестовую Губу. Установил на ней, с двумя другими участниками отряда, первую метеостанцию. Были также проведены очень ценные геологические, ботанические и гидрологические наблюдения.

Одной из основных целей экспедиций являлось выявление возможностей колонизации канинской и тиманской тундр, путей развития в них промыслов. Ломова очаровала

красота, неповторимое своеобразие тундры. Какое горькое заблуждение, будто она — болото, топь, район вечной мерзлоты и безлюдья, который не может быть полезен людям. На самом деле тундра не только своеобразна, но и разнообразна. Ее просторы грешно называть районом. Это по размерам целая страна. Страна чудес.

Георгий собрал обширную коллекцию тундровой флоры. Его изумило богатство края пушным зверем, рыбой. Придет время, и он будет энергично ратовать за то, чтобы промышленно осваивать тундру. «Вот задача,— говорил он,— к решению которой царизм и не приступал. А Советская власть может и должна ее решить».

Отправляясь на неведомую Новую Землю через тундру, Жорж взял на себя еще одну негласную нагрузку, партийную: завязать дружбу с местным населением — ненцами. Объяснить им, кто такие большевики, что принесет им революция, которая не за горами.

Ненцы называли оскорбительно самоедами. С ними обычно встречались только скупщики и спекулянты, спаивали их спиртом, обманывали, забирали за бесценок всю добычу охотников и рыболовов. Среди ненцев свирепствовали цинга и другие болезни, смертность была очень высокой. Эту маленькую и беспомощную народность, как и другие национальные меньшинства, власти нещадно угнетали. Не зря царскую Россию считали тюрьмой народов.

Под влиянием Георгия Ипполитовича сюда согласились переселиться несколько крестьянских семей из Шенкурского уезда. Во всяком случае, известно, что среди друзей, которых Ломов там приобрел, были Яков Зыков, Сметанин, Усов, ненецкий самоучка-художник Тыко Вылко.

Его захватили, увлекли путешествия. Но по-прежнему оставалась основной профессия революционера — с нею он никогда не расставался.

Несколько раз за годы ссылки он рвался за рубеж, к Ленину. Попытки совершить побег оказались неудачными.

Найдены архивные документы, подтверждающие, что пробиться через кордон он пытался даже с помощью... архангельского губернатора. Завоевав удачными экспедициями доверие этого сановника, он подает ему прошение о разрешении закончить за границей высшее образование. Губернатор посыпает в Петербург официальную бумагу со своим заключением: «Г. И. Оппоков... поведения хорошего». Но и сановным ходатаем в столице пренебрегли.

В годы ссылки Ломова (1911—1913) в Архангельской губернии заметно оживилась большевистская агитация и пропаганда. На многих заводах возникли марксистские кружки. Через железнодорожников стали поступать свежие подпольные газеты, литература. К Георгию добирались мать, брат Николай, сестра Валя. С их помощью он установил «челночную связь» с подпольем Саратова, Москвы, Петербурга. А после возвращения из ссылки не терял связи с архангельскими большевиками. Сам же он этой поре в автобиографии уделил всего несколько строк: «...работа среди рабочих лесопильных заводов и ссыльных. Листовки. Кружки. Во время ссылки я начал с большим увлечением заниматься полярными исследованиями... изъездил Северный ледовитый океан и все тундры — на оленях, собаках, лошадях и пешком. До сих пор в результате этой работы на Севере у меня сохранилась большая любовь к приполярным областям и океанам».

А у архангельских рабочих и местных большевиков на многие годы сохранилась живая память о деятельном, энергичном, зовущем к революции ленинце. Прекрасное подтверждение тому мне было недавно прислано аспиранткой Александрой Петровной Тюкиной из Архангельска. «Занимаясь изучением деятельности выдающихся врачей Архангельска в дореволюционный период и в годы Советской власти,— пишет она в своем письме,— среди таковых я встретила трех врачей — братьев Гром. Стала очевидной

и помочь, оказанная ими многим ссыльным, среди которых наиболее видное место занимал Георгий Ипполитович Оппоков-Ломов. В нашем областном архиве хранится газета «Известия» Архангельского Совета рабочих и солдатских депутатов № 128 от 25 октября 1917 года. На первой ее странице крупными буквами напечатано: «Георгий Ипполитович Оппоков-Ломов (журналист) выставляется кандидатом в Учредительное собрание от Архангельского Комитета Российской С.-Дем. Партии большевиков». Вскоре стали известны и результаты выборов. Большинство архангельских трудящихся отдали свои голоса большевистскому кандидату.

К нему тянулись рабочие — он был их любимцем. К нему тянулись ученые — он привлекал их преданностью своему делу — революции, искренней верой в ее правоту и победу. И личным обаянием. Он был обаятельным человеком. Юрий Олеша прекрасно растолковал суть этого драгоценного свойства человеческой натуры. «Есть обаятельные люди. Есть люди без обаяния, вполне хорошие, умные, образованные, честные, приветливые, но лишенные дара привлекать сердца. Есть люди, с которыми не хочется возвращаться домой из гостей; люди, от которых хочется отделаться. Но я убежден, что у каждого человека — даже ничем не примечательного, обыкновенного человека — есть сфера деятельности, где он становится обаятельным. Я заметил, что обаятельными становятся люди при исполнении работы, то есть тогда, когда они совершают движения, из которых каждое необходимо и полезно».

У Ломова обаяние — природный дар. Он упивался работой. Он был одержим, очарован ею. Он не просто работал, а творил революцию. Да, это был величайший творческий процесс.

А Ленин, знал ли обо всем, что изложено выше? Как только были выброшены иностранные оккупанты с нашего Севера, первым посланцем Владимира Ильича в Архангельск — наверное, не случайно — оказался Ломов. У него

чрезвычайные полномочия. И вдогонку Владимир Ильич шлет ему дополнительное важное задание, касающееся нефтеносного района реки Ухты. Вот когда, с легкой руки Ильича, и началась промышленная биография приполярного города, а за ним — всего Севера.

ПАУЗА

Объявлена амнистия в честь трехсотлетия обветшалого «дома Романовых». Георгий возвращается домой. Сдает государственные экзамены в Петербургском университете и получает диплом юриста. Едва успев доехать до Саратова, узнает о разгроме в Москве партийных организаций Лефортовского и Замоскворецкого районов, в которых раньше многое сделал. Мчится в Москву. За ним следом опять рассыпается по городам его фотография с описанием характерных примет: «Рост выше среднего, телосложение среднее, темно-русый, лицо чистое, нос прямой. Одет — на голове соломенная мелкая шляпа тарелкой с черной лентой, пиджачный костюм, сероватый в полоску».

Особая приписка к сведению жандармских управлений: вернулся из ссылки, подчинен гласному надзору на три года...

На страницах короткого повествования о большевике-ленинце, с неукротимой страстью исследователя, неутомимой жаждой глубоких знаний и неугомонной, всепоглощающей волей борца, хочется сделать маленькую паузу — чуточку передохнуть от полицейских облав, провокаторских и осведомительских доносов, назойливого гласного и негласного надзора сыщиков. Такая пауза вполне естественна. Она иногда бывала и в жизни. Не без этого. Как бы густо ни сплетали свои сети жандармы, сквозь них настоящие борцы умели прорваться. Много раз и Георгий Оппоков уходил от опасности, миновал грозу. Но сейчас речь о другом.

Несколько строк, поясняющих особенности его характера. Получил высшее юридическое. А с пренебрежением относится к этой доходной и привилегированной по тому времени карьере. Не его стезя! На суде «волнуется страшно», «говорит препогано», как сообщает он в письме к товарищу в Сибирь. Сумел, правда, добиться оправдательного приговора. Но кому? «Несколько воришкам». С убийственной иронией он в том же письме добавляет: ждет назначения «помощником подсвечника», то есть помощником присяжного поверенного. Такую должность он, сам горевший безоглядным революционным пламенем, считает подставкой чужому огоньку.

Совсем иное дело — законы развития общества, экономические проблемы, философия, организаторская деятельность. В рабочей и партийной среде его знают великолепным оратором, остроумным и находчивым, обладающим ясной и емкой памятью. Ему, как говорится, за словом незачем лезть в карман. Выступал без «шпаргалок» и даже занятия в кружках вел без конспектов, точно цитируя наизусть Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова.

Так почему же на суде, отстаивая воров, становится косноязычным? Почему? Да потому, что претила развоенность, необходимость кривить душой, обелять людей с запятнанной совестью. Совсем иначе он чувствовал себя, отстаивая свое настоящее и по убеждению правое дело, которому посвятил жизнь. Тут он вдохновенен! Поднимает и ведет за собой массы.

Какая же участь ждала его после архангельской ссылки? Около полутора лет относительной «свободы». Усиленная работа в Московском комитете партии. Корреспонденции в «Правду». Контакты с провинцией. Собирание сил. Их очень мало. Поэтому он старается объединить большевиков с меньшевиками, как ему кажется, хоть временными, но попутчиками. Это было заблуждением. Из «объединенных» его стараний ничего не получилось.

Приехавшая в Москву по заданию Ленина Бобровская застала Жоржа «летящим» с одного предприятия на другое, прилагающим громадную энергию в попытке совместить несовместимое. Позже и сам он это понял: в одной телеге им не ехать, в одной упряжке не быть.

Он увлекался работой, не боялся ошибок. Был убежден в давно известной истине: не ошибается тот, кто ничего не делает. Быть созерцательным ортодоксом — это тоже чуждо ему, как и «защищать воришек».

Однако в упрек Бобровской следует сказать, что она промелькнула в Москве, как «мимолетное виденье», заметила, в чем оплошал Ломов, но не смогла увидеть того положительного и ценного, что он сделал. Лефортовский рабочий Леонид Корягин после очередного разгрома партийной организации отошел от партработы. Жорж его разыскал, много беседовал, и, устыдившись своей пассивности, Леонид вновь включился в подполье. Это рядовой пример, их много. Курсистка Вера Каравайкова едет с листовками, написанными Жоржем специально для Иваново-Вознесенска и других городов текстильного края. Вера — лишь одна из многих его связных. Он помогает создать в Москве профсоюз металлистов. Избирается его юрисконсультом. Берется за эту юридическую практику с большой охотой. Защита прав рабочих ему по душе. Следом организует профсоюзы текстильщиков, пуговичников, крючочников. При его участии развертывается борьба за восьмичасовой рабочий день.

В «Очерках по истории революционного движения и большевистской организации в Бауманском районе», изданных вскоре после Октября, отмечено сильное оживление революционного подполья благодаря тому, что вернулся в феврале 1913 года из архангельской ссылки «старый московский и в особенности лефортовский подпольщик тов. Ломов (Г. Оппоков)». А этому «старику» двадцать пять лет!

В начале августа Жорж сообщает в «Северной

правде»: «...рабочие организации Москвы растут». А охранка и провокаторы свирепеют. Очередная волна арестов. Взяли бы и Ломова, если бы он не ускользнул из Москвы в Питер. В ноябре вернулся. И до апреля 1914 года удержался в подполье.

20 апреля Московский комитет хотел собрать свой актив на Воробьевых горах. Близились два пролетарских праздника — день выхода «Правды», ставший Днем рабочей печати, и Первое мая. Накануне Георгий Ипполитович, член МК, объезжал райкомы, проверял готовность к совещанию, выделены ли дружинники в охрану, сообщал пароль, необходимый при сборе для конспирации. Поздним вечером попал в Замоскворечье. Райкомовцы заседали в помещении профсоюза кондитерской фабрики Эйнем. Георгий часто выступал здесь на фабричных сходках. На сей раз в рабочую среду затесались провокаторы Соколов и Болякин. Они навели на след полицию. Дом был блокирован. Большая толпа жандармов ворвалась на собрание и арестовала всех райкомовцев, а вместе с ними Ломова. И в Таганскую тюрьму.

Из досье полковника жандармерии Мартынова: «Помощник присяжного поверенного Георгий Ипполитович Оппоков, возвратясь из административной ссылки в Москву и будучи старым, видным работником РСДРП, тотчас же принялся вновь за партийную деятельность». Вот уже второй раз — сперва друзья, затем враги — называют Ломова старым подпольщиком, старым, видным работником. А прожита этим «стариком» едва ли треть человеческой жизни.

ОПЯТЬ ССЫЛКА

Сначала в Саратов, с запрещением появляться в крупных городах. Здесь он сумел вместе с Ногиным, Ольминским, Антоновым-Саратовским и другими оживить подполье,

издать в разгар первой мировой империалистической войны легальную рабочую «Нашу газету», тогда единственную в России. Удалось выпустить всего девять номеров. Но и они разошлись по стране, разоблачая чуждые рабочему классу интересы отечественных и зарубежных империалистов, призывая солдат повернуть оружие против зачинщиков войны. В них опубликовано свыше пятнадцати материалов Ломова. Часть вовсе без подписи, или под скромным твердым знаком, или одними инициалами «А. Л.». И тут опять-таки сказался его нрав: он не гнался за популярностью, славой, никогда не забывал о строжайшей конспирации, был предельно осторожен и лишь в одном не знал удержану — в пропаганде идей большевизма и стремлении объединить вокруг этих идей как можно большее число борцов.

Партия придавала «Нашей газете» огромное значение. О ней с высокой похвалой отозвался Владимир Ильич. Когда цензура закрыла газету, ее редакция составила антивоенный сборник «Под старым знаменем». Получив его и оценив по достоинству, Ленин прислал для второго сборника свою статью. Но жандармы наложили запрет. А вскоре Антонова-Саратовского и Ломова угнали в Сибирь, в Иркутскую губернию в село Верхние голы.

Вот отрывок из мемуаров Екатерины Ивановны Белой-Ивановой: «...во главе нашей ссыльной большевистской группы стояли Станислав Косиор, Георгий Оппоков, Иннокентий Стуков... Почти все ссыльные, имею в виду мужчин, работали на погрузке на Лене. Знаю, что Станислав Косиор, Иннокентий Стуков, Георгий Оппоков были связаны с подпольными большевистскими организациями Сибири, а также центральными городами страны. Помню листовку, которую мы читали в ссылке. Она была написана Лениным и получена нами в книжном переплете... Действовали кружки по изучению политэкономии и литературы. Руководителем первого был Иннокентий Стуков, второго — Георгий Оппоков. Наши руко-

водители и сами продолжали повышать свой теоретический уровень».

Михаил Степанович Ольминский, близкий соратник Ленина, превосходно знал многих пишущих революционеров. Просмотрев комплект журнала московских печатников за два года (1916—1917), Михаил Степанович пришел к выводу: «...смешно сказать, «Голос печатного труда» наполнялся главным образом статьями не московских, а иркутских сотрудников. Но кроме писания для профессионального журнала в Качуге шла и другая работа, более напряженная и, может быть, более чреватая последствиями, а именно: там шли горячие споры о том, возможна ли буржуазная революция или же предстоящая революция неизбежно должна стать пролетарской, социалистической... Насколько мне известно, первым проповедником неизбежности Октября был в иркутской ссылке тов. Ломов...»

На «проповеди» Георгия Ипполитовича, или, скажем точнее, на его доклады, приходили и приезжали ссыльные из многих деревень. Качужане ради того, чтобы вовремя попасть после погрузки судов в Верхние голы — вместо десятка с гаком верст по давнишнему длинному тракту, — проложили короткий маршрут «как птицы летают». Шли напрямую через топь, одолевали бродом по пояс в воде речушку Ангу (на ней не было переправы), выгадывая добрых четверть, а то и полчаса. «Жорж развел кипучую деятельность, — с похвалой отзыается Антонов-Саратовский. — Он ездил с докладом в Верхоленск, Манзурку, не говоря о Качуге... формируя железный батальон октябрьского полка нашей партии».

Кем же был в этом батальоне Ломов? Рядовым бойцом, младшим, средним или старшим командиром? Не столь важно. Гораздо важнее, каким он был. Почему все считали в высшей степени приятным общение с ним, совместную работу, общежитие и отдых?

Может быть, строки, выписанные мною из воспоми-на-

ний красноярских и иркутских ссыльных, послужат верным ключом к открытию этого секрета. Среди качужан и головцев, как и в архангельской ссылке, как всюду, где он бывал, за ним утвердилась слава «компанейского парня». «Жорж организует рыбную артель... Ночуют при костре. Конечно, не спят. Возня, хохот...» «Отправляются в тайгу на тетеревиный ток». «Удят на озере карасей. Холодно. Никому не хочется лезть в студеную воду. Препираются. Жорж с жестом решимости снимает с себя «отрезки» и «излишки», хватается за палку бредня и дрожа входит в воду... В результате — ведро хотя и мелких, но золотистых (пальчики оближешь!) карасей. Коммуна с жареным».

Необходимо пояснить: Жорж сразу же по приезде в Верхние голы создал коммуну из нескольких ссыльных: жили в ней боевито, весело и дружно полтора года, до освободившей их Февральской революции.

Продолжу выписки: «Жорж — закоперщик в походах по окрестностям, на охоте, заготовке топлива, сборе кедровика». «Любит природу, полон жизни». «Любит людей — щедро одаривает их своей добротой». «Станислав Косиор формирует хор, Жорж в нем солистом. Концерты хора пользовались большим успехом у местного населения». «Ломов, Стуков, Косиор на лодках отправлялись по Лене в агитпоходы по прибрежным селам. Распространяли листовки, издаваемые красноярскими социал-демократами».

Большое впечатление произвела на ссыльных забастовка красноярских типографов. Косиор прочел об этом в газете «Сибирь». Возбужденный новостью, разыскал Ломова: «Нужно помочь бастующим...» И Ломову с Косиором удается создать фонд бастующих. Собранные деньги послали в Красноярск. Вскоре узнали: рабочие победили.

РЯДОМ С ЛЕНИНЫМ

Не станем описывать пейзаж, погоду, внешний вид изящного дворца Кшесинской. Алые кумачи, свисающие с широкого узорчатого балкона, ставшего историческим. С него Владимир Ильич говорил в день приезда с петроградскими рабочими. И балкон, и весь фасад дворца чими-то заботливыми руками были увиты еловыми ветками. Но едва ли делегаты на VII партконференцию обращали внимание на алое и зеленое убранство, все спешили увидеться с Лениным.

Георгий Ипполитович явился заранее. Он успел переговорить со Свердловым. Приятно было слышать из уст Якова Михайловича похвалу уральцев о речи, произнесенной Ломовым на площади у Екатеринбургского вокзала, когда ссыльные возвращались из Сибири домой.

Увидели Ломова архангельцы и поманили к себе:

— Ждем вас не в ссылку, а гостем. Привет от Тыко Вылки...

Владимир Павлович Антонов, взявший в день крушения империи псевдоним Саратовский и возглавивший делегацию родного ему и Георгию города, снял пенсне, протер носовым платком, еще раз надел на переносицу, шутя воскликнул:

— Не соскучился Жорж по Верхним голам?

Тепло поздоровались с Феликсом Дзержинским. Очень мало довелось им быть вместе, а душевно сблизились на всю жизнь.

В зал вошел Владимир Ильич с Надеждой Константиновной. Впервые, может быть, у Георгия Ипполитовича мелькнуло в сознании — как счастливо иметь революционеру верную и любимую спутницу. Не расставаться с нею. Любимую и любящую. Понимающую тебя с полуслова и без слов, с одного взгляда. Спутницу, увлеченную, как и ты, борьбой, считающую, как и ты, эту борьбу делом жизни, дороже жизни. До сих пор Георгий ставил

примером для себя отрешенность от семьи и брака геройского Виктора Константиновича Курнатовского. Он боялся любви, женитьбы. Революционеру, полагал, семейные пути не дадут развернуться в борьбе. Рискуя постоянно своей жизнью и не имея твердого заработка, нельзя обзаводиться детьми, плодить сирот, обездоленных. А вот Громы, подумалось, даже не большевики, а просто сочувствующие им, жили семьями и не боялись рисковать, помогали чем могли революции. А вот Ильи — какая большая и дружная семья революционеров! В ней и братья, и сестры, и две матери — Владимира Ильича и Надежды Константиновны. И сама она, и Марк Елизаров, муж Анны Ильиничны, не вошедший, а вросший в семью Ильичей, как зерно в крепком колосе...

В тот же день, в Женском медицинском институте, на Апрельской партийной конференции, до ее открытия, Ленин издали заметил пристальный взгляд Георгия Ипполитовича. Приветливо улыбнулся ему. А когда приблизился, протянул руку, и они обменялись дружеским рукопожатием.

— Мы с вами уже во второй раз встречаемся на Общероссийской конференции, Георгий Ипполитович, если не ошибаюсь...

— Не ошибаешься, Владимир Ильич.

— Нынче можно вас не, как в Котке, Жоржем, не, как в переписке, Ломовым или Афанасием, а называть собственным именем,— Владимир Ильич дал понять, что годами не упускал из виду молодого поволжского большевика.— Теперь от кого делегатом?

— От ивановских текстильщиков, представляю российское текстильное царство.

— Ивановцы молодцы! — воскликнул Ленин.— Их царство большевистское...

Ломов понял, что до Владимира Ильича, возможно, дошел отчет и резолюция конференции ивановских партийцев. «Правда» еще не успела опубликовать этот

материал, но Мария Ильинична могла передать его содержание брату. «...Вся работа, все постановления текстильщиков,— отмечалось в отчете,— дышат революционной энергией, пропитаны идеями революционной социал-демократии. Под бурные аплодисменты конференция принимает приветствие товарищу Ленину».

Весь разговор Ломова с Владимиром Ильичем — сиюминутный, мимолетный, на ходу, пока он, окруженный делегатами, шел от входной двери по залу к президиуму — запомнился Георгию Ипполитовичу на всю жизнь. С разных сторон раздавались голоса: «Ленину открыть конференцию!» И он, почетный председатель Апрельской конференции, открыл ее кратким вступлением:

— Сбываются утверждения Маркса и Энгельса! Всемирная война ведет неизбежно к революции! На долю российского пролетариата выпала высокая честь начать социалистическую революцию...

Первый доклад сделал тоже Ленин. Не было трибуны. Он просто вышел из-за стола президиума. Говорил, то приближаясь к слушателям, то чуть отступая от них. Ярко и убедительно обрисовал отношение Временного правительства к войне...

До начала конференции делегаты получили отпечатанную на машинке брошюру Владимира Ильича «Задачи пролетариата в нашей революции». Ломов успел ее просмотреть. Она шире, чем доклад, освещала важнейшие проблемы, поставленные ходом истории перед большевиками.

После доклада Ленин предложил создать комиссию для обсуждения составленного им проекта резолюции. В состав этой комиссии избрали Ломова.

— Для меня шесть дней конференции — целый университетский курс большевизма.— Георгий Ипполитович, вернувшись из Питера, поспешил к ивановцам и делился с ними.— Мне посчастливилось благодаря вашему доверию работать с Владимиром Ильичем...

По заданию ЦК он объезжает многие города, ведет подготовку к VI съезду партии. А на самом съезде он в президиуме. Участвует в составлении многих резолюций, в обсуждении животрепещущих вопросов, горячо отстаивает ленинский курс на вооруженное восстание. Авторитет этого кристально честного и мужественного большевика высок: его избирают кандидатом в члены Центрального Комитета партии. Многие товарищи, избранные в ЦК, сидели в тюрьмах, другие скрывались от ищек Керенского. Ломов вводится в основной состав ЦК и сразу же после съезда с кипучей энергией принимается выполнять его решения.

Ломову выпало счастье быть на историческом заседании ЦК, где решался вопрос о вооруженном восстании. По телеграмме Свердлова Георгий Ипполитович примчался из Москвы в Питер. Встретил его Яков Михайлович, с ним он и попал на конспиративную квартиру. И когда все уже были в сборе, в самую последнюю минуту появился Ленин. Похудевший, бритый, в парике. Если бы его с нетерпением не ждали, уверял позже Георгий Ипполитович, «узнать его было совершенно невозможно даже нам, сталкивавшимся с ним не раз и за время революции и в дореволюционное время». После доклада Ленина: «политически дело совершенно созрело для перехода власти. Надо говорить о технической стороне...», после сурогового ленинского предупреждения о возможности новой корниловщины была обсуждена и дата восстания.

Первому в прениях слово предоставлено было Георгию Ипполитовичу.

— Горячо поддерживаю предложение Владимира Ильича,— сказал он.— Такова позиция Московского областного бюро и большей части МК.— И подробно охарактеризовал положение в Москве и ее промышленном районе, где тогда насчитывалось около семидесяти тысяч большевиков — самый крупный отряд партии. В самой Москве — две тысячи революционных рабочих

и еще сто тысяч солдат гарнизона, в котором сильно большевистское влияние.

Потом разгорелась дискуссия. Она, как известно, закончилась только под утро полной победой Ленина.

Вторично Ломов вызван в Питер в канун Октября. Приехал вместе с Ногиным. И вот они в Смольном — революционном штабе. Каждый член ЦК направлен на определенный и ключевой участок борьбы. Ломову и Ногину поручается информировать Московский комитет партии о событиях в столице. Между собой они ус洛вливаются: Георгий Ипполитович остается с делегатами-москвичами Второго съезда Советов Пискаревым, Ореховым и Борисовым помогать ВРК, а Виктор Павлович предпринимает все возможное, чтобы снести с Москвой.

Не хочется уронить ни крупики из того, что зацепила память Георгия Ипполитовича в дни, когда «рождалась новая эпоха». Глубоко запал в нее образ Ленина, «весь воплощение энергии, весь желание борьбы». Владимир Ильич появился, нет, не появился, а, по выражению Ломова, «влетел в сердце революции — Смольный». И сразу «стал всеми признанным вождем и руководителем восстания». «Неукротимая энергия Ильича заражала всех, кто соприкасался с ним...»

Смольный, по словам того же Георгия Ипполитовича, кипел, жил, формировал новый порядок. «Он переваривал в своем котле колеблющихся и сомневающихся, для того чтобы назавтра выпустить из своих коридоров новые кадры революционеров-бойцов, смелых и решительных агитаторов, тысячи пропагандистов, новых красногвардейцев...»

Засекла наблюдательность Ломова и необычайную оперативность в действиях ВРК, а в нем неутомимого Антонова-Овсеенко, которому Георгий Ипполитович охотно приходил на помощь. Любопытно, что и Джон Рид в канун первого из десяти дней, которые потрясли мир, обратил внимание на то, что «в одной из комнат

верхнего этажа сидел тонколицый, длинноволосый человек, математик и шахматист, когда-то офицер царской армии, а потом революционер и ссыльный, некто Овсеенко, по кличке Антонов. Математик и шахматист, он был поглощен разработкой планов захвата столицы». Но уже в следующие часы Джон Рид видит Антонова в кипении боев, действующего оперативно и смело, без устали.

Предвидел ли Ломов, что ему придется завтра-послезавтра заниматься тем же в Москве?

В звездный час Октября Георгий Ипполитович, без сна и отдыха, вместе с другими соратниками Ленина, был рядом с ним, учился его тактике побеждать в действии, в бою. Учился ленинскому искусству восстания — путем и методам его осуществления. А как только окончил свою работу Второй съезд Советов, провозгласивший рабоче-крестьянскую Советскую власть, Владимир Ильич дает боевое задание Ломову, и тот на паровозе мчится в Москву.

«Стучат колеса паровоза... Мы бешено несемся в Москву. Несмотря на то, что последние две ночи как-то не пришлось спать, заснуть невозможно. Что там в Москве?..» — это из воспоминаний самого Георгия Ипполитовича. На вокзальном телеграфе ему удалось узнать, что во второй столице восстание затягивается. «Почему? Неужели Москва и провинция не поддержат победивший Петроград?» — так размышляя, он мысленно уносится в «свое» областное бюро, в Московский комитет, в Моссовет. «Для меня ясно, что положение в Москве гораздо сожнее, чем в Петербурге. В Петрограде Совет рабочих депутатов и Совет солдатских депутатов, — рассуждает он, — две части одного целого, единый лагерь революции. А в Москве не так. Насколько крепок и решителен Совет рабочих депутатов, настолько далека головка Совета солдатских депутатов от нас. Исполком солдатских депутатов — это

меньшевики Шубины, эсеры Шмерлинги, готовые на предательский удар из-за угла, которые пойдут на все против нас». И в тревожные его рассуждения зацепляется своим крючком мучительный вопрос: «Как-то там наши товарищи справляются с подготовкой восстания?»

Машинист гнал паровоз во всю прыть. Ему была дана «зеленая улица». Солнце клонилось к закату, когда завиднелся, засверкал силуэт с золочеными куполами храма Христа Спасителя, построенного на народные деньги в честь победы русских войск над полчищами Наполеона. Первая, самая дальняя примета тогдашней Москвы.

Прямо с вокзала Ломов направляется в Совет.

— Мы тебя давно ждем! — Григорий Усиевич на ходу рассказывает своему другу о самом важном. У него и в мыслях нет, в голову не приходит осведомиться, был ли Георгий дома, повидался ли с женой. Усиевич вот уже несколько суток, казалось, забыл дорогу домой, не видался со своей женой и уверен — она на него не в обиде — сама живет революцией, как и молодая жена его друга. — Тебя, Георгий, заочно избрали в Московский ВРК...

В нем восемь большевиков: кроме нас двоих Николай Муралов, Владимир Смирнов и кандидатами Аросев, Рыков, Мостовенко и Будзинский. От меньшевиков — Тейтельбаум и Николаев; от объединенцев — Константинов и кандидатами Гальперин и Ясенев...

— Хорошо, что хоть эсеров не выбрали, — недовольно проронил Георгий.

— А они и не захотели. Открыто переметнулись в лагерь контрреволюции... Да и меньшевики вошли в ВРК, как признался их «идеолог» Югов, «для борьбы внутри комитета за замену его общедемократическим, революционным», понимай, соглашательским органом.

— Называй его, Гриша, настоящим именем — контрреволюционный. Мне на вокзале успели сообщить о вчерашнем заседании в Городской думе, где ее «голова» Руднев вкупе с полковником Рябцевым, штабом МВО,

меньшевиками, эсерами и сбежавшими сюда двумя министрами в противовес ВРК учредили «Комитет общественного спасения». Кого собираются спасать? Керенских и милюковых?.. Был бы смысл спасать утопающих, совершенно бессмысленно спасать утопших.

— Твоя правда, Жорж. Название тебе сказали не точно. Не спасения, а безопасности. Но суть та же: борьба с нашим ВРК. К сожалению, мы здесь в Москве пока не стали единоличной законной властью. Правда, мы тут без тебя сумели занять почтамт и телеграф, в наших руках почти все районы. Нами объявлено: весь гарнизон немедленно должен быть переведен в боевую готовность. Только приказы и распоряжения ВРК подлежат исполнению...

— Молодцы! — вырвалось у Ломова.

— Не совсем,— виновато произнес Усиевич.— Вчерашнее появление Виктора Павловича, нашего уважаемого председателя Моссовета, смущило кое-кого, посеяло неуверенность. Он стал убеждать нас, что на Втором Всероссийском съезде Советов образуется новая власть, признанная всеми партиями, входящими в Советы...

— Чушь, ерунда,— опять вырвалось у Ломова.— У власти мы, большевики, во главе с Лениным.

Несколько строк из воспоминаний очевидца: «...с первой же минуты своего появления в Московском революционном комитете Ломов, наэлектризованный ленинской решительностью, вдохновленный волей к победе, вносит живительную струю, бодрость, энергию. Он сразу стал на сторону тех, кто в противовес колеблющимся настаивал на решительных действиях и немедленном захвате власти... Вся история Октябрьского штурма в Москве, длившегося долгих семь суток, связана с Ломовым. Размах его революционной энергии был великолепен. Он подписывает пропуска, отдает приказ обстрелять телефонную станцию, сопротивляющуюся дольше всех, и направляет первые шаги московских рабочих, овладевающих государственным аппаратом».

Пока паровоз мчал Георгия Ипполитовича в Москву, Ленин предложил его кандидатуру в состав первого Советского правительства, затем коллегии ВСНХ.

В сложившейся в Москве ситуации Ломов разобрался гораздо лучше и верней, чем некоторые его бывшие учителя и наставники — Рыков, Ногин и другие. К нему тянулись рабочие — он был их любимцем. К нему тянулись ученые — он привлекал их своей преданностью революции, искренней верой в ее правоту и победу, широкой эрудицией и личным обаянием. Да, он был обаятельным человеком.

У Ломова обаяние — природный дар, который ярко высветил всю его организаторскую работу. Он упивался этой работой. Был одержим ею, очарован. Он не просто работал, а творил революцию. Да, это был величайший творческий процесс — в нем нашли достойное место многие корифеи российской науки — Тимирязев и Штернберг, Покровский, Шмидт и глава отечественных корабелов Александр Николаевич Крылов. Называю только имена тех, кто сблизился с Георгием Ипполитовичем в «дни бури и натиска».

О двух из них Ломов говорил с особой теплотой: «Павел Карлович Штернберг и Михаил Николаевич Покровский — два преданнейших бойца-революционера. В грохоте Октября, борясь плечом к плечу с рабочими России за социализм, они явили собой в те дни великий символ единения труда и науки, братски сплетенных в борьбе за строительство нового общества.

Когда раздались залпы, когда профессор истории Московского университета М. Н. Покровский увидел тысячи восставших рабочих и озверелую офицерню, он пришел в ревком и волнующе просто и коротко заявил о том, что он предоставляет себя целиком в распоряжение партии и ревкома, он весь — с восставшим пролетариатом и во

время боя хочет быть рядовым бойцом, дерущимся плечом к плечу вместе с восставшими рабочими.

Мы сейчас же двинули тов. Покровского одним из редакторов «Известий ревкома».

«Мы сейчас же двинули», — Георгий Ипполитович из присущей ему скромности не уточняет: именно к нему обратился Михаил Николаевич, и предложение включиться в состав редакторов «Известий ревкома» профессор получил от него.

Также и Штернберга ВРК направил в Замоскворечье по предложению Ломова. Оба профессора были настоящими рыцарями Октября. «За это, — подчеркнул в своих воспоминаниях Георгий Ипполитович, — вначале так не навидели красных профессоров-революционеров вся буржуазия и все афинские совы с Моховой. За это рабочий класс особенно полюбил их».

И, наверное, не случайно Покровский был избран председателем Моссовета, а его первым заместителем — Ломов.

Не скроем и горькой правды. В период заключения Брестского мира Ломов оказался среди ярых сторонников позиции «левых коммунистов», упрямо выступал против заключения мира. Не в оправдание, а в объяснение скажем, что патриотизм, ненависть к захватчикам, топтавшим территорию России, пересилили мудрость политика. Однако через несколько месяцев Георгий Ипполитович осознал серьезность ошибки и никогда больше в течение всей своей плодотворной жизни не колебался, был верным ленинцем.

Владимир Ильич ценил в нем крупнейшего организатора народного хозяйства. В годы топливного голода именно ему поручает Ленин возглавить Главтоп, а позже посыпает его поднимать разрушенную гражданской войной промышленность Сибири и Урала. Георгий Ипполитович внес большой вклад в создание нашей топливной и энергетической базы. Руководил развитием добычи угля

в Подмосковье, занимался реконструкцией угольных шахт Донбасса. По заданию Владимира Ильича Ломов вместе с Глебом Максимилиановичем Кржижановским энергично помогал строителям Каширской и Шатурской ГРЭС. А через несколько лет вместе с Валерианом Владимиировичем Куйбышевым, будучи его заместителем по Госплану, руководит грандиозной работой по составлению пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР и энергетической программы на целое десятилетие.

Георгий Ипполитович ушел из жизни, когда ему едва исполнилось пятьдесят лет. Мятежный, он не сторонился бурь. Недолгая и яркая, как полет звезды, его жизнь обладает емкостью океана и потому неисчерпаема.

МНОГО ЖИЗНЕЙ – В ОДНОЙ

(Алеша Джапаридзе)

Это был человек
с кристально
чистой совестью
и громадной энергией
организатора. Человек,
способный на чудо!

Они не грелись под знаменами —
Горели пламенем знамен.

A. Машавили

...Человек должен погрузиться в кипящие пучины общественного бытия, а этого можно добиться, лишь поставив себя на службу обществу, находящемуся в движении и борьбе.

P. Роллан

ДЕЛЕГАТ БЕЗ МАНДАТА

— Слушайте! — воскликнул Ленин и дробно постучал карандашом по столу.— Слушайте! — повторил он еще настойчивей и громче. При этом Владимир Ильич всем корпусом подался вперед, перегнулся в ту сторону, где стоял, опираясь на спинку стула, очередной оратор.

Делегаты съезда притихли, обратив внимание на худощавого, невысокого грузина с очень правильными чертами лица, обрамленного курчавой бородкой. Его черные, широкие, чуть изогнутые брови были насплелы, отчего на переносце обозначилась глубокая складка. Говорил он негромко, часто поглаживая густые усы, должно быть, желая выглядеть солиднее, по крайней мере старше своих двадцати пяти лет.

Но глаза и щеки неистово пылали, предательски выдавая и молодость, и южный темперамент, и волнение, которое он не в силах был сдержать.

Еще бы! Впервые ему приходится выступать перед столь уважаемой аудиторией. Цвет большевизма! Собрались на свой III съезд испытанные подпольем, тюрьмами, ссылкой, эмиграцией друзья и соратники Ленина. И главное, он сам, Владимир Ильич, вот здесь, среди них, как и подобает ему, на председательском месте.

«Наш Старик» — называли Ленина агенты ЦК, приезжавшие с его поручениями в Баку.

Позвольте, какой же это старик? Не знает устали. Следит за секретарями-протоколистами, чтобы ничего не пропустили в отчете. И сам не пропускает ни слова: ведет дневник съезда. И готовит резолюции. И просматривает доклады товарищей. И направляет прения по определенному руслу — никому не дает отвлечься от существа вопроса. Чутко улавливает любую реплику, оброненное замечание, ответно реагируя на них с поразительной быстротой.

С минуту назад прозвучал его отчетливый, высокого тембра голос:

— Слово принадлежит товарищу Голубину.— И тут же, посмотрев на карманные часы, зажатые в левой руке, Ленин забегал правой рукой по листу, что-то поправляя или дописывая в нем.

Казалось, Владимир Ильич начисто выключился из прений, занят совершенно другим делом. Между тем дебатируется как раз его резолюция о взаимоотношениях рабочих и интеллигентов в партии. Идет спор. Некоторые делегаты против предложенных им формулировок. Они считают, что рабочие еще недостаточно подкованы теоретически, непригодны для роли руководителей. И резолюция преждевременна. Незачем пускать незрелых людей в комитеты.

— Я немного иначе понимал этот вопрос, — скромно и спокойно начинает Голубин, хотя в душе неспокоен и выступает потому, что не может молчать.— Удивляюсь, — продолжает он, выговаривая слова с грузинским акцентом, — как это так могут говорить, что нет рабочих, способных быть комитетчиками? Наоборот...

Ленин — занятый Ленин! — вдруг воскликнул:

— Слушайте! Слушайте!..

Отложен в сторону, оставлен лист бумаги, очевидно, с недописанной, оборванной на полуслове фразой.

И Владимир Ильич весь олицетворение пристального внимания.

— Наоборот,— говорит ободренный Голубин,— рабочих такое количество, что всех нет возможности включить в городской комитет, а приходится вводить их в районные комитеты, которым поэтому необходимо дать решающий голос. Я настаиваю на том, чтобы принять резолюцию...

Голубина поддержал Михайлов, делегат Северо-Западного партийного комитета. Так его объявил председатель. А Голубин в нем, большелобом, с густой кудрявой шевелюрой и обрамляющей крутой подбородок подстриженной бородкой, узнал своего давнишнего приятеля Дмитрия Сергеевича Постоловского, который за десятилетие революционного подполья успел поработать и в Петер, и в Вильно, и в Тифлисе, где его звали вовсе не Михайловым, а Александровым или просто по вымышленному имени — Вадимом.

— Настаиваю на принятии кроме параграфа устава особой резолюции. Главное ее значение — призыв к местным комитетам расширить рамки организаций и пополнить их рабочими.— Михайлов напомнил: — Один раз уже передвинули этот вопрос. Теперь опять собираемся передвинуть?..

Тут Ленин согласно воскликнул:

— От Понтия к Пилату!

И дружный смех делегатов достойно оценил меткость председательской реплики.

Но были и резкие возражения. Землячка, Квиткин, Рыков цеплялись за, казалось бы, уже основательно опровергнутые доводы.

Тогда Ленин к тому, на что он уже указывал — ввод рабочих в комитеты не только педагогическая, но и политическая задача; у рабочих есть классовый инстинкт, и при небольшом политическом навыке они довольно скоро делаются выдержаными социал-демократами; директива съезда — самый радикальный способ борьбы с дема-

гогией,— ко всему этому Владимир Ильич снова посчитал необходимым дать ясно понять, на чьей он стороне.

— Я не мог сидеть спокойно, когда говорили, что рабочих, годных в члены комитета, нет. Вопрос оттягивается: очевидно, в партии есть болезнь. Рабочих надо вводить в комитеты...— И громче обычного произнес, как бы подчеркнул: — Заявления товарищей Голубина и Михайлова в высшей степени ценные.

А кто же этот Голубин, с русской фамилией и грузинским акцентом?

Делегат из Баку добрался до Лондона с большим опозданием. Попал лишь на восемнадцатое заседание.

Накануне его встречал Миха Цхакая, старейшина кавказской делегации. Прямо с вокзала омнибус довез их до угла, за которым приотилось невзрачное кафе. Прошли через зал в отдельную комнатку. Там за столом у окна сидел плотный человек с высоким, переходящим в лысину лбом. У него были веселые глаза и скорый говорок с приятной картавинкой. Завидев вошедших, он пошел им навстречу и приветливо протянул руки.

— Кого еще принесла нелегкая?.. И что бы вы, батенька, сказали, если бы съезд закрылся на семнадцатом заседании? — Шутливый тон Ильича не давал повода обидеться на его колючие вопросы.

— Сказал бы, что стремился на съезд не в меньшей мере, чем на свидание с вами, Владимир Ильич!

— Вот как?.. Из Баку в Лондон на свидание... Не слишком ли накладно! А что привезли? Какие новости?

Миха представил гостя:

— Наш четвертый кавказец. Алеша Джапаридзе!

— Знаю, знаю, хотя мы и не виделись до сих пор, но я почему-то сразу догадался, что передо мной Алеша Балаханский... Оформляйтесь как полагается и завтра же, если не устали, за работу.

— А что оформлять, у него мандата нет,— вмешался Миха,— у нас было три, мы их предъявили.

— Сколько же человек Кавказ послал на съезд? — спросил Владимир Ильич.

— Четверых.

— Как же так, четверых, а мандата только три? Кому же они принадлежат? Кто получил больше голосов? — допытывался Ленин.

Миха Цхакая искренне возмутился:

— Да разве у нас на Кавказе голосуют?! Мы дела все решаем по-товарищески. Нас послали четверых, а сколько мандатов — неважно.

Ленин весело рассмеялся.

— Хорошо, — сказал он, — доложим съезду, как он решит, так и поступим... А пока присядемте-ка, товарищ Алеша, рассказывайте.

Сколько времени он ждал задушевной беседы с Владимиром Ильичем! Стремился к нему. Жаждал встречи. Не знал и не ведал, где и когда такая встреча произойдет. При каких обстоятельствах возможна? И что послужит поводом для их свидания? Ничего этого он не знал, но готовился к предстоящему свиданию и был уверен: оно непременно будет.

Труднее всего постичь душевые влечения. Ведь они, если верить поэту, род недуга. А все-таки почему у Прокофия Апрасионовича Джапаридзе, сына грузинского дворянина, возникло и окрепло чувство верности, непреклонной дружбы к вождю большевиков Владимиру Ильичу Ленину?

Внешне все разное, как полюса. Прежде всего возраст. Неодолимой пропастью кажутся разделяющие их годы. Алеша на целых десять лет моложе Владимира Ильича. И жили они вдалеке друг от друга. Никогда партийные маршруты Ленина не пролегали по местам, где рос, учился, работал Джапаридзе. И не вели они переписки между собой, никаких признаков тесного общения, личных связей...

Но в человеческом обществе сильнее кровного родства,

обычной дружбы — общность партийная, товарищество и дружба борцов, которые не щадят своей жизни во имя идеи, ради высокой и заветной цели.

Секрет, почему Алеша стремился к Ленину, лучше всего раскрывается протоптанной им же самим стежкой в партию.

ПО КРУТЫМ СТУПЕНИЯМ

...Шардомети. Затерянное среди горных хребтов Грузии маленькое село почти достает своими крышами до свисающих лохматых облаков. И в этом все его величие. Здесь мальчуган Прокофий едва успел сделать первые самостоятельные шаги. И еще в свое голубое, безоблачное детство он проявлял необычайную ревность. Это «верхлис» — серебряная вода, иными словами, ртуть, так толковали о нем домочадцы.

Умер отец. Старшие сыновья Апрасиона Хосиевича от первой жены вынудили мачеху с двумя сиротами уйти туда, откуда она пришла.

На этом кончилось короткое дворянство Прокофия. Мальчишку взялся воспитывать родной дядя Семен Бежанович Джапаридзе, который увез его в Кахетию, в село Сацхениси.

«Я встречался с Пакия, как нежно называли Прокофия в родном селе моей матери. Его мать, Анна Гоциридзе и моя мать, Фатьма Гоциридзе, были близкими родственниками, в деревне жили по соседству, мы в детстве всегда бывали вместе. Алеша любил рассказывать о героях и приключениях, вселял в нас бесстрашие... Помню, как яростно сражался Алеша против всякого проявления суеверия... и как с этой целью он поднялся на высокую, заросшую мхом лестницу храма, куда тогда из-за страха перед «ангелом» никто не смел подняться». Вот каким запечатлелся Прокофий в памяти

его двоюродного брата Владимира Малакиевича Джапаридзе.

А к чему стремился, чего хотел достичь неугомонный Пакия?

Представьте, с детства ему хотелось стать совсем не путешественником или отважным полководцем, что так обычно для мальчишек, а простым учителем. Почему? Один из его биографов, Андро Агладзе, выяснил: целая династия, буквально вся родня Пакия — его дяди Георгий, Малакия, Апрасион, Васо, Котэ и конечно же неофициальный опекун Семен Джапаридзе — были народными учителями, сельскими просветителями, ратовали за всеобщую грамоту, знания, национальную культуру.

Прокофий пошел в начальную школу. Здесь кроме грамоты учили ремеслу. Ученик получал на руки удостоверение в овладении столярным, сапожным, шорным делом. Потом его определили в Тифлисское городское училище при учительском институте. Вот где Прокофий окончательно понял, каким бы педагогом он ни был, какой бы предмет ни преподавал, все равно будет учить людей главнейшей науке — революции.

Он в третьем классе городского училища, а уже связался со студентами единственного в Тифлисе вуза — Александровского учительского института и берет у них запрещенные книги. Особенно пристрастился Пакия к марксистской литературе. Хорошо знает «Коммунистический манифест». При каждом удобном случае юноша цитирует его на двух языках — русском и грузинском — своим соседям по пансионату. На официальную программу училища он не возлагает больших надежд. Настойчиво занимается самообразованием.

Чудом сохранилось его письмо к двоюродному брату. В нем Пакия просит близкого родича, старшего по возрасту, прислать, «да поскорее», произведения Дмитрия Ивановича Писарева («успел прочитать его «Очерки из истории труда»), и они произвели на меня глуб-

бокое впечатление») и Лассала («с ним еще не знаком, но любопытно узнать»). И, «если возможно, еще какие-либо книги в этом духе».

Выработался в нем и определенный вкус к художественной литературе. Знал наизусть «Витязя в тигровой шкуре» Руставели, «Торнике Эристави» Церетели, «Бахчисарайский фонтан» Пушкина, «Мцыри» Лермонтова... Кроме грузинской и русской классики станут у него настольными два романа: «Спартак» Джованьоли, сподвижника легендарного Гарибальди, и «Овод» Войнич. Среди однокашников он отличался твердостью и упорством. Черты характера, которые остались неизменными на всю жизнь.

Промчится череда лет и событий до того морозного февральского дня 1915 года, когда Прокофий Апрасионович в Тифлисе с паперти Кошвецкой церкви, где отпевали великого поэта Церетели, перед огромным скоплением народа произнесет пламенную речь. В ней он выразит свою беспредельную любовь к певцу родной земли, переводчику на грузинский язык «Интернационала», подчеркнет горячий патриотизм и интернациональное звучание произведений Церетели, а заодно призовет к борьбе за свободу, против всякого угнетения, национального и классового.

К этой смелой речи большевистский трибун поднимался крутыми ступенями. Проследим его восхождение.

НЕИСТОВЫЙ АЛЕША

Конец прошлого века. 1896 год. Отлично выдержав экзамены, Прокофий становится студентом. Его студенческая пора совпала с широким распространением в Грузии марксизма. Уже несколько лет существует социал-демократическая организация. Верные последователи русских революционных демократов Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели дают ей символическое название

«Месаме-даси» — третья группа. Действует и нелегальная марксистская группа при публичной библиотеке, основанной Ольгой Владимировной Кайдановой.

Прокофий, по всей видимости, увлечен занятиями в вузе. Во всяком случае, профессора им довольны. Преуспевает по всем предметам. Но он же не пропускает ни одного собрания «Месаме-даси». Входит в состав нелегальной группы при библиотеке. Сближается с Ладо Кецховели, Иосифом Джугашвили, Александром Цулукидзе...

Отныне его настольными книгами становятся труды Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина...

У Цулукидзе вузовская скамья позади, он старше Прокофия и опытней в революционных делах, успел изучить всю наличную тогда марксистскую литературу. Это, однако, не помешало зарождению их дружбы. И Александр помогает молодому студенту систематизировать знания, уяснить непонятное. Часто с ним горячо спорит. Ведь в споре рождается истина.

А когда этой истиной Прокофий, по мнению его старших друзей, в достаточной мере овладел, ему доверили руководить ученическим марксистским кружком.

В 1898 году кружок по инициативе своего энергичного руководителя формирует тайную библиотеку. Постепенно расширяется круг ее читателей. Растет в ней и количество нелегальных книг, брошюр. Кружковцы приступают даже к выпуску собственного журнала.

В Тифлисе пользуется определенной популярностью выступающий с «христолюбивыми» проповедями «непротивления злу» протоиерей и черносотенец Восторгов. Набожные люди слушают его и верят. На проповедях протоиерея бывает немало молодежи.

У Прокофия возникает мысль о необходимости разоблачить лжеца. Ответ ему должен быть веским, убедительным. Восторгова надо во что бы то ни стало развенчать перед народом.

А как это сделать?

Джапаридзе пишет прокламацию, сам же ее размножает на гектографе и раздает в церкви прихожанам, расклеивает на афишных тумбах.

Чем все окончилось, легко догадаться. Безбожника схватила полиция. К тому времени Прокофий был вынужден из вуза перевестись в духовную семинарию. Но и здесь не удержался. Последовало исключение из семинарии. Что ж! Его и такая мера не обескуражила, не испугала. Он уже в рядах российской социал-демократии. Он профессиональный революционер.

В «Месаме-даси» Джапаридзе сближается с высланными в Закавказье русскими революционерами. Его новые друзья — рабочие Тифлисских Главных железнодорожных мастерских Федор Майоров, Сергей Аллилуев, механик магазина швейных машин «Зингер» Федор Афанасьев.

От них Прокофий узнает еще об одном, не этапном, а добровольном скитальце — Алексее Пешкове. В полном согласии со своей фамилией Алексей пешком приходил в Грузию. В пути не гнушался любой работы, лишь бы подвернулась под руки. Но нигде не засиживался. В железнодорожных мастерских малярничал, красил вагоны, работал конторщиком. И увлекательно рассказывал об увиденном, пережитом. Тут, в Тифлисе, Алексей Пешков написал свой первый рассказ «Макар Чудра» и напечатал под псевдонимом Максим Горький. И псевдоним был вполне под стать его не сладкой жизни. Отсюда, из Грузии, и начался его быстрый подъем на вершины отечественной литературы.

Прокофию были близки и понятны причины бед и злоключений героев произведений пролетарского писателя. Интерес к нему подогревало немаловажное обстоятельство. Оказывается, Алексей Максимович знал основателей «Месаме-даси», идейно сблизился с Ильей Чавчавадзе и Акакием Церетели. Тесно знаком с Вано Стуроу,

Михоей Цхакая, Ладо Кецховели, Филиппом Махарадзе, с теми, кого Прокофий считал своими учителями, старши-ми товарищами.

Сожалел Прокофий о том, что не был завсегдатаем «Дешевой библиотеки» Кайдановой вместе с Алексеем Пешковым. Запоздал. Но она часто, рекомендуя ту или иную книгу любознательному студенту, не забывала упомянуть ему: читана, и с интересом, Максимом Горьким!

Хотелось Прокофию повидать писателя, известность которого росла не по дням, а по часам. Влекло к нему, но и во второй раз, в 1898 году, когда Горький опять появился в Тифлисе, свидание с ним оказалось невозмож-ным. Уже не по собственной охоте, а в сопровождении жандармов доставили Алексея Максимовича из Нижнего Новгорода и среди ночи водворили в каземат Метехской тюрьмы. Через три недели, за недоказанностью обвинения (по «делу» тифлисской социал-демократической организа-ции), его выпустили и... выдворили из Грузии.

Надежды, всем знакомо, юношей питают. Прокофий был молод и надеялся — встреча с Горьким состоится. Он ее ждал несколько лет и все-таки дождался.

Но до этого порадовался встрече с другим русским революционером. Сосланный в Тифлис из Петербурга токарь Путиловского завода Михаил Иванович Калинин, едва успев встать за станок в железнодорожных мастер-ских, сразу установил связи с местными социал-демокра-тами, стал среди них своим человеком.

Прокофий впервые увидел и услышал его на подполь-ном собрании. Спокойный, с виду типичный работяга, неторопливый в речи, где каждое слово, простое и ясное, как у хорошего каменщика — кирпич к кирпичу, укла-дывалось в сознание слушателей. А их собралось свыше ста пятидесяти, почти все железнодорожники. Они уже знали, что это токарь-лекальщик самой высокой ква-лификации и член «Союза борьбы за освобождение

рабочего класса», созданного Владимиром Ильичем Лениным. Он говорил о росте революционного движения в центре России и с уверенностью заявлял: рабочий класс близок к победе. Ему надо понимать, за что он борется, ради чего готов на жертвы. Необходимо овладеть не только боевым, но и теоретическим оружием — марксизмом...

Бородка затупленным клином, опущенные в нее усы с подпалинами от курева, густая грива волос над широким, чуть покатым лбом и улыбчивые, светлые глаза, в уголках которых затаились морщинки усталости. Михаил Иванович, наверное, пришел на собрание прямо из цеха — в наспех, без зеркала, причесанных волосах поблескивал осколок металлической стружки. Говорил он, почти не жестикулируя своими натруженными, в мозолях и рубцах руками. А когда изредка поднимал то одну, то другую, раскрывал широкой ладонью, как бы призывая к вниманию. Его и без того слушали напряженно, затаив дыхание. Особенно когда толковал о разногласиях ленинцев с «экономистами», «легальными марксистами».

Прокофий знал, что их вдосталь хватает и в Грузии. Еще в «Месаме-даси» четко обозначилось два лагеря — подлинных марксистов, которые звали к революционному действию, и оппортунистов, вроде Ноа Жордания, предлагавших примириться с буржуазией, не гневить царский строй, добиваться для рабочих материальных поблажек у хозяев.

Рядом с Прокофием сидел Сергей Аллилуев — пожилой, умудренный жизненным опытом, гнувший спину на хозяев с двенадцатилетнего возраста слесарь. У верстака с тисками успел простоять порядочно. Вот уже восьмой год связан Сергей Яковлевич с подпольем, обрел чутье на своих и чужих и ни разу не обманывался.

Перегнувшись в сторону Прокофия, шепнул ему:

— Свой в доску докладчик. Спасибо царю, что прислал нам такого мощного пропагандиста...

«Вскоре после приезда в Тифлис мне пришлось делать доклад о рабочем движении в Петербурге,— вспомнит Всесоюзный староста былое.— На этот доклад собралось нелегально около ста пятидесяти человек, преимущественно железнодорожников, хотя были, конечно, и не железнодорожники, но большинство пришло из железнодорожных мастерских. Для того времени это было очень многолюдное собрание, и оно означало, что в железнодорожных мастерских уже существовало довольно крепкое революционное ядро... Очутившись в те мрачные времена не по своей воле в Тифлисе, я сразу, однако, почувствовал, что попал в родную среду. Это впечатление, это ощущение родства остались у меня на всю жизнь».

Ощущение родства с русскими революционерами останется и у Прокофия на всю жизнь.

А пока они действуют в унисон. Сообща намечают и готовят забастовку на предприятиях города. Организуют нелегальные собрания — массовки. Русские друзья называют его Неистовым. А ему хочется, чтобы его называли простым русским именем Алеша.

ЗАБАСТОВЩИКИ УХОДЯТ В ГОРЫ

Сотни тифлисских рабочих тайно пробираются в район Соленого озера. На горных тропах каждого встречает патруль. По паролю и отзыву сообщается место сбора. Там среди организаторов маевки Алеша. Это конспиративное имя останется за ним навсегда.

«...У Соленого озера,— вспоминает Сергей Яковлевич Аллилуев,— собралось человек пятьсот. Как только солнце, поднявшееся из-за гор, растворило легкую дымку предутреннего тумана, люди оживились и, никем не сдерживаемые, взволнованно заговорили. Многих я узнал. Здесь были рабочие из мастерских депо и других предприятий Тифлиса».

Трибуну заменило нагромождение камней. Один за другим поднимаются ораторы: Вано Стуруа, Михаил Калинин, Захар Чодришвили, Ипполит Франчески, Миха Бочоридзе. Они говорят о значении дня международной рабочей солидарности. О тяготах жизни трудового люда.

Вскакивает на камни Алеша:

— Надо бороться за свои права! Протестовать против плохих условий работы, объявлять забастовки!

«Впервые услышали мы так смело и открыто брошенные слова, обращенные к многолюдному собранию,— свидетельствует очевидец,— со всех сторон слышался гул одобрения, отовсюду раздавались возгласы: «Да здравствует Первое мая! Долой самодержавие!» Возвращались мы с маевки счастливые, полные решимости бороться и победить».

Проходит несколько месяцев. Россию потрясает весть о грандиозной забастовке рабочих Главных железнодорожных мастерских Тифлиса и присоединившихся к ним путейцев. В подготовке ее Алеше принадлежит особая роль. «Он посещал рабочие кружки и занимался с ними по политэкономии. Занимался с несколькими малограмотными товарищами, обучал их грамоте»,— пишет ветеран революции Аракел Окуашвили.

Алешу знали рабочие и верили ему. Он пользовался среди них заслуженной популярностью и любовью.

Во второй половине июля было устроено нелегальное делегатское собрание. Местом сбора назначили поляну у Лисьего озера, к западу за Сабуртало, в ущелье. Предстояло разрешить вопрос: надо ли бастовать?

Собрание открывает Чодришвили, которого почтительно называют «наш товарищ Захарий». Докладывает Миха Цхакая. Он только начал, вдруг неожиданный сигнал патрулей: кто-то идет! Все притихли. Каждый волнуясь подумал: неужели оказался среди рабочих провокатор и выдал?

Несколько минут напряженного ожидания. Наконец последовал второй сигнал: свои!

Появляется Алеша. Миха продолжает свой доклад. После него высказывает свои соображения Аракел. Вспыхивают прения. Они затягиваются. Есть разные точки зрения.

«Товарищ Алеша, несмотря на его молодость, интеллигентность, поражал нас, рабочих, своими практическими предложениями и доводами. Он высказался твердо в пользу забастовки. Только к рассвету вопрос баллотировался — огромным большинством забастовка принята.

Лицо Алеши сияло. Он произнес ликуя:

— Товарищи! Начинается эра новой практической борьбы. Будьте стойки до конца!»

Так передает свои впечатления об этой решающей ночи Вано Стуроа.

И вот забастовка объявлена. С утра тревожно загудели гудки в мастерских, засвистели паровозы на железнодорожной станции.

Вскоре к бастующим примкнуло тифлисское депо. За деповцами — ремонтники пути. На следующий день выразило свою солидарность с тифлисцами депо Михайловка. На третий день — рабочие Елизаветполя. Число бастующих множилось с каждым часом.

Стачечный комитет, в состав которого входит Алеша, созывает митинги, разъясняет поставленные цели. Пищутся, печатаются и распространяются прокламации. Прокураторов и штрайкбрехеров встречают как полагается, жестоко расправляются с ними.

Губернатор срочно вызвал войска. Диубе, Нахаловка, Надзладеви, Ортачала и вообще все рабочие кварталы Тифлиса окружены казаками, жандармами, полицией. Ведутся поголовные обыски и аресты.

А стачечный комитет, несмотря на полицейский террор, призывает бастующих держаться стойко. Комитет в подполье. Шпики сбились с ног. Обыски, облавы — ничто не

помогло. Власти так и не смогли обнаружить, напасть на след комитета.

В одном из документов жандармского управления по поводу этой забастовки сделан довольно точный вывод: «...основным источником, будоражащим железнодорожных рабочих, являются уже созданные молодежные кружки, руководителями которых являются студенты Александровского учительского института Прокофий Джапаридзе, Николай Домостроев, Сергеев, Межерин, Гогия и другие...»

Но и накрыть подпольные кружки, изобличить Джапаридзе и его товарищей жандармам не удавалось.

Сперва под давлением оппортунистического крыла «Месаме-даси» рабочими были выставлены только экономические требования.

Постепенно забастовка превращается в политическую. В мощный отпор царскому самодержавию.

Все трудовое Закавказье получило наглядный урок стойкости, умения бороться и отстаивать свои права.

Царский террор с каждым днем все шире. Как же революционерам от него уберечься? Алеша предлагает рабочим уйти в окрестности Тифлиса.

— Разве там мало укромных мест? Авчалы, Коджори, Манглиси.

Две недели забастовщики жили в горах. Все это время комитет находился в самом Тифлисе. Он собирал средства, организовывал снабжение бастующих и их семей. Выпускал листовки и прокламации.

На шестнадцатый день боевая касса опустела. Рабочие и их семьи начали голодать. Жандармы усиливали бесчинства. Правительство и хозяева не пожелали вести никаких переговоров. Свыше пятисот рабочих было брошено в тюрьмы. Около трехсот высланы за пределы Кавказа.

У стачечников настроение подавленное. Дальше не продержаться — таково единодушное мнение.

«Вот в этот тяжелый момент товарищ Алеша,— вспоминает Вано Стуруа,— со свойственной ему улыбкой, полный надежды на будущее, произносит:

— Завтра объявим забастовку оконченной. В ней больше победы, чем поражения. Шестнадцатидневная дружная забастовка, влияние организации на тысячные массы — разве это не залог нашей полной победы в недалеком будущем? Мы морально выиграли, заложили прочный фундамент для нашей решительной схватки с самодержавным буржуазным строем, и этого пока достаточно с нас.

Слова товарища Алеши приободрили нас. На другой день были расклеены извещения к рабочим: «Забастовка была начата организованно стачечным комитетом и так же организованно им же прекращается. На работу, товарищи, и готовьтесь к грядущей борьбе!»

Еще до окончания забастовки охранка нагрянула на квартиру Джапаридзе. Несколько часов продолжался обыск. Жандармам удалось найти тайник. А в нем — гектограф, химические чернила. Вскоре Алешу схватили и заточили в Метехский замок.

ТАЙНЫЕ ГОСТИ

Первое знакомство с тюрьмой. Сырая камера. Железная решетка в оконце под самым потолком. Пусть посидит студентик, поймет, что ему грозит. Иные вот так же храбрились до заточения, а тут сразу пообмякли.

— Знает ли молодой дворянин Прокофий Апрасионович, что ему едва ли удастся доучиться в институте за такие шалости? — спрашивает с легкой ухмылкой следователь.

— Учиться при желании можно и в тюрьме,— отвечает Алеша.— А что? Совсем не плохо. Одиночка, никто не мешает... И на полном пансионе.

— Тогда упрочим ваше здешнее положение,— посу-

ровел следователь и резко, в упор: — Зачем вам понадобился гектограф?

— Вместо сковородки, господин начальник. Удивительно оригинальная кухонная утварь...

— А химические чернила?

— Если стряпать пищу на гектографе, будет кощунством писать меню обыкновенными чернилами.

— Уведите, — зло буркнул часовому следователь.

Проходили дни, недели, месяцы. Узник не стал говорившей. О соучастниках — ни слова. Зато требует свидания то с матерью, то с сестрой. Настаивает на присылке к нему врача. Заявил, что объявит голодовку, если не дадут возможности получать необходимые книги и не разрешат переписки с угодными ему лицами.

Около полугода держали его в каменных стенах Метехи. Выпустили условно, под гласный надзор полиции, с незамедлительным «выдворением из Тифлиса, Баку, Елизаветполя, Батуми, Поти, Михайлова».

Но еще в тюрьме Алеша узнает, что в Тифлис приехал Виктор Константинович Курнатовский, который был вместе с Владимиром Ильичем Лениным в минусинской ссылке. Как же не повидаться с таким известным подпольщиком? Алеша знал его брошюру «Рабочий день», которая была популярна среди грузинских революционеров, особенно у молодежи. Дошли до него сведения и о том, что Виктор Константинович выполняет очень важное ленинское поручение — оно послужит началом подготовки грузинских социал-демократов к съезду, призванному организационно оформить партию, определить ясно ее цели и задачи.

Алеша достает адрес и вместе с товарищем по Метехи Артемом Гио тайно приходит в гости к Курнатовскому. Виктор Константинович рад встрече. Долго не отпускает своих гостей.

— Надеюсь, вы поможете распространять газету «Искра», которую решил, еще в Сибири, создать Ленин.

Для этого он и эмигрировал. Дело идет на лад, в него включилась и группа Плеханова. Вот бы «Искру» размножать в Грузии! Подумайте, подскажите, где лучше всего устроить тайную типографию...

Сразу столько кипучего дела!

УНИВЕРСИТЕТ БОРЬБЫ

На все готовы опальные студенты. Им просто необходимо как можно дольше побывать с Виктором Константиновичем. Ведь он для них — «живой университет борьбы». Так позже оценивал Алеша короткое общение со сподвижником Ленина. Они восприняли его веру в то, что социальная революция неизбежна и близка. Делать все возможное ради ее приближения — не долг или обязанность, а счастье.

— Когда в сибирской ссылке меня забрасывали в спокойное безлюдье, отрывали от друзей, обрекали на беды, я чувствовал себя глубоко несчастным...

Искреннее признание человека, чья жизнь подтверждала все им сказанное, стало для Алеши своеобразной заповедью. Таким он захотел быть и стал таким.

Гио, решивший эмигрировать за границу, получает от Виктора Константиновича рекомендательное письмо к Ленину. А Джапаридзе переходит на нелегальное положение.

Алеша уехал в горы, в провинцию Рача, след его затерялся. Вскоре он появляется в Кутаисе и поступает делопроизводителем в местное управление государственных имуществ и земледелия.

Варо Ходжашвили была тогда ученицей старших классов гимназии. Гуляла с подругами. Познакомились с двумя молодыми людьми — Прокофием Джапаридзе и Николаем Соколовым. Стали встречаться все чаще. Тут Варо заметила, что вокруг Прокофия и Николая образуется кру-

жок, объединяется лучшая часть кутаисской молодежи.

— Среди нас были еще С. Қавтарадзе, П. Сакварелидзе, А. Цулукидзе и кое-кто еще,— вспоминала позднее Варвара Михайловна.— Мы с увлечением спорили о прочитанных книгах, изучали политэкономию, Эрфуртскую программу, а некоторые из нас и «Капитал» Маркса. Неизвестно каким образом, но до нас дошла газета «Искра».

Три года неуловимый подпольщик занят созданием новых социал-демократических организаций в самом городе и в округе. Каждую свою служебную командировку в Чиатуру, Зестафони, Батум, Ткибул, Хони, Рачу он использует для распространения марксистской литературы и расширения кружковой сети.

В эти же три года духовно вырос и сам Алеша. Боевой организатор становится и недюжинным педагогом. Его запас знаний, эрудиция обширны. Когда речь заходила о художественной литературе, по признанию Варо, ей приходилось частенько краснеть перед будущим мужем. То он заговорит о произведении, которое она еще не читала. То приведет наизусть цитату из Белинского или Салтыкова-Щедрина, Чернышевского или Добролюбова, подкрепляя свои суждения о том или ином явлении в искусстве. Он заинтересовал Варо историческими трудами Карамзина, Ключевского, Костомарова, Соловьева. Однажды принес ей «Историю цивилизации» Бокля, пообещав достать и «Всемирную историю» Шлессера, и «Всеобщую историю» Рамбо. Сам их «успел проглотить» еще в Тифлисе... Именно там он почувствовал себя в мире прекрасного не случайным гостем, а домочадцем. Там попадали в его руки Маркс и Ленин, Плеханов, Смит, Рикардо. И корифеи мировой литературы — Гоголь и Бальзак, Лев Толстой и Шекспир, Лермонтов и Байрон...

Именно в эти три кутаисских года произошло событие, которое озарило их особым светом, сделало знаменательными для Алеши. Он встретился с Алексеем Максимовичем

Горьким, подружился с ним. Познакомил «буревестника революции» с профессиональным революционером скорее всего Миха Цхакая, который знал Горького еще со временем его первого пешего похода по Кавказу.

В этот, третий раз писатель из Тифлиса через Закарский перевал добрался в Кутаис. По пути остановился в радужной от расцветающих садов, очень живописной деревне Багдади. Отец будущего поэта Владимир Константинович Маяковский служил там лесничим. Он охотно вызвался показать Алексею Максимовичу окрестные леса. Хорошо знал старшего Маяковского и Алеша. Иногда, в пору своих служебных командировок, останавливался у него, прятал запрещенную литературу, пользовался сторожкой лесничего для конспиративных встреч и явок. Кто знает, быть может, все это послужило истоком, формировало убеждения мальчугана, ставшего великим поэтом, трибуном Октября.

Однажды Варо встретила Горького гуляющим по Кутаису с Алешей. В другой раз они втроем отправились осматривать развалины храма Баграта на Архиерейской горе. Были они и в других местах, где сохранились памятники глубокой старины.

На квартире педагога и литератора Ясона Ивановича Николайшили прогрессивная интеллигенция города устроила торжественный ужин в честь Максима Горького. На ужине было много социал-демократов и сочувствующих им. Алексей Максимович виделся здесь с приятелями по Тифлису — Акакием Церетели, Селованом Хундадзе, Кириллом Лордкипанидзе...

По официальным газетным отчетам, дошедшим до нас, речь велась о литературе. Горький ратовал за необходимость беспощадной борьбы со словесным хламом, за чистоту и ясность литературного языка. А неофициально? Скорее всего за очищение страны от царского самодержавия, гнета, эксплуатации трудящихся.

Была и вторая встреча, нигде не зафиксированная.

Она носила конспиративный характер. Об этой второй имеются только воспоминания доктора П. М. Дондарова. Ему поручили местные социал-демократы подыскать уединенное местечко для сокровенной беседы с писателем.

Дондаров работал в частной больнице С. В. Топурия. К ней примыкал густой парк, который словно широким зеленым ковром устипал длинную полосу некрутого берега Риони.

Здесь, в дальней аллее парка, собралось около двадцати человек. Алексея Максимовича приветствовал Алеша Джапаридзе. Беседа началась в десятом часу вечера, а закончилась после трех часов ночи, уже под утро. Горькому кутаисцы рассказывали о развитии революционного движения в Закавказье. Он задавал много вопросов, его живо интересовали вспыхнувшие тогда в разных местах западной Грузии крестьянские волнения. Очень подробно расспрашивал Алешу о положении в Гурии и во всей Кутаисской губернии. Интересовался также здравоохранением. А когда узнал, что больница Топурия единственная не только в самом Кутаисе, но и на всю губернию и к тому еще платная, едко заметил: в центре России плохо лечат народ, а положение окраин еще того хуже.

Горький остановился в Кутаисе в гостинице на Тифлисской улице. Сюда зачастил Алеша. Он приходил не один, а с ссыльными В. К. Радзевичем и Н. З. Гурешидзе. Последнему Алексей Максимович помог деньгами, чтобы тот мог избежать грозившей ему второй ссылки в Сибирь. Гурешидзе спасся, нелегально пробравшись в Швейцарию.

Из Кутаиса Горький отправился в Они. По пути решил отдохнуть в духане, где было много крестьян из Рачи. В этом духане близ Красного моста Алексей Максимович провел несколько часов, ведя откровенные беседы со всеми, кого там застал.

В Они Алексей Максимович прибыл с рекомендательным письмом Алеши Джапаридзе, адресованным его родичу — доктору Д. Н. Джапаридзе.

— Однажды среди дня, — вспоминал доктор, — меня вызвали из врачебного кабинета и сообщили, что приехал неизвестный человек высокого роста с письмом ко мне. Выйдя к приезжему, я сразу же узнал в нем знаменитого русского писателя. Худой, прокаленный солнцем, в большой белой осетинской шляпе с широкими полями, он мог быть смело принят за гурийского крестьянина. Мы поздоровались. Алексей Максимович вручил мне письмо от Алеши. В письме было сказано, что писателя Максима Горького надо хорошо встретить и помочь ему в дальнейшем путешествии через Манисонский перевал. «Мы вас так из Они не отпустим, — сказал я. — Покажем все, что есть у нас замечательного, расскажем о себе и вас послушаем...»

Вечером почти весь трудовой Они собрался на беседу с Алексеем Максимовичем. А на утро следующего дня он отправился дальше через перевал. Провожала его большая группа новых друзей.

Во владикавказской газете «Казбек» через несколько дней было опубликовано сообщение, перепечатанное из тифлисского «Нового обозрения»: «Нам сообщают, что известный писатель М. Горький (Алексей Максимович Пешков) 10 июля около пяти часов утра вышел пешком из Кутаиса во Владикавказ. Маршрут взят через местечко Они, Манисонский перевал и село Алогирское. Весь переход состоит из 200 верст».

Некоторые исследователи жизни и творчества А. М. Горького указывают на его близкое знакомство с Алеши Джапаридзе. По отношению к обоим в равной мере уместна пословица: «С кем поведешься, от того и наберешься».

ЭНЕРГИЯ И ПРЕДАННОСТЬ

В Кутаисе бывал «по долгу службы» один из посланцев Ленина. Особенный. Совсем не похожий на других. От него Алеша не преминул «понабраться» высочайшего умения действовать с максимальной пользой при соблюдении строжайшей конспирации.

Леонид Борисович Красин, или Никитич, как обращалась в письмах к нему Надежда Константиновна, передавая поручения Владимира Ильича, еще в самом начале двадцатого века, сразу же после окончания Харьковского технологического института, стал руководителем строительства первой в Баку электростанции на Байловском мысу.

Упомянем: к тому времени тридцатилетний Никитич успел накопить солидный практический опыт. А на столь ответственный пост пригласил его питерский приятель по Техноложке Роберт Эдуардович Классон. Тот самый, в квартире которого Владимир Ильич познакомился с Надеждой Константиновной. Правда, вскоре Классон отшатнулся от политики, «ушел с головой в технику», но продолжал оказывать содействие революционерам. Стараниями Красина стройплощадка электростанции постепенно превратилась в своеобразное пристанище социал-демократов, в их тайную базу.

Агентурные сведения о ней, конечно, просачивались в охранку. Но, налетая с обысками, она всякий раз попадала впросак. Красин умел действовать с размахом, и его конспирация не имела сбоев.

Да и магнаты, хозяева недавно учрежденного акционерного общества «Электросила», стремясь поскорее внедрить новый вид энергии на добыче «жидкого золота», позарез нуждались не просто в специалистах, а в энтузиастах, способных сломить инерцию, сопротивление приверженцев паровых двигателей. Подлинными глашатаями технической революции зарекомендовали себя в де-

ловых кругах царской России Роберт Классон, уже освивший две русские столицы, и его помощник Леонид Красин.

Так вот, с девятисотого по девятьсот четвертый Леонид Борисович, представитель крупнейшего в России акционерного общества, элегантно одетый — на голове котелок, стройная фигура в тщательно подогнанной тройке с блестящей на жилете золотой цепочкой от карманных часов, на ногах мягкие замшевые штиблеты — курсировал в спальном вагоне скорого поезда по служебным надобностям из Баку в Тифлис, Батум, Кутаис... А попутно он связывался с тамошними социал-демократическими организациями. Стянул к себе на стройку большую группу идейных сподвижников. Устроил статистиком Леонида Гальперина, техником Авеля Енукидзе, электромонтером Василия Шелгунова, бухгалтером Николая Козыренко, с которым раньше вел подпольную работу в Нижнем Новгороде. «Переманил» к себе, спасая от ареста, и близкого друга Алеши — Сергея Аллилуева слесарем по установке и сборке котлов. В Баку оказался и легендарный Ладо Кецховели — ему Красин помог создать подпольную типографию «Нина», где перепечатывалась и откуда разлеталась по всей стране ленинская «Искра».

Не зря Надежда Константиновна признавала Баку «основным пунктом искровской организации».

Алеша держал твердую связь с бакинцами, следовательно и с Красиным. Каких-либо документов об этой связи, донесений осведомителей в архивах царской жандармерии не обнаружено. Их нет потому, что с Леонидом Борисовичем состоялось «молчаливое соглашение»: будучи официальным руководителем крупнейшего предприятия, он не должен вмешиваться в организационные мелочи. «Его дело было только руководить нами,— объясняет Авель Енукидзе.— Он указывал всем нам место, время и способы сношения с ним. И все, чем руководил Красин, в смысле организационном, оказывалось наиболее устой-

чивым, наиболее правильным и давало наилучшие результаты. Леонид Борисович был в высшей степени точным, как часовой механизм, но вместе с тем не был педантом. Он был человеком широчайшего размаха».

Таким становился и Алеша. Ему присущи и точность и размах.

Что ж! Повторим верную русскую пословицу: «С кем поведешься, от того и наберешься».

Вскоре после II съезда Красин, кооптированный в члены ЦК РСДРП, снова появляется в Кутаисе.

Биограф близкого соратника Ильи по мемуарам современников Леонида Борисовича восстановил характерный эпизод его встречи с местными большевиками.

«В приемную частно практикующего врача входит человек средних лет. Высокий, стройный, бородка клинышком. Вежливо раскланивается с ожидающими пациентами. Садится на плюшевый стул, закидывает ногу на ногу, обутые в остроносые лакированные штиблеты с пуговичной застежкой, берет с круглого столика номер «Ни-вы», погружается в чтение.

Когда наступает очередь, входит в кабинет и на вопрос врача: «На что жалуешься?» — тихо отвечает вопросом же: «Не мог бы я повидать товарища Гургена?»

Неожиданный ответ нисколько не озадачивает врача. Он молча, обходя стороной людную приемную, проводит пациента в самую дальнюю комнату.

Здесь уже ждут несколько человек, среди которых и Гурген (на самом деле его зовут Михой Цхакая). Это центральная партийная явка «Кавказского союза социал-демократических рабочих организаций», временно, после разгрома жандармерией тифлисской организации, перенесенная в Кутаис.

Член ЦК Никитич делает информационный доклад о II съезде партии и о политической линии большинства, устанавливает связь с местным партийным комитетом».

Алеша — один из руководителей Кутаисского партий-

ногого комитета. Он слушал доклад посланца Ильича, участвовал в прениях, объявил себя большевиком, верным и стойким ленинцем.

«Из всех старых и новых товарищей выделялся, как самый революционный, самый активный, энергичный и преданный, тогда еще молодой Алеша Джапаридзе. Это с его помощью мне удалось организовать парторганизацию в Кутаисе (комитет Имеретии — Мингрелии), в селах Гурии, Рачи и Мингрелии. И что самое главное — начать работу в промышленных центрах Имеретии — Чиатуре и Ткибуле». Так скажет Миха Цхакая в скорбную годовщину гибели большевика-ленинца Алеши, как бы подводя итог его беззаветному служению партии и народу.

«Выполнял решение. Вот и все...»

Апрель, 1905 год.

Владимир Ильич беседует с Алешей Джапаридзе и Михой Цхакая в лондонском дешевом кафе, облюбованном большевиками.

Ленин приготовился слушать рассказ уже известного ему, запоздавшего на съезд кавказца. А тот смущен и счастлив этой встречей. И не знает, с чего же начать? Что всего важнее?

Вмешивается Миха. Подсказывает:

— Вот хотя бы о том, как один из членов Имеретино-Мингрельского комитета в прошлом году сколотил боевую дружину и напал на конвой с заключенными.

— Выполнил решение комитета, — скромно сказал Алеша.

А было это так: дошел слух о том, что в Чиатуре арестованы и осуждены пять революционеров. Их везут в Кутаис. Как освободить товарищей? Комитет решил организовать нападение на конвой по пути с вокзала к тюрьме. Поручили осуществить операцию Алеше. Он выз-

вал несколько партийцев-крестьян, которых хорошо знал: Ермиле Какабадзе из Кухи, Прокофия Лежаву из Ианети и еще некоторых. Боевая дружина пошла встречать поезд. Стражники с винтовками наперевес повели государственных преступников. По обочинам следом бежали ребята. На тротуарах собирался народ.

Когда дошли до Казаковского переулка, Лежава прыгнул на середину булыжной мостовой и в упор выстрелил из револьвера в урядника.

Суматоха, крики. Ответная стрельба.

Арестованные метнулись в разные стороны. Двоим из них удалось бежать.

Алеше стало опасно оставаться в Кутаисе. Он отбыл незаметно в Тифлис. Вскоре партия направила его в Баку.

— Выполнил решение, вот и все...

— Расскажи, Алеша, про «мазутную конституцию», — подсказывает Миха.

«Мазутной конституцией» называли бакинские нефтяники первый в России коллективный договор, который им, после стачки в декабре 1904 года, удалось заключить с хозяевами промыслов.

Это была крупнейшая победа. Ее начал готовить Алеша сразу же по приезде в город нефти. Он входит в состав Бакинского комитета. И одновременно работает партийным организатором в Балаханах — районе, где живут и трудятся нефтяники. Они-то его и признали и стали звать Алешей Балаханским. При его энергичном участии создается филиальное отделение партии — «Гуммет». Это своего рода кавказский интернационал. В «Гуммете» были объединены азербайджанцы, турки, лезгины, персы — все, кто причастен к добыче жидкого горючего. Как правило, на руки и спины представителей нацменьшинств взваливался самый тяжкий и неблагодарный труд — тартальщиков, грузчиков, чернорабочих. Им платили гроши, жестоко эксплуатировали.

Алеша помог наладить и оборудовать несколько под-

польных типографий. Вот уже выпускаются на разных языках газеты, листовки. Развернута сеть кружков. Установлены связи с большевистским Центральным Комитетом, с Лениным.

Все, кто приезжает на берега Каспия,— посланцы партии или ссыльные из других районов страны — подхватываются, привлекаются Алешей и активно включаются в местную партийную страду.

Как раз в эту пору большевики резко размежевались с меньшевиками. Большевикам удается вырвать из-под чуждого влияния основную массу трудового Баку.

30 ноября 1904 года уже не первая прокламация призвала пролетариев готовиться к стачке. Еще через две недели большевистские райкомы объявили о начале забастовки.

...Затихают буровые вышки. Раскрываются ворота нефтеперегонных заводов, и дружно, стройными колоннами рабочие покидают цехи, идут на соседние предприятия и промыслы, чтобы и там остановить работу. Умолкает порт. Прекращена погрузка нефти на пароходы. Обрывается телеграфная связь между Баку и Балаханами...

Всеобщая забастовка разрастается вглубь и вширь. Она охватывает промыслы и предприятия больше чем сорока фирм: Ротшильда, Нобеля, Мирзоева и еще многих поменьше, пожиже акционерами и капиталом.

Потом останавливается конка. Выходят с лозунгами и знаменами на улицу типографы. Город остается без газет. Судоремонтники солидарны с нефтяниками. Возникают многотысячные митинги, массовые демонстрации. А вожаками всюду — большевики.

Один из старейших искровцев — ленинский соратник Александр Митрофанович Стопани спешит сообщить Владимиру Ильичу о бакинских событиях. С восторгом отзыается о том, с каким успехом, неутомимо выступают Алеша Джапаридзе и Петр Монтин. Не забывает резко охарактеризовать жалкую роль меньшевиков. Вместе с

ними слабо замаскированные зубатовцы стремились потушить пожар борьбы, да ничего у них не вышло.

Вызваны войска из Тифлиса и Грозного: два стрелковых полка, к ним в подмогу еще две казачьи сотни. Спровоцированы столкновения с рабочими. Пролита рабочая кровь.

Похороны погибших превращены в могучую политическую демонстрацию. На крышках гробов лежат венки из алых цветов, увитые лентами, на которых написано: «Долой самодержавие!», «Довольно жертв!», «Да здравствует свобода!»

Заводчики, акционеры долго сопротивлялись рабочей воле. Но выдержка и организованность взяли верх. Хозяева были вынуждены начать переговоры со стачечным комитетом. 25 декабря комиссия предпринимателей пошла на уступки. Она согласилась установить девятичасовой рабочий день, оплатить дни забастовки, гарантировать не меньше половины заработка больным в течение полутора месяцев. Некоторым категориям рабочих удалось завоевать восьмичасовой рабочий день.

Новый коллективный договор от имени нефтяников подписывает Прокофий Джапаридзе.

Такова «мазутная конституция».

Владимир Ильич, конечно, знал о ней. Радовался, одобрял поведение бакинских большевиков. Знал многое и об Алеше. Ведь это он сам в разное время посыпал на Кавказ и Виктора Курнатовского, и Леонида Красина, и Александра Стопани, и Виктора Ногина, и Михаила Васильева-Южина с женой, и супругов Бобровских...

Еще в 1904 году Владимир Ильич посыпает в Баку Розалию Землячку — участницу заграничного совещания 22-х большевиков, принявших решение о созыве III съезда. В своем дамском зеркальце она сумела пронести через границу ленинское обращение «К партии». Зачитала его на конспиративной квартире, где собирались члены Бакинского партийного комитета.

Алеша первым берет слово в прениях. Решительно высказывается за созыв съезда и настаивает на том, чтобы сообщить об этом Владимиру Ильичу. Комитет единодушно принимает решение: доводы Ленина убедительны, во всем верны. Съезд необходим. И тут же Алеше поручается составить ответ, а в нем сообщить о желании бакинцев избрать делегатов для участия в предстоящем съезде.

Вскоре Ленин получил шифрованное письмо Джапаридзе: «Ваши знакомые Вам шлют привет и просят сообщить, что они прилагают все усилия, чтобы состоялось третье свидание с Вами... Здешний старший брат не унывает, а потому энергичен и добивается третьего свидания».

«Старший брат» — это доминирующие среди бакинских социал-демократов большевики, а «третье свидание» — III съезд партии. Для Алеши же это и было то самое первое и долгожданное свидание с Владимиром Ильичем.

ЛЕНИНСКИЙ КУРС

Ленинская школа. Только теперь, с огромной дистанции, можно судить о том, как важен был III съезд для всей партии и лично для Алеши. В двадцать пять лет он уже обстрелянный и закаленный боец. Изведал и аресты, и тюрьму, и ссылку. Был вожаком и любимцем бакинских пролетариев. Его знал весь Кавказ. В канун съезда благодаря его неистовой энергии, твердости, авторитету большевики сумели прекратить братоубийственную тюрко-армянскую резню. Он объединил рабочих разных национальностей в большой и дружный отряд, который прошел по Баку с лозунгами, разоблачающими самодержавие — организатора национальной розни и погромов.

Да, его мужество, идеяная убежденность, верность партии не подлежали сомнению.

А все-таки на съезде он прошел ленинский «университетский курс». Хорошее и необходимое дополнение к тому «курсу», который в ранний период его партийной деятельности он получил у ленинца Курнатовского и у других соратников Ильича.

Стоит просмотреть протоколы тех заседаний, где Алеша присутствовал и выступал, прочесть его речи и предложения, и станет ясным, как он держится ленинской позиции, старается не сойти с нее ни на шаг, ни на юту.

Жил Алеша в Уайтчепеле, рабочем районе, и, хотя запоздал на съезд, все же успел основательно познакомиться, сошелся во взглядах со своим соседом Григорием Крамольниковым — делегатом из Самары. За десять дней, проведенных ими вместе в Лондоне, они стали настоящими друзьями — водой не разлить.

Что послужило поводом? Обоим по двадцать пять. И в равной мере увлечены политикой и литературой. Одинаковы их взгляды и убеждения. Всего этого предостаточно для взаимного притяжения. Хотя и тогда Алеша замечал колебания, недостаточную твердость взглядов своего соседа.

Крамольников (на съезде с целью конспирации — Мосальский) прямо-таки восторгался работой кавказцев среди крестьянства. Особенно в Гурии, где, кстати, ярко проявилось организаторское умение Алеши. Об этом еще до его появления в Лондоне Григорию стало известно от Михи Цхакая. Во многих гурийских селах удалось образовать крестьянские комитеты, и они действовали как местная власть. Миха с похвалой отзывался о Джапаридзе, который без устали ездил по всей Гурии и Мингрелии, будоражил, поднимал крестьян на решительную схватку с помещиками, на единение с городскими рабочими.

Алешу удивляло, почему Григорий не высказывает резкого отношения к меньшевикам. Что касается самого

Алеши, то он не стеснялся и на двадцатом заседании съезда уверенно заявил от имени «твердокаменного» Бакинского комитета, что группа кавказских меньшевиков ведет себя «неприлично» и в своей соглашательской агитации применяет совершенно недопустимые приемы, дискредитируя партию.

Тогда Григорий тоже не удержался от реплики:

— Как и в Самарской губернии, как повсюду...

Пройдет несколько лет, и Алеша узнает, что свою реплику Григорий старается забыть, что подпал под влияние меньшевиков, от которых не скоро отмежевался.

Но мы забежали вперед. Вернемся на упомянутое двадцатое заседание съезда.

— В доказательство,— продолжал свою речь Алеша,— если желаете, прочитаю вам один документ меньшевиков, именующих себя «Организацией Балаханских и Биби-Эйбатских рабочих».

— Конечно, желаем! Читайте! — одновременно настаивали Ленин, Лядов, еще многие.

И Алеша ознакомил делегатов с «извещением» упомянутой выше меньшевистской организации. В нем требовалось, «ввиду того что г. Констандянц, управляющий Кавказским товариществом, уволил служившего у него десять лет рабочего Н., не выплатив в качестве компенсации двухмесячного жалованья в сумме 130 рублей», уплатить организации 1300 рублей, то есть сумму в десять раз большую. В случае же неуплаты «в течение 24 часов с момента вручения извещения, организация не остановится перед решительными действиями».

— Видите, до каких, с позволения сказать, методов дошли меньшевики! — воскликнул Алеша.

Что ж! И в Самаре знали о подобных «неприличных» выходках меньшевиков. Вот хотя бы последний факт. Они взяли в партийной кассе деньги на поездку в Лондон, а очутились на «конференции» в Женеве. В разгоревшемся пожаре классовых боев они приняли на себя не-

благовидную роль пожарников — тушили и тушат огонь ненависти к буржуазии.

Во всем до мелочей Алеша на съезде был солидарен с Лениным. Как и Владимира Ильича, его тоже радовало, что преобладают здесь, на съезде, не лидеры, а практики — комитетчики. И огорчало, что мало рабочих. Вместе с Лениным он негодовал по поводу того, что питерцы не делегировали ни одного рабочего. И восхищался тем, как Владимир Ильич, словно капитан корабля, ведет съезд по им же заранее проложенному курсу. Ведет и направляет весь ход работы на удовлетворение запросов и решение задач растущей революции.

Много раз Ленин напоминал: съезд большевиков — не парламент, а штаб партии, руководящей революционными боями.

Съезд окончен. Пора покинуть туманную и дождливую британскую столицу. А Джапаридзе хочется еще раз по-видаться с Лениным. Ему не терпится с ним побеседовать. Одному как-то неловко, и он сговаривается с Крамольниковым, убеждает его, вдвоем как-то удобней заявиться в гости к Владимиру Ильичу.

— По какому поводу наше посещение? — спрашивает Григорий.— Кому из нас начать беседу? И о чем? Жгучих вопросов уйма...

— Не беспокойся, — успокаивает приятеля Алеша.— Меня волнует другое. Сможет ли уделить нам Владимир Ильич какое-то время сразу после съезда. Ведь он с таким напряжением нечеловеческих сил руководил им. Да и Надежда Константиновна... Ей, наверное, не до приемов. На ее долю так много досталось...

Но мудра поговорка: кто не стучится, тому не открывают.

Вдвоем они, так размышляя, и не заметили, как очутились у площади Холфорд-сквер, пересекли ее и через несколько десятков шагов попали еще на одну, меньшую площадь — Персисиркус. Теперь они были у цели. В доме

№ 16 на углу этой площади в тесной квартирке верхнего этажа жили Ульяновы.

«Когда мы пришли к ним,— запечатлелось в памяти Григория,— Надежда Константиновна прежде всего заставила Алешу вырвать из записной книжки листок с адресом для связи с В. И. Лениным, а затем не успокоилась до тех пор, пока мы не заучили этот адрес...»

Вот уже гости произносят адрес наизусть, выпаливают как заученное в детстве стихотворение «Зима, крестьянин торжествуя...»

Ленин смеется:

— У Нади страсть к преподаванию. Тоскует по учебникам... Впрочем, с вами поступила правильно, одобряю.— И припомнил:— В середине девяностых прошлого века в Петербурге, когда мы взялись за организацию «Союза борьбы», во всех нелегальных кружках было усвоено одно хорошее пожелание: «Когда имеешь дело с секретными, конспиративными делами, надо говорить не с тем, с кем вообще можно беседовать, и не о том, о чем вообще можно говорить, а только с тем, с кем нужно, о том, и только о том, о чем нужно».

Владимир Ильич посчитал уместным указать, что это правило остается «на вооружении» большевиков, отменять его рановато.

— Полагаю, и теперь, через десять лет, в 1905 году, оно не устарело.

Заговорили о спорах на съезде. О ленинской резолюции с требованием вводить рабочих в комитеты.

— Напрасно не принято,— посетовал Владимир Ильич.— А спор пошел на пользу. Не сомневаюсь, рабочие будут все шире вовлекаться в организационную работу. В своей партии они должны быть и будут руководителями... Иначе и быть не может.— Владимир Ильич повторил сказанное им на съезде: — Вводить рабочих в комитеты есть не только педагогическая, но и политическая задача. Помните, как метко сказал рабочий Ювеналий Мельников:

«Важнее массу рабочих поднять на один дюйм, чем отдельного революционера — на второй этаж».

Квартирка Владимира Ильича мала и тесна, а от обилия книг и газет и вовсе, кажется, негде повернуться. Каким образом у Ленина хватало времени ежедневно просматривать двадцать газет на русском, немецком, французском и английском языках? Ни Алеша, ни Григорий этого никак не могли себе представить. Вот один из них обратил внимание на то, что на загроможденном книгами, рукописями письменном столе лежит кипа свежих гранок.

Надежда Константиновна, заметив заинтересованный взгляд молодого человека, пояснила:

— Это гранки восемнадцатого номера газеты «Вперед»... А семнадцатый Владимир Ильич успел отредактировать еще в дни съезда. Вы его застанете в Париже. Газету, как вы знаете, печатают в Женеве, и в Париже она появится раньше, чем здесь, в Лондоне.

Алеша знал, что в те же дни, когда Ленин руководил съездом, просматривал два десятка газет, редактировал «Вперед», он еще выступал на заседаниях съезда по важнейшим вопросам, сделал несколько обстоятельных докладов, подготовил почти все решения, участвовал во всех комиссиях, вплоть до мандатной. А в перерывах между заседаниями взял на себя добровольно обязанности экскурсовода.

Делегаты побывали с Лениным в библиотеке Британского исторического музея. Владимир Ильич подвел их к столу, где Маркс и Энгельс занимались изучением экономической и философской литературы; по настоятельной просьбе показал им место, где сам работал. С Лениным пришли делегаты и на Хайгетское кладбище — на нем похоронены Карл Маркс, его жена, внук, а также ставшая членом их семьи Елена Демут. Простая, скромная плита, на которой высечены даты рождения и смерти тех, кто здесь покончился. Ленин долго стоял молча, склонив голову над могилой гениального вождя пролетариев всего мира,

создателя Международного товарищества рабочих. О чем он думал? О том же, что и пришедшие с ним делегаты. Учение Маркса, его идеи продолжают жить, зовут на борьбу, ведут к победе, она не за горами...

По просьбе Алеси и Григория (к ним присоединился старейший делегат съезда Миха Цхакая) Ленин побывал с ними и в зоологическом саду, и в Национальной галерее, и в порту на Темзе...

Накопилось много впечатлений, мыслей, хотелось обменяться ими, обо всем переговорить с Ильичем. И получить как можно больше его советов. Неизвестно, сколько времени длилось чаепитие, непринужденный разговор с гостеприимными хозяевами. Какие еще проблемы были предметом их суждений? Это, к сожалению, осталось нераскрытым тайной.

Но вот Крамольников почувствовал, что все уже обговорено, выяснено и пора уходить. Да и время позднее.

«...Надо было уходить, но Алеша медлил. Он смотрел на Ленина влюбленными глазами. И вдруг спросил:

— Владимир Ильич! Мы едем отсюда через Париж. Что вы посоветуете посмотреть там из памятников искусства?

Ильич не считал себя знатоком искусства. И поэтому ему стало весело от вопроса Алеси.

Надежда Константиновна заметила:

— А вот тебе понравилась статуя Родена «Мыслитель».

— Да, да,— подхватил Владимир Ильич,— только я не скажу, почему понравилась. А вот когда я встречусь с вами, то спрошу, что вы нашли в статуе «Мыслитель» Родена?

Мы видели эту статую...»

Но состоялся ли впоследствии разговор о том, какое впечатление произвела эта скульптура, поделился ли Алеша с Лениным своим толкованием, пониманием замысла Родена?

Наверняка поделился. И, конечно, получил желанные ленинские уроки и по искусству. Тем более что Владимир Ильич тоже поехал из Лондона в Женеву через Париж. Как в Лондоне, так и в Париже он ходил с делегатами съезда по достопримечательным местам французской столицы. Показывал и Эйфелеву башню, и мировую сокровищницу живописи и скульптуры — всемирно известный Лувр. Посетили они и «Стену коммунаров» на Пер-Лашез.

Ленин старался расширить кругозор, повысить знания, пополнить запасы впечатлений особенно тех делегатов, которые до того никогда не были за границей.

«РАБОТА ИДЕТ ВОВСЮ...»

После съезда Алеша казался наэлектризованным. Получил у Ленина неиссякаемый заряд энергии. И щедро расходовал ее на множество дел.

Луны забытый член в лазури.
Все спит. Тебе ж покоя нет.
О ты, мятежный, ищешь бури,
Как будто сам — ее «Гуммет».

Это четырехстишье сочинил про своего друга Мешади Азизбеков, не постеснявшись заимствовать, чуть переиначив, лермонтовскую строку, а в следующей явно намекая на то, что «гуммет» по-русски — энергия.

Кстати, эта организация с каждым днем становилась все популярней среди рабочих-азербайджанцев, распространяя свое влияние на весь Кавказ. Вскоре у нее появились «сестры» — армянская секция, дагестанская группа «Фарук» («Поборник справедливости»). И в каждой из них Алешу, горячего интернационалиста, с полным правом считали своим руководителем.

А в самом Бакинском комитете он принял не покладая рук выполнять решения III съезда. Комитет пополнил-

ся рабочими, начала действовать исполнительная комиссия, агитация и пропаганда приобрели более действенный характер, устремленные на подготовку вооруженного восстания.

Летом пятого года Ленин получил в Женеве весточку от Цхакая о положении на Кавказе.

— Почитай, Надя,— радостно воскликнул он, передавая жене мелко исписанные странички.— Знает Миха, к кому мы неравнодушны, и в дополнение к своему письму прислал Алешино...

Надежда Константиновна стала читать вслух и, закончив: «Работа идет вовсю, приводится в порядок вся организация, и надеемся, что в скором будущем мы будем представлять из себя сильную организацию...», — от себя добавила: — Такие бы приветы от каждого из наших друзей.

В октябре того же пятого по поручению комитета Алеша организовал грандиозную демонстрацию бакинских нефтяников. В ее колонны влились рабочие Черногородского района, поднятые Петром Монтиным.

Демонстранты сумели освободить из Байлловской тюрьмы и других мест заключения томившихся там «опасных политических преступников». Стихийно возникает трехтысячный митинг. Алеша — на сооруженной наспех трибуне. Он раскрывает суть царских «милостей», разоблачает лживость и лицемерие «Манифеста 17 октября». Гремят в его речи слова, которые он же до этого написал в большевистской листовке:

— Царь своим манифестом пытается оттянуть время, чтобы самому потом обрушиться на поборников справедливости и свободы... Дешевый это товар у нашего царя, только пользы в этой дешевке нет никакой...

Наступил ноябрь. Шквал народного гнева захлестнул всю Россию. Во многих городах неукротимо, как девятый вал, надвигалось вооруженное восстание. Баку не был исключением. Алеша весь, с вдохновением отдался подго-

товке к решительному бою с самодержавием. Как писал один из биографов, он как метеор носился по городу. Из Балахан — в Черный город, из Черного города — на Биби-Эйбат... Проверял, в каком состоянии боевые дружины, кто ими командует, учат ли рабочих метко стрелять.

На одном заводе ссылались на то, что, дескать, учиться стрелять негде.

— Учиться стрелять негде? — возмущался Джапаридзе. — А кузнечный цех? А у клепальщиков? Там не только винтовочный выстрел из-за грохота не услышат, там хоть из пушек пали...

Учебную стрельбу наладили.

Алешу видели и на этих «стрельбищах», и на приемке прибывающего из Москвы и Астрахани вооружения и боеприпасов. Он подыскивал помещения для тайных складов, посыпал туда рабочих заводов и фабрик, где не хватало винтовок и патронов.

Восстание в Баку, не успев как следует разгореться, было подавлено, разгромлено. Войскам и жандармам помогли в этом черном деле дезорганизаторы, скрытно связанные с охранкой. Внешне они прикидывались защитниками рабочих, звали их к «мирному сожительству с властью имущими» и повторяли вслед за Плехановым: «не надо было браться за оружие...»

Снова повальные аресты, подняла голову черная сотня. Как Николая Баумана в Москве, в Баку, на углу Азиатской и Татарской улиц, по-разбойничи провокатор убил Петра Монтина. Бакинцы торжественно через весь город пронесли гроб с телом отважного революционера. Прощались со своим товарищем так же, как московский пролетариат с Бауманом. И в первом ряду грозного траурного шествия, среди большевистских вожаков можно было видеть Алешу Джапаридзе.

ПРИГОВОР ПРОВОКАТОРАМ

Барьеры, пропасти, преграды... Для революционера дороги не стелются коврами.

Ленин об этом знал лучше других. Его заботила подготовка к IV съезду. Он стремился сделать все возможное, чтобы кандидаты от большевиков всюду завоевывали доверие масс. Особенно в рабочих центрах, крупных комитетах.

Одним из таких комитетов был Бакинский. Тревожило Владимира Ильича то, что там подняли голову меньшевики-соглашатели, все еще пользуется популярностью среди рабочих какой-то подозрительный «Союз бакинских рабочих», образованный по образу и подобию зубатовского в Москве и злополучного гапоновского в Петербурге.

Ленин настоял перед ЦК, чтобы в помощь бакинцам послали работника с большим стажем подпольной работы, и порекомендовал Ногина.

Виктор Павлович, как позже его охарактеризовал Михаил Иванович Калинин, был живой биографией партии. Его жизнь — сплошное действие в той социальной драме, которую представляет собой борьба рабочего класса. Выходец из рабочего класса, сам текстильщик, он стал партийцем в девяностые годы, изведал тюрьмы, ссылки и ко времени первой русской революции обладал солидным опытом дерзких побегов из царских казематов и из-под полицейского надзора.

Ленин по собственной инициативе еще до личной встречи прислал ему письмо. Это произошло в девяностом, и с тех пор не прерывалась их тесная связь.

Крупская, безусловно отражая мнение Ленина, говорила о Ногине, что такие, как он, «телом и душой преданы партии, составляют ее органическую, неотъемлемую часть, для нее живут, ею дышат, ко всякому вопросу относятся с величайшей добросовестностью, никогда не покрывают душой и не покладая рук будут грести и грести, налегая

грудью на весла, пока хватит сил. Ткань нашей партии соткана из такого добротного материала. Революция вплела в нее много ярких нитей, но основу ее составляли кадры именно этих старых, надежных товарищей».

Гораздо раньше, будучи в эмиграции, Виктор Павлович приехал в Мюнхен к Владимиру Ильичу и провел с ним девять дней, после чего агентом «Искры» отправился в Россию. Здесь он связался с Бауманом и Бабушкиным, создал первый отдел «Искры» в Петербурге, был схвачен и водворен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Из крепости сослан в Сибирь. Из Сибири бежал в Женеву опять к Ленину. И снова — подполье на родине. Подготовка II съезда, руководство Николаевским комитетом РСДРП. Опять тюрьма, и опять ссылка, и опять побег в Женеву к Ленину.

Да и в пятом году он с Лениным в Петербурге, руководит военной организацией столичного комитета партии, принимает энергичное участие в работе Петербургского Совета рабочих депутатов. Как только центр первой русской революции переместился в Москву, Ногин помчался в древнюю столицу. А оттуда ЦК, по наставлению Ленина, посыпает испытанного практика в Баку.

Оформляя Виктору Павловичу документы в очередной вояж Иван Адамович Саммер (Любич).

Вот как это описано биографом Ногина:

— Знаю, Виктор Павлович, вы предпочитаете работать на новом месте с хорошим товарищем, — сказал Саммер. — Я разделяю вашу точку зрения и позаботился об этом. Думаю, вас устроит уже привычная комбинация: два Виктора.

— Радус?

— Он самый. Кажется, вы еще больше сдружились в здешней военной организации. И одобряете его кандидатуру?

— Да.

— Итак, вы — Макар, Радус — Егор Длинный. Такие

имена мы и сообщаем в Баку. По приезде войдете в комитет. Ну а где работать, на месте договоритесь с Алешей Джапаридзе.

Беснежный кавказский февраль 1906 года.

Из вагона вышли два Виктора — Ногин и Радус-Зенькович. И в полукружье большой бухты открылся им город нефтяников на лазурном берегу Каспия.

В природе начиналась весна: с голубого высокого неба щедро разливало тепло яркое солнце; легкий бриз шевелил ветви деревьев: почки уже набухли, и первая зелень собиралась пробудиться от зимней спячки.

И не кончилась еще «весна политических свобод», вспыхивала с новой силой. На каждом перекрестке экспансионные южане покупали газеты любых направлений и шумно обсуждали последние новости с севера.

На широких просторах России многим казалось, что все безвозвратно погибло в обеих столицах: Декабрьское вооруженное восстание в Москве подавлено, Петербургский Совет рабочих депутатов разогнан, каратели не жалеют патронов, в тюрьмах и ссылках гибнут люди, чья жизнь была отдана революции...

Но Макар и Егор Длинный не прогнули. Да и обстановка в Баку вселяла уверенность, что дело революции будет жить: рабочее движение не шло на убыль, конференции и собрания проходили легально. Власти держали оружие на готове, но в ход его не пускали; бурлила масса, а не «зачинщики», против которых реакция всегда знала испытанные средства — тюрьма и нагайка, Сибирь или виселица.

Встретил двух Викторов Алеша Джапаридзе, был он радушен, приветлив и не скрывал радости: в помощь ему прибыли два друга, способные проявить неиссякаемую энергию, преданные Ленину, наделенные геройской непреклонностью и самоотверженностью в служении революции.

И Алеша был им под стать.

Он рассказал, что работать придется в трудных усло-

виях. Среди нефтяников очень популярна весьма активная семейство Шендриковых: Лев, Илья, Глеб и балаболка Клавдия, прозванная «всечистой». Эта четверка организовала «Союз бакинских рабочих», от которого за версту несет полицейским социализмом...

— До прошлого года златоуст Лев Шендриков «спасал» рабочих... от большевиков наивной философией Барона из пьесы Горького «На дне»: «Господа, если к правде святой мир дорогу найти не сумеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой!» — говорил Алеша. — И «навевали» сны, уводили движение в ничто: выдвигали самые незначительные цеховые лозунги, требовали частичных уступок, восхваляли «примирительные камеры», где хозяева обманывали рабочих. А пока Лев и Клавдия шумели на митингах, Илья старался подкрепить свою политику делом. Затеял он получить субсидию от местных властей под свой «социализм». И, кажется, получил. Иначе на какие шиши построил бы он «образцовый» заводик, где должен царить мир между трудом и капиталом? Тем временем Глеб переметнулся от эсеров к меньшевикам, и те признали союз Шендриковых своей партийной организацией. И показали господа свое лицо: они сорвали лозунг о вооруженном восстании!

Алеша страстно обличал врагов:

— Ломать им хребет — вот что надо! У меня будут завтра документы: писал Илья Шендриков господину Джунковскому. Хитрый это человек, Джунковский, далеко пойдет! Он сейчас чиновник особых поручений при кавказском генерал-губернаторе, он и деньги давал: тридцать тысяч! Купил всю эту шайку! Провокаторы, продажные твари! Начинай, товарищ Макар, следствие! Под суд их, под рабочий суд! Пускай рабочие объявят им приговор.

Макар согласился, хотя впервые выпадала на его долю такая роль. До сих пор обвиняли его, то в Питере, то в Ломже, и дотошно допрашивали следователи в жандармских мундирах. Теперь следствие надо было вести ему...

Джапаридзе постарался устроить Макара на подходящую службу. Директором завода «Электрическая сила» был друг Владимира Ильича еще по «Союзу борьбы...» Василий Васильевич Старков. Он попал на эту должность благодаря протекции Красина. Теперь наступил черед Старкова. Ногина приняли конторщиком.

Виктор Павлович в контору являлся лишь за жалованьем. Все остальные дни напролет находился у буровых вышек, на городских предприятиях. Он собрал изобличающие Шендриковых материалы, и через месяц над ними состоялся публичный рабочий суд. «Следователь» сумел убедительно доказать виновность этой семейки. Взятые ими в охранке тридцать тысяч якобы «на борьбу с безработицей» ушли на приобретение собственного завода. Безработным не досталось ни гроша.

«Шендриковы — провокаторы, оплачиваемые царской жандармерией, сеют смуту, срывают стачечную борьбу» — таким было решение первого в истории социал-демократической партии публичного суда. На этом кончилась политическая карьера бакинских Зубатовых.

Ногина и Радус-Зеньковича по предложению Алеши ввели в Бакинский комитет. В нем стал ощутим перевес большевиков. Засевшие там меньшевики Андрей Вышинский и Сеид Девдариани уже не могли, как прежде, вставлять палки в колеса, чинить помехи в работе — их оттеснили на задний план.

Алеша быстро сдружился с Макаром. Разделил с ним обязанности партийного организатора в Балаханах. Вместе продолжали они создавать рабочие кружки, проводить занятия, предотвращать вспышки вражды между армянами и азербайджанцами, подогреваемой дашнаками и прочими националистами.

Они встречались ежедневно, обсуждали по ночам каждый прошедший день, намечали, что надо неотложно сделать завтра. Виктор Павлович рассказал Алеше, что Ленин в беседе с ним несколько раз с похвалой отозвался

о «мазутной конституции», достигнутой бакинскими нефтяниками. Оценил как пример пролетарской стойкости поведение руководителей стачки.

— А что, если нам возобновить борьбу за нее, за нашу «мазутную»? — предложил Алеша. — Ведь все достигнутое тогда, все, что сумели вырвать у заводчиков, они постарались забыть после спада революции. Не пора ли им напомнить — борьба продолжается?!

Мешади Азизбекову, Егору Длинному это понравилось. А Макар подхватил мысль Джапаридзе и как бы продолжил:

— Вместо «частных» забастовок, то на промыслах Ротшильда, то у Нобеля, то у Мирзоева, Мухтарова или Шибаева, давайте поднимем нефтяников на всеобщую стачку, воскресим «мазутную конституцию», за которую тебя, Алеша, еще не раз бакинцы добром помянут...

— Что ж, Макар, за дело! Напиши листовку, злую, спроси в ней, где, куда девался договор, заключенный в декабре четвертого года? По какому праву отменен девятничасовой рабочий день? В чей карман уплыла надбавка за тяжелый труд промысловиков? Почему возобновилась чехарда со штрафами?

— И школ нет, и клубов рабочих, — добавил Мешади, — обещали дворцы на бумаге, а не дали и барака в овраге...

— Напомни, Макар, и про квартирные деньги, почему перестали платить? — досказал Алеша еще один пункт, «забытый» хозяевами.

Тут же, почти экспромтом Ногин составил прокламацию, сжатую, как пар в кипящем котле, и острую, как лезвие бритвы.

«До чего хороша ленинская помощь, забота о нас!» — подумалось Алеше. Он перенимал, впитывал точно губка зрелый практический опыт других соратников Ленина. И был благодарен судьбе за каждую с ними встречу, за каждую завязь дружбы.

Где ее истоки? Каково происхождение? Откуда взялась? Алеша знал, что Владимира Ильича приводила в изумление, восторгала дружба Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом. Свежи были в памяти Джапаридзе ленинские веющие строки о ней: «Старинные предания рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе».

Но вот еще более впечатляющий — ленинский пример партийной дружбы, подобный нерасторжимому сплаву. Она возникла на той же, что и у Маркса с Энгельсом, идейной основе. В ее орбиту вовлечены люди разных возрастов, профессий, национальностей. Люди, которые, быть может, никогда не виделись, годами находились в разлуке, ждали, жаждали встречи, тянулись к ней, как Алеша и еще очень и очень многие к Ленину.

ВЕРНЫЕ КУНАКИ

Сходки, собрания — всюду Джапаридзе старался быть с Ногиным. Часто предлагал ему председательствовать на митингах нефтяников, выступать перед ними с речами на злободневные темы. И речи посланника Ильича били по самодержавию точно, прицельно, не в бровь, а в глаз, рассеивали, как порыв ветра облака, лживость меньшевистской и эсеровской словесной трескотни.

Сблизился Алеша и с Виктором Алексеевичем Радус-Зеньковичем. Вместе они были зачинщиками создания большевистской газеты «Бакинский рабочий». Существенно помог им Авель Енукидзе, который еще раньше оборудовал в укромном месте нелегальную типографию.

Так совпало, как раз Николай Кровавый разогнал I Государственную думу. Все яснее становился обман,

пустая игра самодержавия в «конституционные свободы». И Алеша попросил Радуса написать для первого номера газеты передовую статью на тему «Дума и пролетариат». В ней говорилось о том, что историю надо делать по-ленински: не ждать милостей от царя, а готовиться к его свержению. Передовую подкрепляли заметки об Октябрьской всеобщей стачке 1905 года в Баку и о героизме московских рабочих на баррикадах Пресни в вершины дни первой русской революции — в декабре. Виктор Алексеевич готовил рабочих к восстанию в Москве и принимал участие в боях.

Мешади Азизбеков дал материал о пробуждении мусульманских рабочих. Алеша собрал обстоятельную хронику местной жизни. Газета призывала пролетариат быть авангардом и знаменосцем революции.

Еще в ноябре пятого года Прокофия Апрасионовича избрали в Бакинский Совет рабочих депутатов и он, возглавив большевистскую фракцию, яростно боролся против оппортунистов, шендриковцев, захвативших руководство Советом. В начале декабря бакинские большевики избирают Алешу делегатом на Таммерфорскую конференцию РСДРП, но горячая, совершенно неотложная партийная работа не дает ему возможности ни на день отлучиться. Готовился выход «Бакинского рабочего». Начала свое существование созданная Алешей армянская секция Бакинского комитета, предстоял выход легальной большевистской газеты «Призыв», ее редактором станет Радус, но участие в ней Алеша явно ощутимо, так же как и в газете «Девет-Коч», которая выйдет сразу на двух языках — азербайджанском и армянском. Ее будет редактировать Мешади Азизбеков, а в каждом номере появятся материалы Джапаридзе.

В эту же пору Алеша прилагает огромные усилия для организации профессионального союза бакинских нефтяников. Пройдет два года, и он в «Бакинском рабочем» отметит скромную дату существования профсоюза обстоя-

тельной статьей. «Просуществовать два года у нас в настоящий момент разгула реакции, когда кругом рабочие организации умирают и насильтвенной смертью, и благодаря внутренней реакции... это немало». И он подчеркивает идеи, которые были заложены в основание профессионального союза его учредителями, «идеи единой организации всего нефтепромышленного пролетариата для борьбы с нефтепромышленным капиталом».

Нельзя не согласиться с Прокофием Апрасионовичем: «Многие помнят, в какой обстановке возник Союз. Рознь и отчуждение господствовали среди рабочих. Перегородки групповых интересов рабочих промысловых и механических, перегородки национальные, партийные и фракционные раскалывали единую пролетарскую семью на отдельные, чуждые друг другу, иногда прямо враждебные группы и группки. Интересы своей колокольни, своего прихода защищали почти для всех общие единые интересы нефтепромышленного пролетариата.

Поэтому, когда группа балаханских товарищевыкинула лозунг — единая организация всего нефтепромышленного пролетариата, этот лозунг показался очень и очень многим диким и неосуществимым... Но товарищи-учредители, веря в правоту дела, не отступили перед препятствиями и бодро и энергично продолжали начатое дело.

Результаты скоро сказались...»

Все сказанное выше можно было бы без всяких изменений внести в автобиографию Джапаридзе, если бы он ее написал. Именно он в первую очередь, как застрельщик и вожак, не отступил перед препятствиями, сопротивлением, перед неприязнью и враждой, и благодаря его усилиям профсоюз нефтяников зажил полнокровно. Свою весомую лепту внесли и Радус-Зенькович и Ногин. Дружба большевиков прежде всего сказывается в общности интересов и согласованном, целенаправленном действии при решении той или иной задачи.

Приведу страницу из книги о Ногине, показывающую отношение Алеша к посланцу Ильича и Макара к Алеше. «Охранка приставила к Макару филера. Мерзкий этот шпик едва не наступал на пятки: даже в коридоре «Электрической силы» он вел наружное наблюдение за своим подопечным. Горячие парни, сопровождавшие Макара по промыслам, особенно Ваня Фиолетов и Миша Балаханский, предлагали разделаться с ним по всем законам родовой мести. Но Макар согласился лишь на «темную», которую и устроили филеру, окунув его в яму с мазутом. Но появился новый филер, пришлось задуматься об отъезде...

Два большевика провели вместе последний вечер — Макар и Алеша.

Расставание с другом всегда омрачало Макара. Он и не скрывал этого. Алеша был достойным человеком, горячим, пламенным вожаком бакинских большевиков. И они тесно сошлись за эти полгода. И хладнокровный на вид, рассудительный Макар был очень нужен Алеше, потому что умел направить вовремя кипучую энергию своего друга.

Да и Алеша, пожалуй, лучше других оценил личные качества Макара: и то, что он прекрасный товарищ и человек большой душевной чистоты; и то, что он умел соединить с мужеством и непреклонностью революционного борца удивительную мягкость души, необыкновенную деликатность и терпимость в личных отношениях с товарищами. Да и что говорить: дружба с ним — открытая, без всякой фальши и лицемерия — была действительно в радость.

— Партия бережет вас, Виктор Павлович, и мы более не можем рисковать вами здесь, — грустно сказал Алеша. — Поднимай этот бокал за дружбу, геноцвале, и сожалею, что расстаемся! Слов нет, как сожалею! Но Ильич уже переслал указание — живым и невредимым отправить вас в Москву. Подходит пора готовить комитеты к V съезду. И не обманывает меня предчувствие — вы поедете на съезд.

— И я покидаю Баку без радости, Прокофий Апрасионович, и не скрываю этого: тут была последняя весна нашей свободы, я наговорился на митингах едва ли не на всю жизнь. Теперь каратели начнут наверстывать упущенное, берегите себя! Уходите в подполье, прячьте Ваню Фиолетова — он уже примелькался в Балаханах. Эх, и жизнь наша: только полюбишь людей, город — и уже надо сниматься с якоря... А относительно съезда — это была бы большая радость: я ведь ни на одном не был. Может, на съезде и свидимся?

— Не думаю. От нас будет Степан Шаумян. Он сейчас за границей, и ему проще. А после съезда он приедет сюда. Скажу откровенно, что нам без вас и без Радуса будет трудно. А Степану передайте привет. Он мой верный кунак и вам станет другом. Кстати, расскажите ему о наших делях в профсоюзе. Да и с меньшевиками надо как-то решать. В одной партии нам не жить. Сами вы убедились, что полгода мы воевали на два фронта: с царизмом и с этими «товарищами». Наградил же всевышний такими соратниками! Особенно противны те — истые, которые меньшевизм считают кораном, себя — правоверными, а нас — гяурами. Не пора ли кончать?..»

После этой прощальной беседы пройдет свыше одиннадцати лет. Бушующий, штормовой океан времени. Переикинем через него воображаемую переправу.

Ногин встретится вновь с Джапаридзе не на V, как ему хотелось, а на VI съезде партии. И оба убедятся — корабль былой их дружбы не потерпел крушения, уцелел. Пробился сквозь бури и штормы стольких лет жестокой классовой борьбы. Еще не причалил к желанному берегу, но близок к цели.

Любопытные подробности о второй встрече читателям предстоит узнать. А пока...

ПЕРВЫЙ КРИТИК

Тяжелая пора жестокого напора реакции. Нежданно-негаданно к Алеше прибежал Аллилуев и сообщил о приезде Степана Шаумяна. Непередаваема радость, испытанная Джапаридзе при этой встрече. Степан немного старше Алеши, успел стать на Кавказе авторитетным теоретиком марксизма, видным партийным публицистом. Он учился в Берлине, оттуда примчался в Швейцарию для того, чтобы встретиться с Лениным и сказать ему: я с вами, Владимир Ильич.

Шаумян был с Лениным и на IV, и на V съездах РСДРП. В Баку он появился для помощи местным партийцам сомкнуть поредевшие ряды, укрепить в них волю к дальнейшей борьбе. И это делалось по совету Ленина.

Так Алеша приобрел еще одного верного и преданного друга. После V съезда в столице «жидкого золота» собралась «могучая кучка» большевистских деятелей — Азизбеков, Зевин, Орджоникидзе, Саратовец, Спандарян, Сталин, Фиолетов, Шаумян. С ними Алеша готов был горы перевернуть. И разгул реакции его ничуть не поколебал. Наоборот, он утвердился в правильности ленинского пути, ведущего к окончательной и полной победе.

Степан Григорьевич Шаумян помог Алеше подготовить издание новой легальной газеты «Бакинский рабочий» (вместо прежней, нелегальной). Оба входят в ее редакцию, много пишут, редактируют, организуют материалы.

Вскоре, однако, цензура и эту газету запрещает. Но вопреки всем запретам Джапаридзе, Шаумян и Спандарян продолжают ее выпуск под названием «Бакинский пролетарий», который печатается подпольно.

Первый номер «Бакинского пролетария» вышел в свет 20 июня 1907 года. В нем большая статья Джапаридзе, подписанная «Ал. Тамарин». О чем же он пишет? О самом насущном. Подводит итоги прошлого стачечного движения, анализирует приобретенный опыт классовой борьбы

и на этой основе зовет нефтяников на предстоящую борьбу с реакцией, жестокостью и насилием властей.

«...Забастовки охватили многие промыслы, но характер этих забастовок совершенно другой, чем характер прошлых забастовок, а именно передовая часть рабочих не только сознает, что этими частичными забастовками не достигнуть удовлетворения важных и общих требований, но она выступает с этим мнением открыто перед массами».

Пока еще в статье только констатация фактов. Но следуют и выводы. Тамарин продолжает свой анализ. Он видит: рабочие заканчивают забастовки «не с подавленным настроением, не с сознанием того, что все проиграно, нет... в большинстве случаев замечается подъем настроения и рабочие сознают, что скоро должна быть общая забастовка, которая одна может разрешить все важные наболевшие вопросы в жизни местного пролетариата. Эта мысль крепко укореняется уже не только между передовыми рабочими, но и среди широких масс».

Самодержавие объято тревогой, его приводят в смятение революционные события, происходящие в Баку. Царский министр торговли и промышленности в 1908 году изрекает: «Баку — это нечто вроде кнопки электрического звонка: стоит тем или иным обстоятельствам надавить на эту кнопку, и звон и тревога распространяются по всей России».

Джапаридзе, приведя министерскую цитату в своей статье, опубликованной в созданной с его помощью легальной газете «Гудок», не без сарказма замечает: «Давление на эту электрическую кнопку с 1905 года было беспрерывным».

В другой статье Прокофий Апрасионович предупреждает: «Мы, бакинские рабочие, занимаем особое положение по сравнению с другими рабочими, мы — сила, и, если не воспользоваться нашим положением, мы уподобимся бильскому Исаву, который продал свое первородство за чечевичную похлебку».

Он зовет к превращению экономической борьбы в политическую. Видит силу бакинских рабочих прежде всего в единении. Напоминает: классовая борьба продолжается, нарастает... Ведется она под руководством большевиков, обладающих ленинским компасом.

Неотступно следил Алеша за стрелками этого компаса. Он не пропускает ни одной ленинской работы, ни одного ленинского выступления в периодике. А когда в Баку поступает книга Вл. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии», Джапаридзе не только первый ее читатель, но и первый в России критик. Восторженная его рецензия напечатана в газете «Бакинские вести» 19 мая 1909 года, буквально через несколько дней после газетного сообщения о том, что эта книга появилась и продается в местном книжном магазине.

ВСЛЕД ЗА ЛЕНИНЫМ

Еще раз оглянемся на время, в которое все вышесказанное происходит.

Реакция правила тризну по революции. Ей казалось, революционеры разбиты в пух и прах. С ними раз и навсегда покончено.

В партийной среде усиливалось брожение. Неустойчивые, запуганные царскими репрессиями, разбушевавшимся террором элементы торопились порвать с партией. Они пытались от нее подальше. Появились на свет ликвидаторы и отзовисты. Первые уверяли, что революционная нелегальная партия вообще должна быть ликвидирована. А восстанавливать ее подполье, за что с упорством и настойчивостью взялись большевики, на взгляд ликвидаторов, было делом несусветным. Утопия! Бред! Да к тому еще и реакционный.

Почему? А потому, что «чрезмерная» революционность

рабочего класса «отпугивает» либеральную буржуазию. Следовательно, в условиях «конституционной эры» вопрос о революции надо вообще снять и тянуться за буржуазией. В ее арьергарде.

Отзовисты вызывали свою унылую песенку, как будто звучавшую резким диссонансом, в противовес ликвидаторской. Но это была мнимая разноголосица. Категорическое требование отзовистов отказаться от всех форм легальной работы фактически вело к ликвидации массовой рабочей партии.

Джапаридзе и Шаумян — в гуще борьбы на два фронта с отступниками от ленинской позиции. Бакинские большевики посчитали деятельность ликвидаторов и отзовистов недопустимой и позорной.

Тут стоит обратить внимание читателей на характерный факт. Миха Цхакая, учитель и старший друг Алеши, безусловно почитаемый им, находясь в эмиграции, оказался вовлеченным на какой-то срок в стан отзовистов. И тогда ему, по настоянию Алеши, посыпается Шаумяном суровое письмо: «Кажется прямо невероятным и крайне обидным, что подобные взгляды, подобное мышление могут иметь место в рядах серьезной социал-демократической партии». Вы скажете — непочтительно по отношению к учителю, старшему другу. Нет! На взгляд Алеши, ничто — никакие приятельские отношения, ни благодарные чувства к тому, кто тебя учил и наставлял, — не способно поколебать занимаемую тобой идейную позицию, твердость веры, в данном случае веры в учение, стратегию и тактику Ленина.

Прямое тому доказательство — открытое письмо Джапаридзе к редакции троцкистской венской «Правды», опубликованное газетой «Социал-демократ»: «Наша партия в последние годы переживала серьезный кризис. Кризис этот усиливался не только бешеной реакцией, но общей апатией, подавленностью широких масс рабочих и, что еще пагубнее было, даже передовых и сознательных

рабочих. Мы уже не говорим о повальном бегстве партийной интеллигенции. И вот в это тяжелое время, когда нужно было напрячь все имеющиеся силы и отстоять нашу партию, по крайней мере сохранить и укрепить ее, часть нашей партии выступила с ликвидаторской проповедью, а другая — с отзовистской и бойкотистской. Проповедь эта лила воду на мельницу реакции и толкала нашу партию вместе с другими причинами в сторону развала и гибели». Поддерживая ленинские пути преодоления кризиса в партии, Джапаридзе с нескрываемым торжеством сообщает, что она «вышла уже из своего трудного положения; этому способствует то отрадное явление, которое наблюдается среди передовых и сознательных рабочих в последнее время, а именно: если до сих пор и они поддавались апатии и были подавлены реакцией, то в настоящее время везде передовые и сознательные рабочие самым энергичным образом взялись за партийную работу, в первую очередь за окончательное оформление партийных организаций на местах. Во многих местах уже оформлены организации, а в других это является вопросом ближайшего времени...»

Письмо Алехи звучит как отчет о проделанной работе. Но он вел энергичную борьбу с ликвидаторами и отзовистами не только как вожак и организатор, мастерски сочетая легальную деятельность с подпольной. Он активно выступает и как партийный теоретик.

Разгул реакции, натиск буржуазной идеологии породили множество капитулянтов. Они в завуалированной или открытой форме обрушились на научные основы учения Маркса. Стали в противовес ему пропагандировать идеализм и мистику. Поднимать на щит Канта, Маха, Авенариуса, проповедовать богостроительство.

Вред таких философских шатаний усугублялся тем, что не все партийцы-большевики понимали необходимость решительной борьбы с этим злом. На Кавказе тоже нашлись «примирители», которые попытались соединить

марксизм с «лучшими сторонами» махизма. Оказались они и в числе друзей Алехи. Но он ни на шаг не свернулся в их сторону. В борьбе с махизмом он был с Лениным.

«Только что вышла объемистая книга Вл. Ильина (Ленина), посвященная критике учения Маха и Авенариуса с их русскими учениками. Автор, обладающий солидным знанием философской литературы последних двух веков, достаточно знакомый и с современным состоянием естествознания, показывает самым неопровергимым образом, что эти модные «новые» направления в философии далеко не первой молодости, являются возвратом к учениям Беркли и Юма, имея за собой, таким образом, 200-летнее прошлое». Так начинается рецензия Алехи на гениальный ленинский труд.

Сжато, как натянутая пружина, дана суть книги, раскрывающей «с убийственной, редкой по ясности изложения» силой старые ошибки идеализма и агностицизма и параллельно — взгляды диалектического материализма, «останавливая все свое внимание на коренном вопросе, пропастью лежащем между идеализмом и материализмом, на вопросе об отношении бытия к сознанию».

Вот еще один абзац из той же рецензии: «Русские махисты, эмпириомонисты, эмпириосимволисты и другие, все эти г. г. Богдановы, Базаровы, Юшкевичи, Берманы и К⁰, по мнению Ленина, не усвоили себе даже учений Маха и Авенариуса, на которых они постоянно ссылаются якобы для подтверждения основной идеи исторического материализма и для дальнейшего его развития, и подносят читателю под видом марксизма настоящий, выражаясь словами автора, хлам, «нечто невероятно сбивчивое, путаное и реакционное», «бездонную пропасть самой безбожной путаницы, самого чудовищного непонимания». Боясь выступить прямо против Маркса — Энгельса, скрывая тщательно свое отступление от марксизма, они совершают настоящий поход против марксизма, истребляют диалектический материализм — под видом критики Плеха-

нова, будто бы не понимающего Маркса — Энгельса... и развивают настоящий философский ревизионизм».

И дальше, вслед за Лениным, рецензент называет Богданова, Юшкевича и К⁰ не серьезными учеными, а гоголевскими Петрушками, тургеневскими Ворошиловыми, философскими Меньшиковыми, занятыми исключительно «наездническими упражнениями против Плеханова». Они критикуют марксизм не слева, а справа. Джапаридзе повторяет крылатую ленинскую фразу: «Критика Канта нашими махистами есть критика кадетов Пуришкевичем».

Важен и вывод, к которому приходит Прокофий Апраксионович: «Хотя марксистская литература на русском языке очень богата, но появление книги Ильина нельзя не приветствовать, видя в ней прекрасное оружие против той кашицы, которой в последнее время кормят среднего русского читателя наши махисты, излагая неправильно Маха — Авенариуса и извращая совершенно учение Маркса — Энгельса».

Джапаридзе горячо рекомендует прочесть «Материализм и эмпириокритицизм», уверяет, что книга принесет большую пользу среднему читателю, не имеющему возможности самостоятельно разбираться в основных вопросах философии, которые в ней прекрасно изложены. Таким же, как сам рецензент,— не преминул он заметить — «знакомым с марксизмом по первоисточникам, давно уже ясны реакционные потуги Маха — Авенариуса и их русских последователей».

Одна небольшая рецензия. Но каким глубоким знатоком философии, твердо стоящим на ленинских позициях, предстает перед нами ее автор. И какой тесной, неразрывной видится его духовная общность с Ильичем.

От мальчика — «серебряная вода», с неосознанной еще отвагой поднимавшегося по заросшим мхом ступеням древнего храма, чтобы доказать беспочвенность суеверий, до убежденного большевистского трибуна Закав-

казья, сказавшего в феврале 1915 года от имени будущего горячее слово над гробом Церетели,— таков путь, пройденный за четверть века Прокофием Апрасионовичем Джапаридзе.

«ЖИЗНЬ МОЯ!»

В рассказе невозможно проследить весь путь человека, чья жизнь не знала ни минуты покоя. Даны лишь фрагменты, выявлены, высушенены отдельные эпизоды. Это не портрет, а контуры к нему, этюдные наброски.

До Февральской революции на счету прославленного большевика-подпольщика шесть арестов, два побега, около семи лет заточения за решетками острожных казематов и в тюрьмах без стен и решеток, какими были места ссылок для «особо опасных государственных преступников».

Прокофий Апрасионович в этих каторжных условиях сумел не только сохранить бодрость духа, волю к революционному действию, но и беззаветную любовь к своей матери Анне Прокофьевне, жене Варваре Михайловне, двум дочуркам — Люции и Елене.

В скользь, непростительно мало внимания уделено в этом повествовании и Варо, жене Прокофия Апрасионовича. По сути, она лишь упомянута. А достойна быть и тут рядом с Алешей, как это было на самом деле.

Смолоду, точнее, со школьной скамьи устремилась она вслед за Алешей в пучину революционной борьбы. Да, сильно полюбила его. Полюбила на всю жизнь. Но осталась преданной не только их взаимной любви, сильному чувству материнства. Она была соратницей Алеши. Его незаменимой помощницей и другом, убежденной, преданной большевичкой. Когда надо — разносила прокламации, выполняла самые опасные задания в подполье. Однажды сумела организовать подмену Алеши Джапаридзе и Мартына Лядова, посаженных в Баиловскую тюрь-

му,— обоим грозил суровый приговор — на двух молодых рабочих, якобы по ошибке взятых жандармами. В другой раз подкупила жандармского полковника (деньги дал Мешади Азизбеков, заложивший свой дом со всем имуществом) и добилась замены предстоящей Алеше каторги на высылку за пределы Кавказа. Понадобилось, и она сопровождала Алешу, делегированного на III съезд, до Петербурга: у него был поддельный паспорт на имя грузинского князя, а она выдавала себя за княгиню. В Питере Варо занималась пересылкой на Кавказ подпольной литературы, с нетерпением поджиная возвращения мужа. И вместе с ним приехала в Баку. В четвертый раз сама отправилась по добной воле с дочерью Еленой к мужу в вологодскую ссылку, чтобы его не удручало одиночество. В пятый — достала паспорт и деньги, вклеила в обложку Евангелия и послала в дальнюю енисейскую ссылку, где томился Алеша. Помогла, таким образом, его побегу.

Прокофий Апрасионович был превосходным семьянином. Не переставая заботился о своих близких. Каким же образом сочетались в одном лице неугомонный боевик, мятежный подпольщик, профессиональный революционер и беспредельно любящий сын, муж, отец?

Излишне заниматься поисками ответа. Его дал Прокофий Апрасионович в письмах к родным. И поныне несомненна их нравственная и педагогическая ценность. Право, стоит пристальней присмотреться к недюжинному опыту воспитания в семье Джапаридзе. Тут есть что воспринять, чему следовать. Удивительная теплота взаимоотношений царила в ней. Теплота эта не остывала при любых обстоятельствах. Алеше нередко приходилось украдкой пробираться в свой дом, ради того чтобы взглянуть на дочурок, обменяться с ними несколькими фразами и вновь исчезнуть из виду.

Люция и Елена с малолетства становились конспираторами поневоле. Им строжайше запрещалось кому-

либо упоминать об отце, о встрече с ним: приходилось опасаться осведомителей, шпиков, рыскавших повсюду.

Письма Алеша. Они дышат поэзией и оптимизмом, хотя часто он писал их в сугубо прозаических, невероятно тяжелых, прямо-таки жутких условиях. Но ни в одной строчке не найти стона или вздоха. Отсутствует какая-либо попытка вызвать у адресата чувство жалости или сострадания. Напротив. Узник всячески старается успокоить свою семью. Тон его писем мажорный, уравновешенный и даже не лишенный улыбки, юмора.

Быть может, не случайностью объясняется и тот факт, что первое дошедшее до нас письмо Прокофия Апрасионовича Джапаридзе — к матери. Оно было послано из вологодской ссылки, из города Великого Устюга, в июле 1911 года.

«Три дня не дают удостоверения, поэтому пишу письмо маме и прошу передать», — обращается Алеша к одному из сводных братьев. Слово «мама» для Алеши звучит свято. Она вынесла много невзгод и горя из-за сына-революционера. Ему она кажется похожей на мать Ленина. Мужественно сносит удары судьбы, не перестает верить в правоту сына. «...Сейчас я совершенно свободен и письма получаю свободно, — бодро сообщает матери Прокофий. — Только меня выслали... так же, как и раньше, из Баку в Россию. Только теперь еще дальше, в северную губернию. Больше ничего. Если я вам написал открытку, то это потому, что я только недавно выпущен с этапа (меня этапом везли из Ростова. Больше месяца возили по тюрьмам и дорогам). И поэтому я был без денег... Одним словом, причина была экономическая, а не политическая. А сейчас ничего, немножко устроился. Из казны ссыльным дается ежемесячно восемь рублей, а дворянам — одиннадцать рублей... Оказывается, — слукавил Алеша, — наше правительство не только полицейским и своим чиновникам дает пенсию, но и одаряет революционеров. Поди и не взлоби такое правительство, но, если сказать по-нашему, по-ра-

чински, я так его люблю, как тех, кто вас проклинает и желает вам зла. Конечно, это не пенсия, а, как говорится по-русски, кормовые. В общем,— продолжал Алеша,— самочувствие сносное, хотя здесь я, конечно, больше ощущаю оторванность от родственников и друзей. Тем более, что жены и детей со мной нет...»

А вот другое письмо к матери, уже из тюремной одиночки: «Дорогая и любимая мама!.. Мамочка моя, твои полные слез глаза будут сопутствовать мне, и ты сама догадаешься, как это подействует на меня. Ты ведь знаешь, я не люблю жаловаться вслух на невзгоды и ношу их молча в сердце. Лишь твои хорошие письма могут поддержать меня, иначе одолеют думы о тебе. Дорогая мама, будь молодцом. Бывай чаще с моими детьми...»

Жену, Варо, он предупреждает: «...буду писать по-русски, не хочу, чтобы мама читала. Помимо того, главное, что меня угнетает,— ты знаешь, о чем я думаю,— меня очень беспокоит судьба матери. Я замечаю, что она совсем упала духом, и это в высшей степени пагубно отзовется на ее здоровье. Я боюсь, что ее не увижу больше. Если не ободришь ее и в твоих отношениях не будет теплоты, ее совсем доконает горе. Поэтому моя просьба, по возможности почаще и подольше пусть будет с вами, т. е. с тобой и детьми...»

«Жена и дети! Жизнь моя! — Только так почти все письма к жене начинает Алеша.— Я хорошо себя чувствую. Нас сопровождает один стражник.— Это открытка с очередного этапа.— Идем свободно. Ночуем в крестьянских домах. Обо мне не беспокойтесь. Быстрее пишите письма. Жду с нетерпением письма и весточки от вас...»

Этап не кончен. Узников гонят дальше, а Джапаридзе уже замышляет побег. «Моя хорошая!.. От Енисейска до моего села около трехсот пятидесяти верст. Но мое село оказалось приличным селом — там жить можно, а если же вам удастся что-либо предпринять, чтобы мне не пришлось здесь жить, так это будет совсем хорошо».

Из письма в письмо переходят строки: «...обо мне не беспокойтесь. Едем хорошо, если так будем ехать дальше, то скоро приедем. У меня два хороших спутника...» (29 июля 1915 г.). «...Я хорошо себя чувствую» (28 сентября 1915 г.). «Только морозы, морозы сильные, ниже 40°. Но я чувствую себя молодцом, не беспокойся обо мне, клянусь тебе, переношу морозы прекрасно...» (19 ноября 1915 г.). «Я чувствую себя молодцом... а буду еще лучше чувствовать, когда прибуду в свою деревню... А мотаться мне пришлось довольно долго на этот раз — с 20 июля почти до 20 ноября... Но «она все же вертится», все же жив я, живы мои мысли, надежды, вера и энергия...» (9 декабря 1915 г.).

Все это весточки со столбовой дороги на каторгу. Дороги унылой, под неусыпным полицейским конвоем. Четыре месяца везли и гнали пешком узника в Сибирь. У него начиналась цинга. Оторванность, изолированность от всего мира тяготили, мучили, угнетали с каждым часом все сильней и сильней. Надо было обладать исполинской волей, чтобы одолевать и болезнь, и все превратности пути, и леденящий холод...

Дошел не согнувшись. Не потерял веры. Неутоленная жажда борьбы укрепляла его уверенность в грядущей победе. И по-прежнему, как пятнадцать лет тому назад, когда Прокофий впервые объяснился в любви гимназистке Варо, дышат любовью и нежностью его письма к ней. Варвара Михайловна, или, как ласково ее называли, Варико, Варенька, оставалась в течение всей жизни Алеши Джапаридзе его единственной, его возвышенной любовью. «Что меня беспокоит? — пишет он 22 февраля 1916 года из Сибири. — Твоя отдаленность от меня. О чем мечтаю? Когда же обниму и расцелую мою любимую. Мое духовное состояние? Сложное, моя дорогая, но твой образ вырисовывается на первом плане».

Где бы он ни был, буквально всюду жива в нем мечта и надежда встретиться с женой. «Жизнь моя, мечта моя! —

пишет он 10 апреля 1916 года из Енисейска.— Почему я не с вами, чтобы прижать к груди тебя и наших двух девочек и радоваться всем вместе?»

Забота о дочерях, их воспитании и нравственном облике не перестает волновать Алешу. То он видит Люцию и Елену во сне, то мысленно ведет с ними беседу, хотя оторван от них на тысячи верст. 9 ноября 1915 года он обращается в письме из села Богучаны Енисейской губернии к дочерям: «...а папочка все думал и думает о вас; часто видел я вас во сне, но хорошо не мог разобрать сны. Помню, что вы целовали меня много, обнимали обе, что-то рассказывали, перебивали друг друга...»

В день рождения Люции отец шлет ей из заснеженной сибирской дали горячее поздравление. Оно звучит, как песня: «Моя любимая дочь, моя надежда, моя мудрость. Живое свидетельство моей первой любви!!!

Моя любимая дочь — это не требует объяснения, это и ты понимаешь. Моя надежда — во многом ты надежда, — поэтому назвал тебя Люция. Когда ты родилась, я был полон надежд, моя хорошая девочка, и от тебя ожидаю многоного. Ведь постараешься оправдать мои надежды? Прошу тебя, постараися!

Моя мудрость! Твое второе имя София — это греческое слово и означает мудрость. Вот почему ты должна быть моей мудростью...»

Отца не перестает интересовать учеба дочерей. «Мои дорогие дочурочки Люция и Елена!.. Напишите, как вы учитесь, ходите в школу, сердится ли мама на вас или нет, если сердится, то за что, и обо всем. Если мама сердится зря на вас, — шутя роняет он, — то я ей задам... А сейчас, когда вы читаете мое письмо, поцелуйте маму за меня крепко и, если сегодня ссорились между собой, помиритесь ради меня. Напишите мне и о том, как провели лето, где и хорошо ли было вам...»

В предыдущую, вологодскую, ссылку к Прокофию Апрасионовичу приезжала Варвара Михайловна с Люцией.

Он уговорил жену поехать в Москву на Высшие педагогические курсы, а сам организовал негласную, скрытую от глаз начальства школу для детей ссыльных, учили их грамоте, приохотил к чтению. Вернувшись в Грузию, Люция благодаря занятиям в отцовской школе сумела поступить сразу во второй класс гимназии, в которой стала учительницей Варо. И в тот короткий срок — от приезда из Великого Устюга домой до ареста и ссылки в Сибирь — Прокофий Апрасионович сочетает напряженную работу в подполье с всемерной помощью семье.

«Стоит ли говорить, как отец любил семью, — вспоминая свое детство, делятся со мной Люция и Елена. — Он старался, как мог, облегчить наше положение. Иногда вместе с мамой проверял ученические тетрадки, готовил ей конспекты занятий. Отец, как мы можем судить по рассказам матери, его друзей, по нашим собственным, пусть детским впечатлениям, был не только отважным революционером, но и прекрасным педагогом, рассказчиком, он замечательно читал стихи, хорошо стрелял, играл в шахматы — словом, был очень разносторонним и интересным человеком».

Что это именно так, служат подтверждением сибирские письма Джапаридзе, уже частично приведенные выше. В них он просит жену разыскать и прислать ему по почте «За 12 лет» Ильина (то есть сборник статей Ленина), учебник шахматной игры, «Витязя в тигровой шкуре», книги на немецком языке. Он посыпает в грузинскую печать статьи и даже работает в сапожной мастерской. Рад тому, что в свое время в школе был обучен этому ремеслу. «А какой я замечательный сапожник!!» — восклицает он в одном из писем. Но больше всего в них уделяется внимание детям. «Порадуйте меня хорошей учебой. Если не буду получать хорошие известия о вашей учебе, то буду огорчен и опечален». Вскоре опять: «К празднику жду отметки Люцико, и я распишусь на них. Если отметки будут неважные, рассержуся».

В каждом детском письме отец не пропускает ни одной ошибки. «Дорогая девочка,— пишет он Люции,— уверен, будешь хорошо учиться и будешь читать книги. Буду надеяться, моя хорошая Люцико, что, когда увижу тебя, ты обрадуешь меня тем, как много усвоила в мое отсутствие. Немного неприятно мне, что ты так неаккуратно пишешь, но ничего, в будущем исправишь свой почерк. Но плохо, что у тебя несколько ошибок; ты не сердись, моя славная дочурка, но я выпишу их, чтобы ты больше не ошибалась. Выпишу на отдельном клочке бумаги, не хочу портить мое письмо».

В нем и отцовский совет: «...заведи дневник, записывай в этой тетради... что твое внимание будет привлекать из жизни в школе, дома, о книгах, которые ты будешь читать, и т. д.»

Когда Люция ответила отцу согласием, он поспешил ей сообщить: «Дневник ты будешь вести, хорошо, целую за это,— только веди аккуратно. Никаких других наставлений не буду давать — ты уже большая и сама теперь должна знать, как вести себя...»

«Нет, папочка, я еще не большая, посоветуй, пожалуйста, как писать», — настаивает дочь. И следуют советы, которые и теперь верны и полезны. «Присмотрись к природе, описывай некоторые замечательные места. Присмотрись к природе рано утром, когда природа и люди ожидают, в полдень и вечером и т. д.» «Посещай крестьянские дома, присмотрись к обстановке, образу жизни; описывай это отдельно, опиши даже внешность отдельных лиц — женщин, мужчин, детей, записывай их слова, описывай их работу».

Через детей Джапаридзе посыпает письмо племяннику. И настоятельно советует: «Люби труд — труд делает человека человеком... Читай книги, занимайся, учись и работай».

Бот в чем видел он счастье своих и всех детей на свете.

РАССТАВАНЬЯ НЕ БЫЛО

В июле 1917 года Алеша Джапаридзе — снова посланец бакинских большевиков, уже на VI съезд партии. Он едет в Питер со своим другом, тоже бакинцем, тоже с мандатом на съезд, Юсуфом-заде Ага Баба.

Вагон плацкартный, но постепенно заполняется пассажирами, больше всего солдатами, возвращающимися из госпиталей. Забиты купе, люди заняли верхние полки для багажа, сидят на узлах в коридоре.

Поезд тянетя лениво, отыхает на каждом полустанке. Друзья ведут между собой неторопливую беседу.

— А знаешь, Юсуф, — спрашивает Прокофий Апрасионович, — почему Варо стала учительницей?

— Захотела и стала. Между прочим, очень хорошо учила нас в Балаханах русскому языку и литературе.

— Нет, — отрицательно качает головой Алеша. — Это я ее заставил из вологодской ссылки поехать в Москву, поступить на Высшие педагогические курсы, а потом создавать школы для нефтяников и преподавать в них. Мне захотелось, чтобы моя жена была похожа на Надежду Константиновну Крупскую, которая тоже учила рабочих.

— Тогда скажи, Алеша, зачем ты, как мне кажется, настоящий мужчина, а не женщина, в четырнадцатом стал членом «Общества распространения грамотности среди грузин»? И секретарем «Тифлисского общества народных университетов»? Тоже захотел походить на Крупскую?

— Нет, Юсуф. Смотри в корень. Небось читал мою статью о народных университетах? — Джапаридзе смеяется шутливый тон на серьезный. — Я попытался сформулировать принципы организации курсов для рабочих. Пусть там преподают на разных языках — русском, грузинском, азербайджанском, армянском, осетинском. Рабочие разных национальностей таким путем будут все больше и больше сближаться... Культура пролетариату

необходима, как хлеб и соль. Овладеть ею можно только при поддержке всего народа, при бескорыстном участии в этом передовой интеллигенции. Учебники, по-моему, должны быть на уровне самых передовых идей времени. Проникнуты духом интернационализма, чтобы воспитывать в учениках свободолюбие. А учитель в классе только помогает ученикам. Побуждает их к самодеятельности. Весь класс должен принимать участие в беседе, и все должны свободно высказывать свое мнение, мысли...

— Ты, Алеша, даже не заметил, как сейчас прочел целую лекцию. Поверь мне,— Юсуф приложил руку к сердцу,— ты прирожденный учитель! Грузинский Ушинский! Ушинский, отстаивающий ленинские взгляды на педагогику!

Юсуф-заде, конечно, не только знал, но и принимал участие в той беспощадной борьбе с буржуазным национализмом, которую вел Джапаридзе. Знал и о его стремлении сделать достоянием всех народов России русский язык и литературу, которая подвергла критическому анализу все стороны «темного царства». Это Прокофий Апрасионович в свое время обратил внимание Юсуфа на статью Ленина «Нужен ли обязательный государственный язык?», написанную вождем большевиков в самом начале 1914 года. В ней Владимир Ильич прославляет язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, говорит, что он «велик и могуч». И что большевики стоят за то, «чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку». Через некоторое время Юсуф обнаружил ту же ленинскую фразу, повторенную Прокофием Апрасионовичем в одной из его статей. Да, он крепко держался ленинского взгляда.

Собеседники немного помолчали. И опять Алеша к другу:

— Ты рад, Юсуф? Понимаешь, куда едем?

— Ай, Алеша, мне больше лет, чем твоим обеим дочерям.

— Дочки... Жалко, мне бы надо их захватить с собой. Познакомил бы с Ильичем. И Варо тоже... Скажу тебе по секрету, почему Варо вышла за меня замуж... Нет, не скажу. Сам догадайся. Как думаешь, почему?

— Деятельный, горячий джигит... Ай, Алеша, будь я женщиной, ты бы, кажется, и меня пленил.

Оба хохочут. Потом Алеша, желая огорочить друга, выпаливает:

— А полюбила меня Варо все-таки знаешь за что? Была убеждена: из меня в конце концов выйдет... трагический артист.

— Артист? Какой артист?

— Представь себе, Юсуф. Играли на сцене. И не кого-нибудь, а Карла, одного из двух братьев в пьесе «Разбойники» Шиллера. Карла!!! И смотрели меня не родственники, а публика. И билеты брали не пригласительные, а платные. Зрители покупали их за деньги. Правда, сборы шли не актерам студенческого кочевого театра, а в пользу нашей организации. Мы ездили из одного города в другой... А однажды после третьего действия «Разбойников» Варо забежала за кулисы, нашла меня, и все стало ясно.

— Преувеличиваешь, Алеша, значение своего артистического дарования,— возразил Юсуф.— Варо стала раньше отважной революционеркой и уже по родству душ — твоей верной спутницей в жизни.

— Вот я и говорю, что дальше мне не было никакого смысла играть на сцене. Чего хотел, сполна добился.

Опять друзья хохочут. А на душе у них кошки скребут. Едут в Питер на съезд. А состоится ли? На каждом вокзале гремят медные трубы духовых оркестров. С помпой и с шумом встречают раненых фронтовиков. Экзальтированные дамы и гимназистки в накрахмальных передниках подхватывают под руки калек. Какие-то субъекты в котелках произносят патриотические

речи: война до победного конца... Революция будто захлебнулась, застряла на полпути.

Полицейские в форме, но без кокард и даже с красными бантиками рыщут по перрону, за кем-то следят, кого-то вылавливают.

Поезд наконец трогается с места, беседа между друзьями продолжается.

— Знаешь, Юсуф, почему мою старшую зовут Люция?

— Знаю, из какой-нибудь пьесы, наверное, героиня...

— Нет, не знаешь. Совсем не угадал. Мы с Варо сговорились заранее: будет мальчик, назовем его Рево. Родится девочка, назовем ее Люция. А если двойня — значит, и в стране, и в моем доме появится, закричит молодыми голосами Рево — Люция.

Теперь уже не только они вдвоем — смеются соседи, хохочут весь вагон.

На станции Рязань Юсуф-заде побежал за кипятком, а вернулся с «Социал-демократом» — газетой московских большевиков.

— Вот это да, настоящий кипяточек! — Алеша вслух читает заголовки. — А вот и статья Ленина!

— А кто его видел? Кто знает Ленина в лицо? — спрашивает крестьянин, сидящий для верности не на скамье, а на своем тугом мешке.

— Я его видел, знаю, — отвечает Алеша.

И захватывает всех своих слушателей в полон рассказом, который длится до самой Москвы. А если бы путь вдвое, втрое длиннее, начни он беседу о Владимире Ильиче от самого Баку, хватило бы этой темы и до Питера.

Виделись они в пятом, а сейчас семнадцатый. Но у Алеши ощущение: разлуки и не было. Помнится, на III съезде он сказал с упреком о том, что очень мало литературы для крестьян. Имеется на русском языке только одна брошюра Ленина. Не успел Джапаридзе, что называется, прийти в себя после съезда, как получил известие: встречайте гостью.

Прибыла из Женевы жена Васильева-Южина, Мария Андреевна. Передала Алеше подарок от Владимира Ильи-ча. Изящную корзинку. Раскрыл и нашел в ней... дамский корсет. Оказалось, что корсет этот особенный. Сшит по последней моде. А под его подкладкой имеется литература, напечатанная на папиросной бумаге...

1908 год. Разгул столыпинской реакции. Джапаридзе во главе бакинского профсоюза нефтяников. По его инициативе начинает действовать Совет уполномоченных от рабочих для предъявления требований хозяевам промыслов. Это был настоящий рабочий парламент. В нем заседали до четырехсот человек. Они открыто осуществляли программу-минимум партии. Совету удается поднять нефтяников на массовую стачку.

Знает и об этом Владимир Ильич. Пишет с высокой похвалой о мужестве бакинцев. И ленинская похвала в полной мере относится также к Джапаридзе: «В 1908 г. во главе губерний с значительным числом стачек стоит бакинская с 47 тысячами стачечников. Последние могикане массовой политической стачки».

В одном из своих писем к Степану Шаумяну Владимир Ильич и Надежда Константиновна с волнением спрашивают: «Что с Алешей, как его здоровье, чем занят?»

Шаумян ответил на конспиративном «наречии»: «Дорогие дядя и тетя!.. Вы спрашиваете про Алешу. Он был в Тифлисе, несколько месяцев тому назад заболел, сейчас он выехал лечиться к Авелю. С ним в компании я устроил хорошую пекарню в Тифлисе, которая работает и может оказаться очень прибыльной. Там сейчас работают братья Алеши, хорошие ребята».

Надо ли объяснять, что «пекарня» — это типография. А «братья» — большевики, подготовленные Джапаридзе для выпуска подпольной литературы. Сам же Алеша «заболел», иными словами выслан туда же, куда и Авель Енукидзе, то есть в Енисейскую губернию.

Три примера, их можно приумножить. Где бы ни был

Алеша — в ссылке на Дону, или гораздо дальше, в Вологде, или еще дальше, у Енисея,— все равно Владимир Ильич не перестает интересоваться его судьбой и делами.

...Наконец-то после долгой разлуки предстоит долгожданная встреча.

На первой странице газеты «Социал-демократ» — обращение к делегатам, которые из разных городов России направляются на съезд. Указан и адрес явки: бюро Выборгского райкома.

— Значит, съезд состоится... Красный Выборгский район зовет нас открыто и мужественно к себе,— ликует Алеша. У него бодрое и радостное настроение.

УВЕРЕННОСТЬ ВНУШАЕТ ЛЕНИН

В Москве и Питере он встречает много старых друзей. Тех, с кем довелось ему в 1907 году в Баку выпускать легальную большевистскую газету «Гудок». Мощно и призывно звучал он на всю Россию. И тех, кто вместе с ним в четырнадцатом в Тифлисе, на горе Давида, призывал народ превратить империалистическую войну в гражданскую. И тех, кто издавал и редактировал с ним «Бакинский рабочий» — любимую газету нефтяников Каспия. И тех, кто боролся за объединение профсоюзов, создавал в Елизаветполе и других городах нелегальные типографии, печатавшие на разных языках сотни тысяч листовок и прокламаций,— они распространялись по всему Кавказу и соседним краям.

Его узнают солдаты, встречавшиеся с ним в Трапезунде, где он руководил работой большевиков в действующей армии. Создавал партийные организации в каждой воинской части на Эрзерумском и Персидском фронтах.

А вот еще одна приятная встреча уже на съезде. В ходе прений по отчетам Центрального Комитета поднялся на

трибуну Виктор Павлович Ногин. Значит, и он здесь, Макар, посланец Ленина в Баку.

И до чего было приятно слушать Алеше речь Ногина. Он громил Преображенского и еще некоторых делегатов, голосовно утверждавших, будто ЦК не стал главным руководящим органом партии, не давал политических установок по кардинальным вопросам развития революции, в возможность победы которой они не верили.

Кто же, как не Ленин, ЦК, посыпали на Кавказ и в другие края самых надежных своих представителей? Искровцы-большевики, основатели и организаторы партии появлялись в самые острые моменты, включались в подпольную работу, их помощь была своевременной и ценной. Да вот хотя бы в Баку — тот же Ногин, и Землячка, и Дубровинский, и Красин, и Шлихтер — всех, протянувших руку помощи бакинцам, перечесть не хватит пальцев и на двух руках.

Алеше показалось, что Виктор Павлович сквозь поблескивающее пенсне взглянул на делегатов, увидел его среди них и улыбчивым ясным взглядом своих умных, проницательных глаз словно призвал в свидетели. Джапаридзе с места воскликнул:

— Все правильно!

С нетерпением дождался Алеша перерыва. Поспешил в правую сторону зала, где расположились тесной группой делегаты-москвичи.

Виктор Павлович поднялся навстречу, протянул обе руки:

— Вот, видите, Алеша, мы и повстречались с вами на съезде.

— Но не на пятом, а на шестом...

— Не будем сводить счеты, — смеясь, перебил бакинца Ногин. — Среди своих считаться не полагается. Да и гораздо радостней на шестом, чем на пятом. Опрокинуто самодержавие, ближе к победе.

Они стали вспоминать общие дела и общих знакомых по Баку. Им на это не хватило перерыва. И после вечернего заседания вместе уходили, продолжая беседу.

Оба были согласны в понимании того, что война стала мировой. В нее вовлечены не только европейские государства, но и США и Китай. Капиталистам нужна мировая бойня, чтобы предотвратить назревшую революцию в России. Империалисты Антанты лезут из кожи вон, стараясь закабалить российский пролетариат, подчинить себе Россию. А меньшевики и эсеры вторят западным социал-шовинистам. Видно, им интересы доморощенных и иноzemных капиталистов куда дороже пролетарской революции.

Возможна ли она в России?

— Наверное, возможна,— высказал свое предположение Ногин,— но с трудом верится мне, что так близка. Пока еще до нее не допрыгнуть, далековато...

— А мне верится, близка! — воскликнул убежденно Алеша.

Они поспорили. И, расставаясь, так и не пришли к общему мнению.

— Съезд нас рассудит,— с уверенностью произнес Ногин, обрывая спор.— Надеюсь, там мы не разойдемся...

Съезд рассудил по-ленински: социалистическая революция — самый верный выход из империалистической войны и экономической разрухи. Необходимо «напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки» рабочими и беднейшими слоями крестьянства.

Перед последним, пятнадцатым заседанием съезда Алеша в разговоре с Ногиным упомянул о Юсуфе-заде, своем друге, бакинском делегате, представителе «Гуммета». Юсуф намерен выступить и рассказать об этой организации.

— Слыхал, процветает ваше детище «Гуммет», — с похвалой отозвался Ногин.

— По-прежнему она спаяна с Бакинским комитетом,— не без гордости произнес Алеша и добавил: — Но нуждается в помощи и внимании.

— Об этом должны все узнать.— Виктор Павлович посоветовал: — Вы, Алеша, выступите тоже. Многим делегатам кажется, что «Гуммет» подобие «Бунда», который втягивает трудящихся евреев в националистическое болото... Я-то знаю, что это не так. В многоязычном Закавказье такой партийный филиал, как «Гуммет», целесообразен и необходим.— И настойчиво: — Выступайте, поддержу вас...

Юсуф, с заметным акцентом южанина, не находя быстро подходящих русских слов и поэтому будто заикаясь, все же сумел обстоятельно доложить съезду суть «Гуммета». И то, зачем эта организация создана, какова ее роль в Закавказье.

— Еще раз приветствую вас, дорогие товарищи,— волнуясь заключил азербайджанец,— глубоко надеюсь, что партия, а мы составная ее частица, окажет нам поддержку и помочь. Еще раз напоминаю: на очень трудном и ответственном участке мы находимся, ведем борьбу...

Вслед за Юсуфом взял слово Ногин. От имени всех делегатов он приветствовал представителя Закавказья, и в его лице товарищей мусульман, входящих в партию. Зал отозвался гулкими аплодисментами.

Виктор Павлович рассказал о своем пребывании в Баку в бурную пору первой русской революции. Как раз тогда начинал «Гуммет» овладевать массой рабочих-мусульман, распространять среди них социалистические идеи. Он предложил съезду выразить пожелание вновь избранному Центральному Комитету оказывать всемерную поддержку «Гуммету»: и материальными средствами, и литературой, и пропагандистами...

Делегаты единодушно проголосовали за это предложение.

На трибуне появился Алеша. Говорил с особым воодушевлением, с запалом. Есть уже решение о помощи «Гуммету», и временем необходимо дорожить. Однако он посчитал необходимым хотя бы коротко, в нескольких фразах показать, зачем «Гуммет» понадобился большевикам на Кавказе и что не зря он существует под своим особым названием.

— Ни в коем случае не подумайте, что у нас в партии появился второй «Бунд». С самого рождения и до сих пор гумметисты слиты с нами воедино, руководит ими Бакинский комитет, все партийцы-мусульмане входят в общепартийные организации. Под нашим руководством проводится вся работа, издается газета на нескольких языках, гумметисты ведут агитацию и пропаганду среди рабочих разных национальностей на их родном языке... Кказанному добавлю: «Гуммет» оправдает ваше доверие. Он будет самоотверженно защищать коренные интересы рабочих-мусульман, объединит их с революционным пролетариатом всей России.

В конце этого заседания закрыть съезд президиум поручил Ногину.

Бодрый, жизнерадостный, помолодевший Виктор Павлович напомнил делегатам:

— Как бы ни была мрачна обстановка настоящего времени, она искупается величием задач, стоящих перед нами — партией пролетариата, который должен победить и победит...

«Такую уверенность всегда внушает нам Ленин», — подумал Алеша, глядя на своего старшего друга.

На какие-то мгновения в сознании мелькнул давний эпизод. В Баку на одном из митингов во время выступления Ногина в него пытался выстрелить провокатор. Стоявший рядом рабочий сильным ударом сбил наемника с ног, отобрал пистолет. Алеша сказал тогда Макару: «Комитет не вправе вами рисковать». Охрана была усиlena, приняты необходимые меры предосторожности. Уберегли близ-

кого соратника Ильича, и вот теперь, через двенадцать лет, он напутствует по-ленински делегатов:

— Вперед! За работу, товарищи!

Уже все знали: Виктор Павлович избран в ЦК, как и предложенный Алешей Степан Шаумян.

Алеша мог быть удовлетворен своим участием в съезде. Вначале его избрали в мандатную комиссию, расширился круг партийных связей, знакомств, со многими он обменивался опытом, выступал, горячо одобрил принятый партией курс на вооруженное восстание. И что оказалось приятной неожиданностью — его тоже избрали в состав ЦК, одним из восьми кандидатов, вместе со Стасовой, Ломовым, Скрыпником и другими крупными деятелями партии.

Лишь заветное его желание еще раз увидеться с Лениным не сбылось. Владимир Ильич вынужден был находиться в глубоком подполье и оттуда руководил работой съезда.

В своем очерке о съезде, опубликованном в трех номерах «Бакинского рабочего», Алеша с горечью и гневом писал: «На первом легальном съезде партии пролетариата в «свободной» России нет того, который всю свою жизнь посвятил, не щадя ничего, созданию действительно классовой партии пролетариата; нет того, который давно является признанным вождем революционной социал-демократии у нас, а со времени войны — лучшим вождем передового международного пролетариата; нет того, который почти на всех съездах нашей партии был лучшим и искусным руководителем — председателем... Нет Ленина — все чувствуем, что ему принадлежит председательское место, многие не удерживаются и произносят проклятия по адресу виновников его отсутствия».

Да, Алеша по-сыновнему любил Ильича...

Еще в Москве на перроне Николаевского вокзала, перед отъездом в Петроград, Джапаридзе встретился с группой кронштадтских матросов. Нашелся среди них и знаком-

мый, бывавший в Баку. Он по «путевкам» Алеша вел беседы с нефтяниками о событиях в Кронштадте, Петрограде.

— Будете в Питере, Алеша, загляните на пару деньков к нам,— пригласил матрос.

— За приглашение спасибо. Но боюсь, свободных деньков не окажется. А у балтийских моряков побывать давняя моя мечта.— И с улыбкой пропел: — Мечты, мечты, где ваша сладость!..

Нежданно-негаданно делегатам объявили: желающие могут совершить экскурсию в Кронштадт. Желающих набралось столько, что вместо одного едва разместились на трех пароходах. К делегатам присоединилось много рабочих выборгских и сестрорецких заводов. Играли духовые оркестры. Пели революционные песни.

После того как сошли на берег, стихийно возник грандиозный митинг. Среди других попросили выступить и Алешу. Ему редко доводилось говорить перед таким скоплением народа: не меньше пятнадцати тысяч.

— Кавказцы с молоком матери впитывают любовь к свободе,— начал он, предельно напрягая голос.— За свободу мы бились всегда в первых рядах революционной армии. Но на этот раз пальму первенства мы уступаем вам, товарищи питерцы и кронштадтцы. Вы составляете передовой отряд нашей армии. Ваш мощный удар разгромил самодержавный строй не только в Питере, но и по всей громадной России. Мы думаем и убеждены, что впредь вы будете также идти во главе новой русской, еще более Великой революции...

С мыслью о близкой социалистической революции возвращается Алеша в Баку.

Очень многое здесь недосказано, пропущено. Недорисован портрет верного ленинца, обладавшего пламенным сердцем и неукротимым мужеством.

Всего несколько месяцев прошло со времени VI съезда большевистской партии до победного сигнала «Авроры».

Точнее — меньше трех месяцев. Казалось, они не миновали, а промелькнули, промчались вихрем в водовороте событий, в сумятице политических страстей.

А у Алеши каждый день, каждый час, каждая минута этих долгих месяцев кануна Октября были на счету, как у солдата на передовой линии огня, в непрерывном и жестоком бою.

Прямо с бакинского вокзала он вместе с Юсуфом-заде появился в городском комитете партии. Их ждут с нетерпением друзья. Тут же принимается решение — незамедлительно созвать городскую партийную конференцию. Пусть Алеша доложит обо всем, что было на съезде, какие были споры, какие решения приняты.

Один из биографов Джапаридзе со слов очевидцев передает настроение участников конференции: «Появление на трибуне Алеши — делегата съезда, кандидата в члены Центрального Комитета было встречено присутствующими восторженно. Долго ему не давали говорить».

Более двух часов продолжался его яркий, живой, необыкновенно эмоциональный рассказ и о ходе съезда, и о том, как незримо на нем как бы присутствовал Ленин. Все резолюции съезда, Алеша был уверен, подготовлены, подсказаны большевикам Владимиром Ильиничем.

— Это мы, делегаты съезда, высшего органа партии, запретили Ильичу явиться на суд, затеянный врагами революции с целью расправы над вождем пролетариата... Нам надо решительней бороться с контрреволюционерами всех мастей — эсерами, меньшевиками, мусаватистами, дашнаками... Бороться за завоевание власти рабочими и беднейшими крестьянами...

Алеша наизусть передал содержание решения съезда, в котором завоевание власти пролетариатом признано единственным способом действительно демократического прекращения чуждой трудящимся, изнурительной и кровопролитной мировой империалистической войны.

Заключал свой доклад Алеша развернутой программой борьбы бакинцев за победу социалистической революции. А когда эта программа была одобрена, он с головой окунулся в ее осуществление.

Вскоре созывается Кавказский краевой съезд большевиков. И опять на трибуне основным докладчиком — Алеша. И опять его выступление нацелено на быстрейшее проведение в жизнь ленинского плана по завоеванию власти.

Джапаридзе единодушно избирают в руководство краевого комитета, дополнительный груз важных и неотложных дел ложится на его плечи.

«АЛЕШУ... АЛЕШУ... ЕМУ ДОВЕРЯЕМ!»

В городе нефти устанавливается Советская власть. Вместе со Степаном Шаумяном, Иваном Фиолетовым, Мешади Азизбековым, Яковом Зевиным и другими большевиками Алеша Джапаридзе становится во главе героической Бакинской коммуны.

Бакинская коммуна, окруженная со всех сторон врагами, жила 98 дней.

«По картинам и историческим источникам я имел представление о заседаниях Парижской коммуны. Но Бакинская во много раз превосходила ее по бурям и кипению страстей. Я застал коммуну в критические дни. Бригады, посланные в уезды, не добыли продовольствия. Город без хлеба. Свирапствуют преступные элементы, спекулянты. Кто же возглавит в такое время снабжение населения продовольствием? Кому доверит коммуна этот важнейший и решающий пост?

Нужен был человек с кристально чистой совестью и громадной энергией организатора. Человек, способный на чудо!

Когда Степан Шаумян попросил у присутствующих на заседании называть кандидатуры, со всех сторон, как взрыв бомбы, раздался гром голосов:

— Алешу... Алешу... Ему доверяем!

Ничто уже не могло остановить и утихомирить эту разбушевавшуюся стихию. Зал успокоился только тогда, когда на трибуне появился сам Алеша.

Он попросил собрание не возлагать на него этой новой и тяжелой обязанности.

— Я не в состоянии справиться... Перегружен. Руковожу Бакинским Советом. Нарком внутренних дел. Веду партийную работу... Не оправдаю доверия, сил не хватит.

Зал загремел в ответ:

— Оправдаешь!.. Хватит!.. Другого не хотим!..

Наконец он согласился. Очевидно, другого выхода и не было.

Зал ответил раскатами аплодисментов, возгласами одобрения, восторга. В этом хаосе звуков, криков, хлопков одно звучало совершенно явственно и четко: безграничное доверие бакинского пролетариата к нему, Алеше, доверие и надежда, что с ним любая беда может быть преодолена».

Страницей этого письма, любезно присланного из Тбилиси свидетелем и участником коммуны С. Кавтарадзе, хочется закончить рассказ об Алеше — верном ленинце, любимце кавказских рабочих, одном из двадцати шести бакинских комиссаров.

Жизнь Прокофия Апрасионовича Джапаридзе уже вошла в поэмы и романы, о ней сложены песни и легенды и ее не перестанут воспевать. Доблесть этого рыцаря революции, его самоотверженность будут всегда приводить в пример грядущим поколениям.

Кажется, у Горького, перед которым преклонялся Джапаридзе, есть такое выражение: человек, обнявший много жизней. Это можно сказать и об Алеше. Он погиб за дело народа в тридцать восемь лет...

РОЖДЕНИЕ НОВОГО МИРА

(Иван Губкин)

У планеты суть —
движенье,
У вселенной суть —
безмерность,
Солнца суть — тепло,
горенье,
А у человека —
верность!

...При свидании с Губкиным я просил его обращаться прямо ко мне, когда есть что важное.

В. И. Ленин

...Перед собою я увидел милого, простого товарища, как-то сразу сумевшего так подойти ко мне, что все страхи прошли. Я увлекся беседой, чувствовал, что Ильич слушает меня с большим интересом.

И. М. Губкин

ЖАЖДА ЧУДА

Как это все произошло?

Как пришел Губкин к Ленину?

Почему решил он во что бы то ни стало добраться до него, находясь за тридевять земель, на другом — далеком и чуждом русской революции — американском континенте?

Ведь тогда, весной 1918 года, дорога из Нью-Йорка в Москву измерялась не только огромным расстоянием в целое полушарие, тысячами километров. Не только долгим, в несколько недель, путешествием по воде и сухе, на пароходах и поездах.

Требовалось еще недюжинное мужество, готовность рисковать своей жизнью. Да, это был настоящий риск, и далеко не каждый мог на него отважиться: поплыть из Америки в Россию, пренебречь опасностями и превратностями тяжелого пути.

Четвертый год бушевала первая мировая империалистическая война. Атлантический океан вскипал и вздымался не столько от бурь и штормов, сколько от разрывов бомб и орудийной канонады. Баталии враждующих флотов не затихали.

Многие европейские порты были блокированы немец-

кими подводными лодками. Пробиться любому судну сквозь эту блокаду, проскочить через густую сеть минных заграждений и благополучно добраться до союзной или нейтральной пристани — такое считалось подлинным чудом.

Губкин рискнул. Он жаждал чуда. Он устремился в Россию наперекор всем препятствиям и препонам.

Существовали еще и другие, гораздо более важные измерения. Убежденность в правоте пролетарской революции. Вера в нее. Твердая вера и неколебимая уверенность в том, что она победила окончательно и навсегда.

Раздавшийся с Невы выстрел «Авроры» он воспринял как позывные, адресованные и лично ему.

Скорее домой, на родину!

Там его ждет непочатый край работы — горячей, наущной, необходимой революции, освобожденному народу.

Кем же был Иван Михайлович Губкин? Беглецом из царской тюрьмы, ссылки или каторги? Подпольщиком, нашедшим спасение за океаном от преследований шпиков и жандармов? Большевиком-эмигрантом, закинутым судьбой на чужбину и дождавшимся свободы?

Ничего подобного. Всего за три месяца до свершения Октября, в августе 1917 года, деловая Америка встретила Ивана Михайловича как желанного гостя, с подобающими почестями. Он прибыл сюда во главе делегации специалистов, посланных Временным правительством Керенского в «союзную страну» для изучения опыта по добыче и переработке нефти и угля.

Беспартийный инженер Губкин чурался политики, сторонился ее. Разведка природных сокровищ, поиски «черного золота» — вот его стихия. Открытия в этой области справедливо снискали ему широкую известность в ученом мире, среди отечественных и зарубежных промышленников.

Так что же в нем переменилось?

Что с ним произошло?

ОДАРЕННОСТЬ И УПОРСТВО

Неказистые хатенки словно вперевалку с боку на бок сбегали к мелкой речушке Теше, притоку Оки. Во всем Муромском уезде, кажется, не было более нищего села, чем Поздняково. Оно не росло — некуда. Кругом болота. Худосочные наделы не в состоянии были прокормить крестьянские семьи. И почти все мужики пробавлялись отхожим промыслом.

В семье такого отходника, Михаила Ивановича Губкина, осенью 1871 года родился пятый ребенок — сын Иван. Он унаследовал от отца твердый как кремень характер. Бурлацкого племени, он с детства крепко знал, чего хочет, к чему стремится.

Дед, впряженный в лямку, тянул вверх по реке барки и беляны. А внук, хоть и не с бечевой, но тоже пошел против течения.

Единственным во всем роду одолел грамоту. А через двадцать пять лет — четверть века! — выбился-таки к заветной цели: стал геологом.

Сейчас кажется просто смешной и нелепой такая длинная дорога «в люди». В нашей стране теперь избираются и двадцатипятилетние академики.

Стоит, однако, не забывать, что было другое, злое время. Оно погубило немало самородков, щедро наделенных талантами. Рабочие, крестьяне, так называемое пристонародье, «кухаркины дети», часто из-за материальной нужды не могли доучиться, были «вечными студентами».

Иван Михайлович Губкин пробился. Его природная одаренность счастливо сочеталась с упорством потомственного бурлака и несгибаемой волей.

Экзамен за курс классической гимназии он сдал экстерном весной 1903 года, будучи уже тридцатидвухлетним отцом семейства, единственным кормильцем, которому не легко доставался хлеб насущный.

Петербургский горный институт Иван Михайлович за-

канчивает в канун своего сорокалетия — ныне в таком возрасте многие справляют юбилеи плодотворной инженерной и научной деятельности.

Подумать только: в сорок лет на Кубани (куда он прибыл вести геологическую разведку) ему впервые удалось увидеть выбивающуюся из-под земли нефть! Ту самую, маслянистую, густую и черную жидкость, которая полонила его и заставила как бы все начинать сначала.

Все же ему грешно было жаловаться. По сравнению с другими он мог считать себя обладателем выигрышного билета в лотерее, где разыгрывалась его судьба.

— Жизнь была столь коварна и жестока,— говорил он впоследствии,— что я до последней минуты не верил, попаду ли в Горный институт. Поэтому я одновременно держал экзамен и в электротехнический. Мне посчастливилось попасть в Горный, но ведь мог попасть и в электротехнический; даже добившись высшего образования, я стал бы тогда посредственным электриком... Сколько таких неудачников я перевидел в старое время! С большим напряжением, теряя силы и годы, они, казалось, достигали цели, но неумолимое течение уносило их к противоположному берегу.

Он добрался, по образному выражению поэта, «к берегам Желандии, на Вообразильские острова». Очень быстро преуспел. Нашел затаенные в недрах моря нефти. Создал свои методы разведки, подкрепил их совершенно неожиданными теоретическими обоснованиями. Внес в науку о нефти настолько значимый и весомый вклад, что его хватило бы на защиту самых высоких степеней целой дюжине ученых.

К началу 1917 года его уже настолько хорошо знают и дельцы и специалисты «нефтяного мира», что Временное правительство сочло необходимым именно ему, а не кому-то другому доверить руководство своей делегацией в Америку.

В СКРОМНОЙ КВАРТИРКЕ НА ПЕСКАХ

Есть и другая, как бы малоприметная и в то же время весьма существенная линия жизни Губкина. Для того чтобы выяснить ее, проявить возможно рельефней, начнем издалека. Вернемся в девяностые годы прошлого столетия.

...Петербург. Осень 1893 года. С берегов Волги, из купеческой Самары, переселился на берега Невы Владимир Ульянов. Потянуло поближе к рабочим, а Петербург уже тогда не только порфироносная столица с прекрасными дворцами и парками, но и крупнейший промышленный центр России.

Второй, трудовой Питер — на заставах. Здесь свои «дворцы» — производственные корпуса с закопченными окнами. Серые безликие дома, заселенные мастеровым людом, чьими руками создаются станки и машины, речные и морские суда. Заводские гудки трубят по утрам сумбурной разноголосицей. Но те, кого они зовут на очередную смену, хорошо знают голос своего предприятия.

Невский проспект и по ночам сияет огнями. А на окраине тускло, сумеречно и в солнечный полдень. Нависший над нею полог клубящихся дымов не могут рассеять даже порывы штормового ветра Балтики.

Но как раз тут, у застав, на окраине, зреет светлое будущее — растет и крепнет авангард пролетарской борьбы.

Вот почему сюда устремился двадцатилетний Владимир Ульянов, заручившись в Нижнем Новгороде адресами молодых столичных марксистов.

Его старшая сестра Анна лучше кого-либо другого знала эту начальную пору Владимира — осень и зиму его петербургского новоселья. «...У Владимира Ильича было мало знакомств. Он сошелся с кружком технологов (студентов Петербургского технологического института.—Л. Д.), группировавшихся вокруг братьев Красиных, с которыми связался через Нижний Новгород, затем позна-

комился с несколькими сознательными и активными рабочими...»

Мы знаем всех участников кружка Техноложки и фамилии рабочих, с которыми сблизился Ленин, когда он еще был для них Николаем Петровичем, молодым пропагандистом молодого в нашей стране пролетарского учения — марксизма.

Студенты-технологи и раньше, до появления Ульянова, пытались расширить горизонты кружка, наладить связь с рабочими, распространить свое влияние на заводские воскресные школы, проникнуть в другие учебные заведения. Но делалось это очень робко. Круг их политических друзей оставался узким.

Владимир Ильич взялся по-настоящему раздать его вширь. Придать всему необходимый размах. Подготовить объединение групп и кружков в единую организацию — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Одновременно он повел теоретические споры с либеральными народниками (так называемыми «друзьями народа», которые опаснее открытых врагов). И с «экономистами» (считавшими рабочих не подготовленными, не способными вести политическую борьбу). И с «легальными марксистами» (охотниками ревизовать это учение, выхолостить из него классовую суть).

Нелегкий спор. Главным образом потому, что и те, и другие, и третьи, пользуясь возможностью открыто выступать в печати, клеветали на социал-демократов, всячески запугивали трудящихся, затуманивая их сознание.

А революционеры были лишены возможности открыто и прямо защищать свои убеждения в легальной печати.

Сейчас, за далью, даль давно минувшего легко обозревается. Позиции политических группировок яснее таблицы умножения. И правота Ленина подтверждена революцией — решающим итогом борьбы.

История раскрыла свои страницы потомкам.

А тогда? Современникам девяностых прошлого века?

Ой, до чего же остро им не хватало ясности! Особен-
но не посвященным, не подкованным в теории, путаю-
щимся в вопросах философии. Прежде всего ясность необ-
ходима была революционной молодежи. Верных путей
никто пока еще не проторил. Путей в ту дальнюю даль,
сквозь которую предстояло еще добраться, дойти до штур-
ма Зимнего. И дальше — до наших дней. Кипели жаркие
споры.

Позвольте, а при чем тут Губкин? Он-то, наверное, был
далек от всех этих политических споров. Не вникал в них.
Не интересовался ими. Его и в Петербурге еще не было.
Приедет позже с единственным и неуемным желанием —
учиться.

Все это так. Однако не будем торопиться. Еще раз вер-
немся к той первой ленинской осени в Петербурге. Загля-
нем в скромную квартиру на Песках. В ней поселились
студенты Степан и Любовь Радченко. Пока это единствен-
ная супружеская чета в узком кругу друзей и приятелей.
Кстати, их пригласили молодожены в гости, на вечеринку.

«Народу собралось довольно много,— свидетельствует
участник «вечеринки». — Кроме старых знакомых были и
новые для меня лица».

В числе этих новых лиц — Владимир Ульянов. Он
«сидел в тени, в сторонке, у окна, вдали от большого
чайного стола», за которым находились почти все осталь-
ные. Но чай остывал в стаканах. А внимание гостей сосре-
доточилось на обсуждении реферата «О рынках». После
многих попросил слово Ульянов.

Люба легонько толкнула локтем соседку: «Оглянись,
черноземная сила». Подруги так окрестили девушку, пы-
щащую здоровьем: пунцовые щеки, копна волос, как лен:
от них словно исходила свежесть полевого разнотравья.

Аполлинария Якубова отвлеклась от спора, обернулась
к окну и, взглянув сверкающими карими глазами на того,
кто начал говорить, тут же мысленно упрекнула себя, поче-
му оказалась такой невнимательной. Сразу узнала брата

своей близкой подруги Ольги. С нею она познакомилась и крепко сдружилась в Бестужевке.

Милая Оля! С какой легкостью Аполлинария нашла с ней общий язык. Буквально во всем: и в поведении, и во взглядах на жизнь. Кажется, одинаковыми были их девичьи мечты, и грэзы, и даже сны. А взаимоотношения — теснее, чем у родных сестер. Обе жаждали овладеть серъезной специальностью. Тянулись, как железо к магниту, к высшему образованию. Хотели чувствовать себя независимыми. Добиться равного с мужчинами и духовного и материального положения в обществе. И чтобы само общество стало единением равных. Не делилось на богатых и бедных, на власть имущих и обездоленных. В этом тоже между ними царило согласие.

Обе поступили на физико-математическое отделение в девяностом. Весь учебный год почти неразлучны. Из аудиторий — в предоставленное им общежитие курсов (дом № 39 на Девятой линии Васильевского острова).

В их комнате всегда полно подружек. Оля охотно помогала многим готовиться к экзаменам, решать сложные задачи, разбираться в химических формулах. А сама удивляла всех какой-то стоической работоспособностью.

У нее было много увлечений. Хорошо играла на рояле. Изучала иностранные языки — английский и шведский. Запоем читала классиков. Все эти увлечения начались в гимназии, что, однако, не помешало, напротив помогло, Оле окончить ее с золотой медалью. Да и в Бестужевке она по праву считалась одной из лучших курсисток.

Брат Оли, Володя, приезжал в Питер первый раз осенью девяностого. Ему предстояло сдавать экзамены за весь курс юридического факультета университета. Комнату снял себе на Тучковской набережной. Много времени тратил на подготовку по каждому предмету и поэтому лишь изредка появлялся у Оли. А когда появлялся, не хотел и минуты пробыть в общежитии, буквально утаскивал сестру на воздух. Погуляют и расстанутся.

Аполлинария помнит невыразимую радость, с какой Оля, бывало, делилась с нею успехами любимого брата. «Володя сдал два экзамена отлично». «Сдал третий, опять отлично»...

Не довелось Якубовой с ним тогда познакомиться. Совершенно неожиданно Оля заболела брюшным тифом. Ее не стало. Володя возвратился с матерью в Самару, оба подавленные постигшим горем.

С тех пор прошло два года. Всего-навсего два года. А перед Аполлинарией уже не прежний Володя, а Владимир. Очень веселый, порывистый в движениях, с хитринкой во взгляде.

Все слушают Ульянова с глубоким вниманием. С колечками рыжеватых волос вокруг значительно открывшейся, как у Сократа, куполообразной головы, он выглядит старше своего возраста. Речь его убедительна. И одновременно покоряет искренностью.

Разговор о природе и значении рынков, об их влиянии на развитие капитализма в стране не смогли закончить в один вечер, хотя гости покидали квартиру молодоженов в поздний час.

Выяснилось, не все еще успели прочитать тетрадь с конспектом на тему диспута,— в ней реферат Германа Красина и замечания Владимира Ильича. Условились, что в ближайшее время диспут продолжат, но в другом месте.

Аполлинария предложила:

— Давайте соберемся в нашем общежитии. У меня с Зиной Невзоровой приличная комната, поместимся. Расположена она в углу коридора. Пройти к нам легко незамеченными...

— Особенно тем, кто там живет,— в шутку заметил Владимир Ильич. Все рассмеялись. А он подошел к Аполлинарии, протянул руку: — Я о вас много хорошего знаю от Оленьки...

В начале ноября, как и условились, в общежитии Высших женских курсов состоялось продолжение диспута.

К Зинаиде Невзоровой, между двумя занятиями социал-демократического кружка технологов, приехала из Нижне-го Новгорода сестра Софья. Аполлинария настояла на том, чтобы сестры жили вместе, а сама переселилась в другую комнату. Но дружба осталась по-прежнему крепкой. Не одну, а теперь уже обеих сестер с Аполлинарией, как говорится, водой не разливь.

Наверное, потому, что «ведущей осью» дружбы была Аполлинария. О ней Софья отозвалась с искренним востор-гом. Нам важен этот отзыв потому, что Аполлинария чуть позже встретится с Иваном Губкиным, эта встреча, несом-ненно, скажется на формировании и его взглядов, поведе-ния.

«В яркое морозное утро 26 октября 1893 года я приеха-ла в Питер... меня весело встретила сестра Зина. Поехали на Васильевский остров, на Малый проспект. Зина жила со своей однокурсницей — Аполлинарией Якубовой. Чу-десный была человек Аполлинария. Умница, стойкая, ре-шительная, необыкновенно правдивая. Неискренность была совершенно чужда ее кристально чистой натуре. Работала она страшно много...»

На масленицу Владимира Ильича пригласил на блины инженер Роберт Эдуардович Классон. Блины, конечно, ради конспирации.

Сюда попала и молодая учительница Надежда Круп-ская. Она впервые тогда увидела Владимира Ильича. Ей, признаться, этого хотелось. Друзья говорили о нем много хорошего. Очень хвалили за глубокое знание марк-сизма. Вот ей и довелось стать свидетельницей того, как он громил поборников «малых дел».

«Речь шла о путях, какими надо идти,— восстановли-вая картину спора, писала Надежда Константиновна.— Общего языка как-то не находилось. Кто-то сказал, кажет-ся Шевлягин, что очень важна вот работа в комитете гра-мотности. Владимир Ильич засмеялся, и как-то зло и сухо звучал его смех — я потом никогда не слышала у него такого смеха:

— Ну что ж, кто хочет спасать отечество в комитете грамотности, что ж, мы не мешаем.

Надо сказать, что наше поколение подростками еще было свидетелями схватки народовольцев с царизмом, свидетелями того, как либеральное «общество» сначала всячески «сочувствовало», а после разгрома партии «Народная воля» трусливо поджало хвост, боялось всякого шороха, начало проповедь «малых дел».

Злое замечание Владимира Ильича,— заключает Надежда Константиновна,— было понятно. Он пришел сговариваться о том, как идти вместе на борьбу, а в ответ услышал призыв распространять брошюры комитета грамотности».

ПРИОБЩЕНИЕ К РЕВОЛЮЦИИ

Почти в одну пору с Владимиром Ильичем, двумя годами позже, но с иными намерениями прибыл в Петербург Иван Губкин. Он собирается стать учителем. Сыну бурлака грезилась геология, но заработка учителя казался ему прочней и надежней.

Он поступил в Учительский институт. И совершенно неожиданно его подхватила революционная волна.

«Вскоре после моего приезда в Петербург мне пришлось участвовать в панихиде по Добролюбову. В годовщину его смерти студенты высших учебных заведений обыкновенно собирались на Волковом кладбище на панихиду. Это были своего рода демонстрации, которые обыкновенно разгонялись полицией. И на этот раз наше собрание на Волковом кладбище было разогнано». Так началось, по словам самого Губкина, его приобщение к революции.

На обратном пути с демонстрации, сидя на империалие конки, прислушался к рассуждениям и спорам студентов. Одни были сторонниками Бакунина и Сен-Симона. Другие энергично отстаивали учение Карла Маркса. Кто же прав?

— А ты сам уразумей,— сказал ему приятель по землячеству, с которым они жили на Десятой линии, в пресловутом дешевом Львовском доме, где селились неимущие студенты и курсистки.

Иван познакомился с произведениями социалистов, с «Капиталом» Маркса. Вошел в комитет грамотности. И даже стал одним из его энергичных поборников.

«Я возглавлял группу студентов и студенток Высших женских курсов, которые занимались разработкой анкет, собранных комитетом грамотности, о положении народной школы и народного учителя в то время.

Это дало мне возможность расширить круг моих знакомств и быть более или менее в курсе всех общественных и политических течений того времени. Не ограничивая свою деятельность учебой и работой по анкетам, я охотно принял предложение заняться преподаванием в рабочих школах на Шлиссельбургском тракте. Район Шлиссельбургского тракта был тогда одним из наиболее мощных пролетарских центров.

Здесь я преподавал русский язык, а кроме того, часто выступал в рабочих театрах с чтением стихов Никитина, Омулевского и других поэтов. Эти стихи встречали большое сочувствие среди рабочих».

Надо же быть такому совпадению. Как раз тут, за Невской заставой, в воскресной рабочей школе преподавала Надежда Константиновна Крупская, учениками ее были Иван Бабушкин, Василий Шелгунов, многие участники ленинских кружков. Все они вошли в «Союз борьбы».

Знал ли об этом Губкин? Несомненно. Но его больше привлекала просветительская роль воскресных школ. Видимо, он находился под сильным влиянием тех, кто группировался около Роберта Классона, Шевлягина...

Нельзя сказать, что и его, Ивана Губкина, не заметили будущие искровцы. Курсистка Аполлинария Якубова познакомилась с Иваном Михайловичем и попыталась перетянуть его в боевой стан истинных революционеров.

«По ее поручению,— вспоминал Губкин,— мною совместно с П. К. Куликовским и еще одним товарищем, фамилию которого я теперь забыл, была организована конспиративная квартира на углу Малого проспекта и Шестой линии Васильевского острова. Здесь нами... проводилось печатание на mimeографе прокламаций...

А. А. Якубова... передавала мне уже готовые восковки с набитым на них текстом прокламаций, которые мы и размножали. Делалось это обычно так: мы с Куликовским учились вместе в Учительском институте. Встретившись с ним, я говорил: «Приду вечером чай пить» или: «Приду готовиться по алгебре». — «Ну хорошо», — отвечал Куликовский, зная, в чем дело. Наступал вечер. В десять или одиннадцать часов я являлся к нему с восковками. Комнату мы снимали в квартире, окна которой выходили на крышу соседнего небольшого завода. Прислуга была латышка, малоразвитая и плохо говорившая по-русски. Она не понимала, что мы делаем. Прокламации, которые печатали мы, относились чаще всего к рабочим определенных предприятий и касались конкретных злободневных вопросов: снижения заработной платы, увольнения рабочих и т. д...

Хорошо ли мы сами разбирались во всех политических вопросах? Пожалуй, нет.

В рабочем движении тогда шла борьба между революционной линией Владимира Ильича и так называемыми «экономистами». Как известно, представители экономического направления группировались вокруг газеты «Рабочая мысль».

Так вот, первый номер «Рабочей мысли» мы напечатали на нашем mimeографе и понимали это как наш революционный долг».

Иван Михайлович старался быть полезным подполью. Его старания засекла полиция. Внесла в список «неблагонадежных», подлежащих надзору. Неусыпно следила за ним. Бывало, нагрянет ночью с обыском. А он и в самом

деле был неблагонадежным. Не только сам печатал листовки, но и помогал налаживать подпольные типографии, ремонтировал mimeографы, охотно выполнял рискованные поручения. И глубоко сочувствовал тем, кто поднимался смело и дерзко против самодержавия.

А все-таки идеейной твердости Губкин не выказал. И чувствуя это, не в силах убедить своей аргументацией, преодолеть его колебания, Аполлинария Якубова решила прибегнуть, как ей казалось, к крайней мере. Пусть Иван Михайлович встретится с Ульяновым, пусть побеседует с ним. Она была уверена, что все его сомнения после такой беседы с Владимиром Ильичем отпадут, рассеются как утренний туман с восходом солнца.

Непредвиденное стечние обстоятельств помешало уже обусловленной встрече. «Союзу борьбы» был внезапно нанесен серьезный удар. Владимир Ильич и его близайшие соратники были арестованы и заключены в тюрьму.

Иван Михайлович вскоре отошел от подполья. Испугался полиции, тюрьмы? Нет! Его увело от активной борьбы совсем иное. Он посчитал революционную работу помехой учебе. Уверил себя, что наука требует отрещения от всего остального. Ей надо отдаваться целиком и полностью, без остатка.

Как жестоко он заблуждался. И как после сожалел о своем заблуждении.

ВСЕ ДОКАЗАЛ — НИЧЕГО НЕ ДОСТИГ

— Я очень рано полюбил науку и дал себе зарок: войду в нее хозяином,— говорил он часто своим однокашникам по Горному институту, куда поступил после Учительского, чувствуя непреодолимое влечение к геологии.

Увы! Он вскоре убедился в том, что сама наука не была себе хозяйкой. Она попала в полон. Плоды открытий при царизме принадлежали заводчикам, фабрикантам, банкирам.

Еще «зеленый», начинающий геолог, он постиг и светлую радость научного творчества, и терпкую горечь многих разочарований.

Стартовал он в стремительном темпе. Первые же его исследования в Майкопском нефтяном районе позволили подобрать верные ключи к загадке, казавшейся долгое время совершенно необъяснимой.

Ни отечественные, ни иностранные специалисты до Губкина не смогли ответить, сколько нефти в недрах Кубани. А что еще более существенно, не сумели дать верный способ, как ее обнаружить и достать из неподдающихся разведке, совершенно неуловимых тайников.

Иван Михайлович упорно брел с геологическим молотком и горным компасом от одной казачьей станицы к другой. Он копался в отвалах у каждой заброшенной буровой. Без устали отбирал образцы горных пород по-всюду, где они были обнажены ветрами или размыты водой. Еще ничто не предвещало знаменитых майкопских фонтанов, когда он по крупице воссоздавал геологический образ района, воскрешал в подробностях картину титанической работы, произведенной природой за сотни и тысячи веков до нашей эры.

Пристальное внимание дебютанта-геолога к этим местам не было случайным. Слухами о наличии на Кубани, в Майкопском районе и на Таманском полуострове драгоценного «черного золота» мир полнился. Давно они муссировались на разные лады. Но всякий раз, не находя веского подтверждения, лопались как мыльные пузыри. Кое-где нефть даже сама выбивалась на поверхность, словно дразнила людей, напоминая о себе. Но заложенные буровые давали ничтожные результаты. Находки не оправдывали затрат и не имели серьезного промышленного значения.

Между тем несчетное количество предпринимателей скупали землю, рыли ямы и, ни до чего не докопавшись, ставили «на счастье» заявочные столбы.

«Столбопромышленники» — так иронически были окрещены казаками эти азартные гонцы за призраком багатства.

И вот однажды в воскресное августовское утро в станице Ширванской, на участке вдовы неудачливого «столбопромышленника» Селитерникова (который умер, так и не дождавшись нефти в открытой им скважине), вдруг раздался глухой подземный гул.

Станичники в смятении бросили свои дома. Стали угонять скот, страшась землетрясения или извержения вулкана.

Гул угрожающе нарастал. Вскоре пробилось наружу мощное облако газа. И, прорезая его желтовато-белый пух, гигантскими мечами ударили в небо черный фонтан. Огромный фонтан, ослепительно лоснящийся, сверкающий на солнце.

Нефтяной ливень залил улицы станицы, как в половье. Нефть расползлась за околицу, потекла по рвам и каналам. Она хлынула в русло реки Чекох, заполнив ее до самого устья.

Семьсот тысяч пудов горючего! Таким был дебит скважины за одни сутки. Не обошлось без пожара. Его зловещий факел был сразу замечен на разных континентах финансовыми биржами многих стран. Начался неслыханный ажиотаж, бум. Только в Англии учредили шестьдесят шесть акционерных обществ с капиталом в сто пятьдесят миллионов золотых рублей.

Навстречу потоку нефти в Майкоп хлынул поток коммерсантов. Сюда устремились агенты нефтяных королей. Вокруг станиц, особенно Ширванской, вспыхнула эпидемия «буровой горячки», невероятная и беспримерная в практике нефтяного дела. Позже о ней с возмущением и омерзением вспоминал Иван Михайлович.

Когда однажды ему довелось в разгар этой «эпидемии» побывать в станице Нефтяной, он не смог, как ни старался, мало-мальски удобно устроиться даже на временное

жилье. В письме к жене геолог пожаловался: «Я положительно не могу сейчас взять отдельной квартиры, так как в Нефтяной стоят на все прямо-таки безумные цены. Я думал, осень внесет известное спокойствие. Оказалось, что горячка и жадность нефтянцев к наживе растет не по дням, а по часам».

С присущим ему чувством иронии он передавал родным совсем несмешные подробности своей бесплодной попытки купить петуха на обед. Хозяин заломил за свою «живность» такую безумную цену, что Ивану Михайловичу пришлось отказаться «брать такого дорогого шантеклера и ограничиться постным борщом».

В то время он повсюду на Кубани заставал одно и то же: возводящиеся буровые вышки. Их ставили наугад, где придется. Монтажники наспех собирали станки, торопливо наливали буровой инструмент. Механики пускали в ход паровые машины. Плотники, как будто на перегонки с монтажниками и механиками, сколачивали складские помещения. «Глухари»-котельщики склепывали стальные чаны. Козлоносы и тачечники разгружали прибывшие эшелоны с тарой.

Проходили дни, месяцы, а пустые бочки, цистерны, чаны нечем было заполнить. Большинство буровых не выдоило ни капли жидкости.

Раздосадованные заправили акционерных компаний пригласили в Майкоп знатоков. Из Лондона был специально выписан известный «нефтевед» доктор Эрни. Пусть обследует, разберется, объяснит поразительную загадку!

Англичанин и его коллеги побывали на бесплодных участках и... ничего не объяснили.

Через долгие семь месяцев объявилось второе «майкопское чудо».

Теперь уже оно произошло на участке иностранного «столбопромышленника» Андреяса. Здесь забил фонтан посильнее ширванского.

Акционеры воспрянули духом. Цена акций стремительно подскочила вверх. Возле нового фонтана как по мановению волшебной палочки выросла целая роща буровых вышек.

Иван Михайлович насчитал сто сорок семь свежих вышек и сбился со счета. Впрочем, какая разница, сколько их, если почти все они не дают нефти?

Чудо опять иссякло. Тысячи обманутых людей, доверчиво отдавших свои сбережения акционерным компаниям, очутились у пропасти разорения.

Лондонская «Таймс» с грустью констатировала: «...пять шестых всего капитала шестидесяти шести английских предприятий в Майкопском районе следует считать потерянными без надежды на возврат. Деньги зря истрачены на рекламу, на бесполезные постройки и приобретения земельных участков, на вознаграждения директорам и служащим и т. д.»

В чем же настоящие причины краха? Почему столь коварны кубанские недра?

Иван Михайлович вел свои исследования непроторенными путями. Тогда ведь и не было иных. Нефтяная геология едва прорастала свежей веточкой на древе науки. Поиск жидкого топлива велся по интуиции. Охотники за ним доверялись удаче, приметам. Даже опытные разведчики считали единственным условием обнаружения залежей наличие куполообразных складок горных пород.

«Старая теория верна, но не универсальна», — дерзнул заявить начинающий геолог Иван Губкин. Он доказал, что в Майкопе залежи «черного золота» хранятся не под куполами. Они мигрировали и перекочевали в длинные и узкие «рукава». В русла давно высохших подземных рек.

На первый взгляд, ничего, собственно, не переменилось. Пусть не купола, а «рукава». Как же до них добраться? Как найти?

Иван Михайлович ответил и на эти вопросы. Он подсказал способы, которые позволяют открыть рукавообразные

залежи нефти. Способы доселе неизвестные ни науке, ни практике. Он разработал также оригинальный метод построения карт подземного рельефа нефтеносных недр. Горнякам необходимы эти карты не в меньшей мере, чем штурманские лоции в плавании по океану.

Молодой геолог сразу выдвинулся в первую шеренгу крупных ученых.

«Эврика!» — Иван Михайлович имел полное право повторить торжествующее восклицание Архимеда. Редкие счастливцы достигают таких вершин в науке.

Не торопитесь, однако, бить в ливавры. Радость по случаю сделанного открытия была кратковременной и зыбкой, очень похожей на яркий всплеск быстро угасающего нефтяного фонтана.

Вовсе не потому, что оказали сопротивление, всполошились консерваторы и рутинеры, гнездящиеся повсюду, в том числе и в ученом мире. Они действительно ощетинились против открытия, подпиная изо всех сил обветшалые доктрины.

Но это Губкина не устрашило. Он умел отстаивать свою точку зрения, обладал нравом бойца. Решительно и неопровергимо он разбивал насеки оппонентов. Разбивал потому, что его теоретические выводы покоились не на сыпучем, переметном песке домыслов и предположений, а на гранитной тверди опыта.

Новая теория оказалась верной и прозорливой. Ее признали. Посрамленные доктрины были вынуждены бесславно покинуть поле боя и попрятаться в кусты.

А Иван Михайлович, увы, все равно не праздновал победу. Почему?

Майкопские промыслы по-прежнему влажили жалкое существование. Залежи кубанской нефти не разрабатывались, промыслы глохли. Предприниматели сочли для себя более выгодными другие районы. Там без больших капитальных затрат можно нещадно расхищать и грабить подземные сокровища.

— Весь мой запал и ярость пропали даром,— говорил Губкин друзьям, не скрывая горечи своих переживаний.— Все доказал и ничего не достиг.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ХИЩНИКОВ

События наслаивались одно на другое, как пластины в земной коре. Открытие обильных нефтью кубанских «рукавов» почти совпало с разразившимся в России голодом на жидкое горючее. О нем шумели репортеры правительственные газет. Витийствовали депутаты с трибуны Государственной думы. Иностранные монополии, захватив контроль над русским «черным золотом», распространяли легенды об истощении естественных богатств страны. И взвинчивали цены на керосин, мазут, бензин.

В России спекуляция приняла угрожающие размеры. Она возмутила крестьян и рабочих, для которых керосин был таким же предметом первой необходимости, как хлеб и соль.

Но кто считался с протестами бедняков при царизме? Их усмиряли нагайкой и штыком, тюрьмами и каторгой.

Однако рост цен на нефтепродукты ударял и по карману заводчиков, фабрикантов, помещиков. Уменьшались их барыши. Среди волков пошла грызня из-за деляжа добычи.

Посыпались запросы буржуазных депутатов. Газетные полосы запестрели разоблачениями о тайных синдикатах.

Ленин был тогда в эмиграции. Из этого «проклятого далека» он следил за дракой толстосумов и метко заклеймил ее, назвав домашнейссорой. Ссорой между расточителями народного добра. Вождь большевиков вскрыл истинную подоплеку нефтяного голода в царской России.

«В чем гвоздь нефтяного вопроса? — спрашивал Ленин и тут же давал исчерпывающее ясный ответ: — Прежде всего в бесстыдном вздувании цен нефти гг. нефтяниками при искусственной задержке производительности скважин и заводов этими «рыцарями» капиталистической наживы».

Ленин знал, что рост цен — прямой грабеж народа капиталистами. В планах его незавершенных работ имеется запись, относящаяся к нефтяному вопросу: «Рост цен. Грабеж». С этими двумя словами соседствует третье, оно звучит как подсказка действенного средства политической борьбы с грабителями: «Стачка».

Губкину была близка и понятна ленинская позиция. В своей статье «Нефть», как бы следуя за Лениным, он показывает, какой огромный урон приносят производительным силам страны капиталистические методы разработки нефти. Геолог разоблачает хищничество хозяев промыслов. Более сорока пяти лет подряд месторождения жидкого горючего разрабатываются на ощупь, вслепую. А их владельцы зовут ученого-геолога лишь в двух случаях. Первый из них, когда предстоит совершить сделку и надо не прогадать, посоветоваться о ее выгоде. Второй — когда какому-нибудь хищнику вздумалось обманом выведать глубину продуктивного пласта у соседа и идти на эту глубину, не соображаясь с геологическим строением участка. Лишь бы «подсасывать», то есть безнаказанно воровать чужую нефть.

Своей статьей Иван Михайлович смело приподнял заслесу над неприглядной картиной, которая до того тщательно скрывалась. В стремлении заграбить нефть «полными пригоршнями», владельцы участков бурят глубокие скважины. А верхние пласти оставляют без охраны, хотя в них еще не исчерпаны полностью запасы нефти. Почему же ее не берут? Зачем оставляют? А потому не берут и оставляют, что добыча обойдется дороже.

Беспризорные пласти затапливаются водой. Сокровища русских недр гибнут безвозвратно.

Губкин во всеуслышание заявил: так называемый «кризис топлива» навязан нашей стране мировыми монополиями. Если она сумеет развить по-настоящему свои производительные силы и реализует скрытые возможности, ее ожидает великое будущее.

Если сумеет... Но для этого нужен иной государственный строй. Необходима ликвидация частной собственности.

Выходит, опять запал и ярость Губкина пропали даром. Все доказал и ничего не достиг.

Но когда, после свержения самодержавия, ему предложили поехать в Соединенные Штаты для знакомства с американским ведением нефтедобычи, мысль ученого заработала в том же направлении — узнать для родины больше полезного...

СКОРЕЕ ДОМОЙ!

Ивана Михайловича поразило, что о вожде большевиков деловые американские круги, в которых он вращался, почти ничего не знали.

«Моим непосредственным воспоминаниям, относящимся к личности Владимира Ильича Ленина и к тем событиям, в которых на мою долю выпало счастье так или иначе соприкасаться с этим великим и гениальным человеком, я считаю необходимым предпослать несколько беглых заметок, характеризующих отношение к вождю восставшего пролетариата и к руководимой им большевистской партии со стороны некоторых слоев буржуазного общества США, где я находился в великие дни Октября.

...Посещая научные учреждения США, присутствуя на собраниях научно-технических обществ, разъезжая по нефтяным промыслам и заводам, я имел возможность познакомиться не только с представителями интеллигенции США, но и с другими представителями так называемого среднего класса и наблюдать их отношение к тем событиям, которые происходили на фронтах империалистической войны, и к особенно интересовавшим меня событиям, происходившим тогда в России, а также и к тем лицам, которые стояли в центре этих событий. США тогда только

что вступили в империалистическую войну и находились в патриотическом ударе. Главное внимание было тогда сосредоточено на ходе военных действий и роли в них американской армии, имя которой произносилось американцами с благоговением. Всех волновал вопрос: останется ли новая революционная Россия устойчивым союзником или принуждена будет под влиянием внутренних событий выйти из войны. О пропагандистской работе большевиков на фронте шли разговоры, но «большевистской опасности» никто ясно не чувствовал и не предвидел,— и этому, я сказал бы, уделялось сравнительно мало внимания. Героем дня оставался Керенский, которого многие американцы считали большим человеком и надеялись, что он проведет Россию через все подводные камни революционного времени и доведет ее вместе с союзниками до победного конца.

О Ленине в этот период времени в Америке говорилось сравнительно мало; сравнительно мало уделялось внимания и вообще «экстремистам» (так иногда американцы величали большевиков). Но вот настали Октябрьские дни...

Весть об установлении Советской власти застала Губкина на полпути из крупнейшего геологического заповедника Америки — Иеллоустонского национального парка в главный город штата Оклахома. Короткая остановка в тихом городке Беллингсе. Сенсационные новости газетчиков:

- Временное правительство свергнуто!
- Керенский покинул Зимний дворец и скрылся!
- Россией управляют из Смольного большевики! Во главе большевиков — Ленин!

Губкин не мог не порадоваться всей душой приходу народной власти, своей власти. С той самой минуты, когда он узнал эту ошеломляющую новость, все, чем он был занят в Америке, приобрело для него какую-то особую значимость.

Конечно, он понимал, что является посланцем правительства, бывшего и раньше времененным, а нынче на всегда канувшего в Лету. Но это лишь формальная сторона. Иван Михайлович приехал знакомиться с нефтяной индустрией Америки не ради наживы предпринимателей, а для помощи народному хозяйству России. Хозяйству, которое сейчас, после Октября, становится не по одному лишь названию, а по самой сути своей народным.

Скорее домой! Но он сдерживал порыв, стремясь почерпнуть как можно больше опыта, наблюдений, знаний.

В Оклахома-Сити его пригласили на национальный съезд американских геологов. Сюда же прибыл и другой наш горняк, специалист по углю Авенир Снятков, и секретарь русской делегации, по возрасту совсем еще юноша, Саша Степанов.

Русские в центре внимания делегатов. Губкина и Сняткова наперебой просят рассказать, что произошло там, за океаном, на востоке Европы, в далекой заснеженной России?

По недоуменным вопросам было понятно, какой сумбур и неразбериха царят в головах заокеанских обывателей. Каким вздором пичкают их газеты — они заполнены самыми противоречивыми известиями или просто дикими выдумками.

В канун съезда Иван Михайлович прочел в одной из газет поэму о печальной участи Керенского. Сердобольный поэт вывел этого «калифа на час» в виде короля Лира, непризнанного и покинутого своими неблагодарными dochерьми. Несчастный Керенский — Лир вынужден скрываться. Среди жестоких бурь, мучимый стужей и голодом, он бредет по пустынным и бескрайним просторам не оценившей его России.

Рядом с этими виршами — карикатура. Нарисован разбойник, обросший густой щетиной волос, с налитыми кровью глазами, зверским выражением лица и в придачу ко всему с ножом в осколенных зубах.

Кто такой?

Надпись уверяет: большевик.

Ленина в ту пору американская буржуазная печать чаще всего называла германским шпионом. А диктатуру пролетариата — бунтом черни. Она погубит культуру и отбросит Россию назад к состоянию варварства.

— Взоры всего мира обращены сейчас в сторону моей родины, — громко по-английски говорил Иван Михайлович, поднимаясь на трибуну съезда американских геологов. — Люди спрашивают себя: что происходит в России? Что за зарево видно на горизонте? Коллеги! — произнес он и от волнения, сам не замечая того, перешел на русскую речь.

Но тут же к трибуне подскочил Саша Степанов, приняв на себя функции переводчика. А Иван Михайлович с глубокой убежденностью и запалом разъяснял притихшим делегатам:

— Коллеги! Вас хотят уверить, что это зарево огромного разрушительного пожара, в котором гибнет культура. Неверно! Взгляните в сторону революционной России — и вы увидите на горизонте не зарево пожара, а зарю восходящего солнца, свободы и счастья. Над Россией взошло солнце новой жизни, солнце нового мира. Труженики отныне сами будут управлять своей судьбой, своим трудом и жизнью...

Справедливости ради заметим — не все члены русской делегации с таким искренним восторгом приняли Октябрьскую революцию. Был среди них инженер Федор Фосс. Тоже горняк. Тоже питомец Петербургского института. Можно сказать, однокашник Ивана Губкина и Авенира Сняткова.

Делегация, закончив свою программу, собралась домой. А Фосс предпочел остаться на чужбине. Бизнес вскружил ему голову. Доллары пересилили в нем чувство долга перед отчизной, замарали его честь и совесть.

Он даже пытался помешать отъезду своих спутников,

в особенности Ивана Михайловича. Понимал, что американским королям нефти нужней всего не он, Фосс, специалист средней руки, каких и в Штатах пруд пруди. Короли жаждали заполучить «короля русских геологов» Губкина. И если бы это удалось, то и Фосс возле него неплохо себя почувствовал.

Не удалось.

Тогда он стал пугать Ивана Михайловича опасностями предстоящего плавания по океану — шныряют вражеские подводные лодки.

Не запугал.

Что же ему осталось? Прибег ко лжи и клевете. Назвал трех своих бывших коллег «большевистскими эмиссарами». Но тут уж американцы ему не поверили. Разве Керенский послал бы в Америку большевиков?!

Русских инженеров, приобретших среди тех, кто с ними общался, доброжелателей и друзей, провожали торжественно.

В Вашингтоне в Коммерческом клубе был устроен прощальный банкет. На нем выступил профессор Калифорнийского университета. И к удивлению многих присутствующих, он сочувственно отзывался о событиях, происходящих в России.

— Считаю, убежден,— заявил он,— что там решаются величайшие социальные проблемы. Они могут изменить весь ход истории человечества и направить его по пути осуществления великих идеалов общественной справедливости...

Иван Михайлович шепнул на ухо сидевшему рядом с ним Саше:

— Устами калифорнийского профессора глаголет истина.

ДОБРЫЕ ВЕСТИ ДЖОНА РИДА

В бурном, кипящем страстями Стокгольме Губкин, Снятков и Степанов не сразу нашли тихую улицу Биргерярлсгатан, а на ней скромный домик под № 14.

До этого почти весь день был ими потрачен на выяснение необходимого адреса. Ходили не без опаски по чужому городу, ставшему пристанищем белогвардейцев.

Первые же встречные предупредили русских инженеров: какой-то спившийся полковник Ходже Лаше сколотил из сбежавшего отребья банду и объявил, будет уничтожать каждого, кто осмелится в любой форме, явно или тайно, выражать сочувствие большевикам.

Тогда, в марте 1918 года, в столице Швеции было не одно, а целых три русских посольства. Царское, Временного правительства. И очень скромная резиденция красного полпреда — так называли советского полномочного представителя. О нем пока почти никто не имел достоверных сведений.

К вечеру Иван Михайлович и его спутники все-таки оказались у входа в скромную квартиру бывшего заведующего закупочной конторой фирмы «Сименс и Шуккерт». Они были у цели.

Дверь открыл красивый, но сильно сутулящийся человек. Он посмотрел испытующе сквозь очки на пришельцев. Осведомился о причине позднего и неурочного визита. Узнав, что это земляки, делегация специалистов и что они возвращаются из Америки в Россию, сразу оживился, радушно пригласил в комнату, которая, очевидно, служила одновременно и кабинетом и детской. Кроме письменного стола и стульев в ней находилась еще кроватка и тумбочка с игрушками.

Вацлав Вацлавович Воровский быстро завязал беседу. Он очень обрадовался инженерам.

— Да я и сам выпускник Московского высшего технического училища. А отец мой был инженером-путейцем.

Он мечтал, что сын его продолжит фамильную династию инженеров. Как видите, стал послом... Что же творится там, за океаном? Что о нас говорят? Скоро ли признают Советы?

За беседой выяснилось: Иван Губкин и Вацлав Воровский почти ровесники.

— А знаете ли, — заметил с оттенком гордости Воровский, пощипывая иссиня-черную курчавую бородку, — Владимир Ильич тоже всего на несколько месяцев старше нас обоих...

— Какой Владимир Ильич? — машинально спросил Снятков.

Прежде чем он спохватился, поняв, что речь идет о Ленине, раздался веселый раскатистый смех Губкина, к нему дружно присоединились все остальные.

И вот уже разговор вокруг Ленина, о революции, о будущем родины.

Вацлав Вацлавович дает инженерам просмотреть газету шведских социал-демократов со своей статьей о Владимире Ильиче, написанной перед Октябрем.

«Ленин — это человек с железным кулаком, с железным характером и с железными нервами. Волевой, твердый... Он не отступит ни перед каким сопротивлением, не падает духом перед неудачами... Он настойчиво идет к своей цели... Приведет Россию к светлой и богатой жизни. Российский пролетариат может полностью расчитывать на Ленина...»

— Вы не ошиблись в характеристике Ленина, — говорит Губкин. — Русский пролетариат выбрал себе достойного вождя. Кстати, я о нем, тогда еще молодом революционном деятеле, многое доброго слышал от курсистки Аполлинарии Якубовой. Она тянула и не дотянула меня в «Союз борьбы»... — Горя нетерпением узнать о том, как все происходило, Иван Михайлович попросил: — Просветите нас, как там сейчас.

К сожалению, наш полпред, так же как и его гости,

был далеко от разыгравшихся в России событий и сам прямо-таки изголодался по вестям из Москвы.

— Почему же из Москвы, а не из Петрограда? — выразил недоумение Губкин.

— Разве вы не знаете? На днях Советское правительство во главе с Лениным переехало в первопрестольную. У меня предстоит телефонный разговор. Так или иначе я непременно снесусь с Москвой, сообщу о вашем возвращении. — И Воровский добавил: — Должно быть, вас там с нетерпением ждут...

Еще одна совершенно неожиданная встреча убедила Ивана Михайловича и его спутников: да, ждут, и с большим нетерпением!

Это случилось в Христиании, как тогда именовали Осло. Дело в том, что Воровский посоветовал делегации ехать кружным и наиболее безопасным путем — через Норвегию. Предстояло обогнуть на пароходе Скандинавию, а там уже рукой подать до нашего Мурманска.

В Осло в кафе вместе с русскими инженерами за одним столиком оказался широкоплечий, вихрастый, большеглазый американец. Внешне он выглядел очень моложаво — ни единой морщинки на лице. Зато, как будто для контраста, он отрастил солидную бороду, пушистую, цвета спелого каштана.

Сосед по столику — это был Джон Рид — в восторге от знакомства с русскими специалистами. Ведь он как раз держит путь в обратном направлении: из Питера в Нью-Йорк. Да вот застрял в Норвегии — тянут с визой.

— Подумайте, какая нелепость! К себе домой и не пускают!

Разговаривали одновременно на английском и русском. Шутили, обменивались впечатлениями.

Риду повезло. Он был в самом пекле революции. Слышал выстрел «Авроры». Видел штурм Зимнего. Встречался с Владимиром Ильичем Лениным, когда большевики взяли власть.

— Теперь спешу рассказать рабочим Америки правду о днях, которые потрясли мир...

Джон Рид едет не просто так, а с поручением от Ленина. Он — коммунист.

Иван Михайлович рассказал ему, как злит заокеанскую буржуазию, что русский народ осмелился взять власть в свои руки. А вот рабочие-нефтяники Пенсильвании, Виргинии, Оклахомы, моряки нефтеналивных судов в Портленде, наоборот, не скрывали своей радости по поводу свершившегося в России.

— Портленд! — повторил восторженно, с легким оттенком юмора Джон. — Этот город лет тридцать назад был осчастливлен моим рождением. В нем я рос и получил среднее образование.

— А высшее?

— За высшим, — произнес уныло Джон, — родители меня отправили в знаменитейший на все Соединенные Штаты Гарвардский университет. Четыре года мною проведено в храме науки. Каюсь, скучал не один, а с сынками нефтяных королей.

— Вот как... А я нефтяник-геолог, — обронил Губкин.

Рид загорелся. Про нефть он наслышан. Обожает ее искателей. О нефти можно писать и романы, и поэмы, и памфлеты. Зря считают ее «черным золотом». Неверно. Она стала кровью любого промышленного организма. Лишите этой крови заводы — и они остынут, как покойники. Не влейте ее в моторы — и заглохнут, оцепенеют машины...

С едкой усмешкой Рид передает свой недавний разговор в Петербурге с нефтяным магнатом Лианозовым. Миллионер гневается: Октябрь помешал ему стать русским Ротшильдом. Вот если бы в Америке покончили так умело и навсегда с королями нефти, стали, индустрии, как в России. Недостает американским рабочим большевистской напористости...

— Кто же руководит у нас промышленностью? — спросил Иван Михайлович.

— Высший совет народного хозяйства!

Рид объяснил, как создаются органы власти. Ознакомил инженеров с декретом об образовании ВСНХ. Декрет подписан Лениным и Свердловым.

— Мне точно известно, что Владимир Ильич бывает на многих заседаниях Совета народного хозяйства... Готовится национализация крупных заводов, фабрик, средств производства.

— А нефтяные промыслы? — поинтересовался Губкин.

— С них и начнут, — уверенно заявил Рид. Он порылся в карманах пиджака и извлек небольшую брошюру. — Почитайте, написана Лениным и напечатана еще до Октября. Тут целая программа...

Иван Михайлович читал ленинские слова как откровение и вместе с тем ловил себя на мысли, что и сам о том же размышлял, думал, приходил к аналогичным выводам.

«Возьмите нефтяное дело. — Владимир Ильич не случайно ставил в пример близко изученную Губкиным отрасль хозяйства. — Оно «собобществлено» уже предшествующим развитием капитализма в гигантских размерах. Пара нефтяных королей — вот кто ворочает миллионами и сотнями миллионов, занимаясь стрижкой купонов, сбирианием сказочных прибылей с «дела», уже организованного фактически, технически, общественно в обще-государственных размерах, уже ведомого сотнями и тысячами служащих, инженеров и т. д. Национализация нефтяной промышленности возможна *сразу* и обязательна для революционно-демократического государства...»

Инженерам не хотелось расставаться с Джоном Ридом. Американский коммунист помог им взглянуть на их кровное дело новыми глазами. Между прочим, и на то, как нужны революции преданные специалисты, честные, умные и знающие люди.

БЫТЬ НУЖНЫМ СТРАНЕ

На небольшом рыбачьем траулере, который с трудом удалось зафрахтовать, Губкин, Снятков и Саша Степанов отплыли в Мурманск. У них был громоздкий и тяжелый багаж — ящики с книгами и образцами пород.

Воровский, провожавший их, не переставал удивляться тому, что наши инженеры ничего в пути не растеряли, хотя и не воспользовались чужой помощью.

Прощаясь, Вацлав Вацлавович, напутствуя своих соотечественников в дорогу, сказал:

— Теперь вы не просто геологи. Не только русские геологи. Вы геологи советские... Как это гордо звучит! Не правда ли?

— А как еще зазвучит! — воскликнул Иван Михайлович.

И словно в подтверждение этих слов громко и звучно забасил отплывающий траулер.

Встреча с родиной после долгой разлуки. Какой она будет?

«На всем пути в Россию мы много наслушались про всякие ужасы, якобы творящиеся в ней большевиками. В этом отношении вспоминается мне случай в Стокгольме, в книжном магазине, куда мы пришли купить некоторые нужные нам книги и географические карты. Здесь мы столкнулись с первыми эмигрантами из России, бежавшими от «большевистских зверств». Между нами произошел любопытный диалог:

— Вы откуда едете? — спрашивают нас две какие-то дамы.

- Из Америки в Россию.
- В Россию? К большевикам?
- Да, к большевикам.
- А вы кто будете?
- Мы геологи, были в США в командировке и вот возвращаемся назад.
- Напрасно, не советуем.

— Почему?

— Там вас расстреляют...»

Это дневниковая запись Губкина. Быть может, она сделана на суденышке, с которого в бинокль уже виднелась на горизонте полоска советской земли. Разумеется, они не были легковерными людьми. На них не подействовали запугивания, белогвардейский вздор. Всякие фоссы, а ими тогда кишили и Стокгольм, и Осло, не сумели опутать, склонить к измене Ивана Михайловича и его друзей.

Но то, что ждало их на пристани в Мурманске, никому из них и во сне не мерещилось.

Торжественная и теплая встреча. Приветствия представителей местной власти. Геологов усадили в автомобиль и увезли в гостиницу. На следующий день на вокзале устроили им настоящие проводы.

Значит, Воровскому удалось связаться с Москвой, с Лениным, и оттуда дали знать Мурманскому горкому партии, исполкому. Иначе никто бы о делегации понятия не имел. И таможенники, наверное, долго проверяли бы их потерявшие силу документы, подписанные еще Керенским.

Приведем еще одну короткую выдержку из дневниковой записи Губкина: «...у представителей мурманского Совета нашлось время встретить приехавших ученых, помочь им достать теплушку для привезенной из Америки геологической библиотеки и архива, а самих ученых усадить в купе международного вагона. Я никогда не забуду волнения, которое я испытал, ступив на родную землю, волнения, возросшего при виде ласкового и заботливого приема, оказанного нам».

В Петрограде повторилось то же. Опять встреча, заботы. Правда, поначалу поразило отсутствие на перроне представителя Геолкома — кажется, полагалось бы, что называется по штату, проявить внимание к своим сотрудникам. Вернулись не из очередной экспедиции, а из США.

Все разъяснилось в самом Геолкоме. Иван Михайлович вошел туда в своем драповом пальто и американских крагах, к которым привык еще на промыслах Солт-Лейк-Сити, где работал простым мастером, чтобы как можно лучше изучить технику и организацию дела. Он и остался внешне больше похожим на мастера, чем на ученого. Кряжистый, рослый, широкоплечий — бурлацкой породы. Разве только густую шевелюру чуть больше, чем раньше, прошили серебряные нити сединок.

Кисло и подозрительно поглядывали на него сослуживцы. Видимо, они все еще не могли решить — признавать или не признавать новую власть. Молча, без комментариев, отдали ему телеграмму из Москвы, адресованную на его имя заместителем председателя ВСНХ Ломовым. Георгий Ипполитович, знакомый Губкину, звал его в столицу: «Приезжайте скорее, нужны позарез».

Вот так-то. Ему очень нравилось быть нужным стране «позарез».

«В Петрограде меня ожидало распоряжение Высшего совета народного хозяйства выехать в Москву. В комнате № 434 2-го Дома Советов («Метрополь»), куда меня поселили, впоследствии образовался Советский геологический комитет в противовес старому Геолкому, не признававшему Советской власти (не забудьте: то было время саботажа старой интеллигенции).

Я с большой горячностью стал работать в новом Геолкоме. Сделал доклад в ВСНХ об американских нефтяных промыслах. Меня пригласили организовать нефтяной главк. Я охотно согласился...»

Варвара Ивановна, инженер-архитектор, верная спутница Ивана Михайловича, вспоминала, что он не позволил себе ни дня передышки. Вошел в деловую жизнь республики, как говорится, с ходу, будто никогда не отрывался от нее.

Конечно, содействовали этому соратники Ленина — Кржижановский, Красин, Ломов, плеяда великолепных

организаторов промышленности и народного хозяйства. Они энергично вовлекали в работу ученых, инженеров, изобретателей. Умели по-ленински заинтересовать, открыть людей интеллектуального труда, раскрыть перед ними широчайшие перспективы, необъятные горизонты.

УБЕДИТЕЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ

От Ломова о выдающемся геологе узнал Владимир Ильич. И уже держал его на примете. Иногда обращался к нему то письменно, то по телефону. Прислушивался к его советам. И внимательно относился к каждому его предложению.

Каким доверием и симпатией у Ленина пользовался Губкин, можно судить хотя бы по тому, что его вскоре же после приезда из Америки ввели в коллегию вновь созданного декретом Совнаркома Главного комитета нефти республики.

Губкина поднимает духовно, воодушевляет это внимание и доверие Владимира Ильича. Он видит в Ленине пример неутомимости и целеустремленного действия. Он восхищается энергией вождя партии, главы государства. И гордится, что получает его задания, общается с ним. Он в орбите Ленина!

Что это так, красноречиво убеждает следующая запись ученого, сделанная им в память о Ленине, с которым легче было перенести, преодолеть тяготы 1918 года.

«Ленин, занятый организацией и руководством борьбы с поднявшей голову контрреволюцией, руководством народнохозяйственной жизнью молодого пролетарского государства и руководством передовым отрядом пролетариата — Коммунистической партией, нагружает себя еще особыми специальными задачами. Он самолично следит не только за продовольственным снабжением страны, но и за продвижением нефтяных цистерн и нефтяных маршрутов.

Вот один из многочисленных примеров: как-то среди зимы звонят из Кремля и требуют кого-либо из членов коллегии Главконефти к телефону. Главконефть тогда почему-то перекочевал в Петроград, в бывший Нобелевский дом на Екатерининском канале, оставив в Москве небольшое представительство, в том числе и меня. Подхожу к телефону. Сообщают, что будет говорить Ленин. Владимир Ильич, осведомившись, кто у телефона, передает неизвестный мне факт о том, что нижегородские власти задержали маршрутный поезд с нефтью для Москвы, и приказывает немедленно проверить это, составить срочно строгую телеграмму и привести ему на подпись. Далее последовал строгий приказ следить за продвижением маршрута и ему докладывать».

Чувствуется, что даже строгость Ленина, его умение проверять исполнение, его настойчивость импонируют ученному, созвучны его собственному характеру, строгому деловому укладу.

Вокруг Советского государства, неокрепшего, живущего на свете всего лишь около года, уже сгущались мрачные тучи топливного голода. И тут Иван Михайлович проявляет недюжинные способности организатора. Он предпринимает все возможное, чтобы продлить дыхание заводских топок, хотя бы в малой степени утолить их жажду в жидким горючем. Он председательствует на съезде нефтяных комитетов рабочих национализированных промыслов страны.

— Теперь надо всю энергию, всю силу знания и творчества направить на искоренение того хаотического ведения нефтяного хозяйства, которое имело место до сих пор,— говорит делегатам Губкин.— Надо во что бы то ни стало обнаружить и всемерно использовать те несметные богатства, которые скрыты в недрах республики. И те, которые получаются и до сего времени зря пропадают при добыче и переработке нефти.

Но Иван Михайлович прежде всего ученый. Он не

ограничивается призывами. Ищет и находит все новые месторождения. Учит молодую поросль геологов современным методам разведки. Яростно восстает против тех, кто продолжает проповедовать теорию «истощения недр». Беспощадно разоблачает «спецов», которые распространяют это вранье в угоду зарубежным нефтяным магнатам.

В Москву поступают тревожные вести. Баку захвачен турецкими и английскими интервентами. Вышки Грозного в огне — вражеский поджог. Центр отрезан от главных источников нефти.

Иван Михайлович в специальной технической печати заостряет внимание на не тронутых пока подземных сокровищах Ухты. Это было годом раньше, чем попало к Ленину ставшее ныне известным письмо бухгалтера А. С. Соловьева о том же Ухтинском месторождении.

«Нельзя проходить мимо таких районов,— утверждал Иван Михайлович,— не исследовав их самым тщательным образом». По его настоянию в Ухту снаряжается геологическая экспедиция. Через год туда же едет вторая. К сожалению, она вынуждена возвратиться с полпути. Английские интервенты захватили Архангельск и весь Советский Север.

Вероятно, Владимир Ильич не знал о разведке ухтинской нефти, о настойчивой борьбе Губкина за нее. Поэтому адресованное «гражданину В. И. Ульянову (Ленину)» частное письмо заведующего главной бухгалтерией отдела труда г. Москвы и Московской области Александра Семеновича Соловьева вызывает у Председателя Совнаркома глубочайший интерес. Месторождение жидкого топлива на Севере! По убеждению Владимира Ильича, оно должно быть безотлагательно разведано. Пущено в ход. Обращено на пользу народному хозяйству.

Это была для Ивана Михайловича неожиданная и могучая поддержка.

Не случайно Георгий Ипполитович Ломов, получив от Владимира Ильича письмо Соловьева с указанием

ответить, «что именно сделано в этой области», обращается не к кому-либо иному и даже не в «соответствующий отдел», а лично к Губкину.

«Тов. Иван Михайлович, нужно срочное Ваше заключение за Вашей подписью без всякого промедления.

Ваш Г. Ломов».

Как раз в эту осень 1919 года секретарем Георгия Ипполитовича стала Анна Ивановна Колпакова, впоследствии видный советский энергетик, а тогда молодая энергичная большевичка с трехлетним партийным стажем, из которого больше года подполья и участия в баррикадных боях за победу Октября.

Анна Ивановна помнит, в каком состоянии приподнястости, радостного возбуждения явился Иван Михайлович к Ломову. Они были уже друзьями.

У обоих не возникло никакого сомнения в том, что Ухтинский район до революции сознательно законсервировали агенты фирмы Нобеля. Стараниями нефтяного короля была распространена версия, якобы нефти на Севере мало, а та, что есть,— плохого качества. Да и добыча ее, дескать, обойдется в тридорога. Поблизости ничего путного нет. Ни оборудования, ни емкостей, ни подъездных дорог, ни жилья рабочим, ни самих рабочих тут не сыскать. Придется возить издалека...

Все это были уловки фирмы. Она решила скрытно придержать нетронутыми запасы горючего в недрах.

А может быть, и побоялись конкуренции. Вдруг Ухта зальет мировой рынок потоками жидкого топлива. Тогда катастрофа. Упадут на него цены, снизятся прибыли...

Иван Михайлович с радостью взялся выполнять ленинское поручение.

А Ленин в свою очередь тоже помнит об Ухте. Красная Армия сбросила в море английских интервентов. Совнарком тут же командировал Ломова в Архангельск, в знакомые ему по ссылке места, восстанавливать и налаживать в освобожденных районах работу советских учреждений, местную промышленность.

Это март 1920 года. Георгий Ипполитович едва успел добраться к цели, а Ленин уже шлет ему вдогонку телеграмму:

«Архангельск. Члену президиума ВСНХ Ломову.

Постарайтесь разыскать или поручить разыскать печатные материалы и отчеты о нефтеносном районе реки Ухты...» И советует, где эти материалы можно найти: «...в музее общества изучения Северного края и в управлении государственными имуществами».

Таежная Ухта еще при жизни Губкина стала городом нефти. Ивана Михайловича радовало: он причастен к первым разведкам заболоченного и безлюдного Севера. Никогда не переставал он с благодарностью повторять: «Тем, что этот отдаленный край не был забыт и на нем ключом забила трудовая жизнь, мы обязаны зоркому глазу Ильича, его инициативе и внимательности».

«ОБРАЩАЙТЕСЬ КО МНЕ НЕПОСРЕДСТВЕННО»

Губкин не ждет, чтобы его позвали на помощь, предложили чем-либо заняться. Он сам устремляется навстречу безотлагательным и животрепещущим нуждам республики. Его интересы разветвлены, как плети рельсов крупного железнодорожного узла. И почти во всем, что он делает, чем занимается с душевным порывом и страстной увлеченностью, свойственными его неугомонной натуре, он ощущает влияние, помощь, поддержку, одобрение или направляющую руку Ильича.

Губкин по праву считается создателем советской сланцевой промышленности. Его заслуги в развитии ее трудно переоценить.

А вот сам он, наоборот, с присущей ему от природы скромностью и добротой оценивает высоко вклад других, а себя оставляет в тени.

«Летом 1918 года,— вспоминал он,— группа петроградских инженеров во главе с Б. В. Цванцигером сумела заинтересовать Владимира Ильича так называемыми кукерскими сланцами, или кукерситами, и вообще сланцевой проблемой, удачным решением которой можно было добиться некоторого ослабления царившего тогда топливного кризиса и положить начало новому виду промышленности по утилизации горючих сланцев как химического сырья для получения первичной сланцевой смолы и выработки из нее ряда весьма ценных продуктов. При прямой поддержке Ленина СНК отпустил на это дело солидную по тогдашнему времени сумму в 15 млн. рубл.».

Как видите, автор воспоминаний не обронил ни слова о себе.

Но вот перед нами 37-й том Полного собрания сочинений В. И. Ленина. В нем опубликованы «Заметки о сланцах». Заметки как раз и относятся к 1918 году. И начинаются они так:

«Геолог Губкин (в отделе топлива)

Сланцы есть в Сызрани

и в Казанской губернии

и в нашей части Ямбургского уезда.

30 миллионов рублей (100 миллиардов пудов)...

Из этой записи и цифровых выкладок, сделанных собственноручно Владимиром Ильичем, совершенно очевидно, что именно Губкин заинтересовал главу Советского правительства сланцами, которые имелись в освобожденных от белогвардейцев районах.

Ленин, учитывая острую нехватку средств, сократил сумму ассигнований наполовину, но все равно прав Губкин, утверждая, что СНК «при прямой поддержке Ленина» дал для развития сланцевой промышленности весьма «солидную по тогдашнему времени сумму».

Вскоре создается специальный Сланцевый комитет при Главконефти. И не случайно его председателем назначается опять-таки Губкин.

Стены лаборатории, где до того ютились несколько инженеров-энтузиастов, сразу становятся тесными. Экспериментаторы переносят опыты на более просторный плацдарм предприятий. Предстоит определить наилучший способ сжигания сланцев в топке парового котла. Надо научиться превращать их в горючее для моторов. Ждут решения вопросы механизированной добычи и транспортировки нового топлива, исходного материала для химического производства. Наконец, необходимо максимально расширить сырьевую базу.

Иван Михайлович предлагает Главконефти незамедлительно, в то же лето 1918 года, «послать особую экспедицию для разведки сланцев». Дает точный маршрут — на Волгу, к селению Ундоры, расположенному в тридцати километрах от Симбирска. Предложение принимается.

А кто же поедет? Ведь придется вести геологическую разведку там, где ведется разведка боем и продолжаются ожесточенные сражения с белогвардейцами. Линия фронта как раз пересекала места, намеченные для работы геологов.

Иван Михайлович находит смелых и преданных специалистов. Умело снаряжает экспедицию. Руководимая мужественными инженерами П. И. Бутовым и М. Л. Кострикиным, она, «несмотря на исключительно тяжелые условия,— как позже с восхищением отозвался Губкин,— блестяще справилась со своею задачей и привезла в Москву целый вагон горючих сланцев для опробования и исследования».

Проходит короткий срок. Сланцевый комитет оперился. Он больше не нуждается в опеке. По настоянию Губкина его выделяют из состава Главконефти в самостоятельный главк ВСНХ.

Теперь не к лицу довольствоваться одними сланцами. Новый главк берется и за использование сапропелей — болотного ила. И за разработку битуминозных пород с целью экстрагирования из них жидких битумов.

В марте 1919 года, по инициативе того же Ивана Михайловича, отправляется в дальний путь вторая по счету, но уже комплексная экспедиция. Ей предстоит обследовать огромную территорию: две поволжские губернии — Самарскую и Симбирскую.

Губкина тревожит ее судьба. Ему вообще не сидится в Москве. Сердце геолога, искателя не выдерживает. Он бросается следом за экспедицией. Правительство предоставляет в его распоряжение пароход.

Даже в пути председатель Главного комитета сланца деятелен, не хочет позволить себе никакой передышки. Зная об острой нужде в инвентаре, он организует на каждой пристани и вокруг нее, в каждом окрестном населенном пункте сбор тачек, лопат, топоров, пил, кирок. Бессценный по тогдашней поре подарок доставил Иван Михайлович на карьеры и рудники.

Ему очень хочется сразу, без промедления, без всякой паузы вовсю развить добычу. Увы! Не хватает рабочей силы, оборудования. Много неодолимых препон. Плохое снабжение продуктами. Да и местные власти инертны...

Неугомонный Губкин едет в столицу с твердым намерением сломать все преграды, расчистить заторы. Он решает поставить все больные вопросы перед ВСНХ, а может быть, перед Совнаркомом.

На пути в Москву — неожиданная встреча. Едут выполнять специальное задание Ленина его ближайший соратник еще по подполью, а после победы Октября один из руководителей Высшего совета народного хозяйства — Виктор Павлович Ногин и председатель Горного совета ВСНХ Федор Федорович Сыромолотов. Вместе с ними Губкин опять повернулся к сланцевым месторождениям. И многое было решено тут же, без проволочек.

Добыча новых видов топлива и химического сырья пошла в гору.

Иван Михайлович размышлял над тем, почему Ногину

и Сыромолотову удалось то, чего он сам, как ни старался, не смог сделать. Ведь он, по сути, облечен не меньшими правами. Запасся внушительным мандатом. Но оказалось, при переговорах с местными работниками, особенно партийными, члены Президиума ВСНХ вовсе не прибегали к помощи своих высоких полномочий и не потрясали мандатами.

В необходимых случаях, когда у Ногина и Сыромолотова как будто больше не оставалось никаких аргументов для убеждения, они просто ссылались на слова Владимира Ильича. Передавали его мнение о важности и перспективности затеваемого дела. И тогда люди решительно менялись. Они начинали все выполнять с предельным напряжением сил. Понимали: раз Ленин так считает, то, значит, и для них нет и не может быть ничего более важного и необходимого.

Снова и снова обходя участки, налаживая разработки, Иван Михайлович в большей мере, чем когда-либо раньше, проникся желанием встретиться и побеседовать с Владимиром Ильичем.

ДВА ЧАСА С ЛЕНИНЫМ

Сыромолотов доложил Ленину о делах на Волге. Положено начало Ундорскому руднику. Неподалеку от Сызрани начаты открытые разработки горючих сланцев. Прибавились еще и другие приятные вести. Иван Михайлович успел после своего волжского путешествия побывать за Тверью, в Осташкове, где химик Н. И. Демидов успешно превращал сланцы и сапропели со дна озера Селигер в керосин, бензин, парафин и многое другое. Да и в самой столице виднейший химик Н. Д. Зелинский со студентами университета творил такие же чудеса.

Владимира Ильича не могло не порадовать, сколь значительно развитие рожденной при Советской власти, рань-

ше совершенно неслыханной отрасли. Ведь он дал ей путевку в жизнь!

В еще большей мере его радовало то, что Губкин, инженер старой школы, беспартийный, оказавшись на высоком посту председателя главка, в полной мере оправдывает доверие коммунистов.

Когда Сыромолотов в конце разговора передал просьбу сланцевиков повидаться, Ленин от внутреннего удовлетворения встал со своего стула и, прохаживаясь по кабинету, сказал:

— Что ж! Побеседовать необходимо. Прошу вас, Федор Федорович, пожалуйста, согласуйте с моим секретарем удобное время.— И с веселыми искорками в глазах лукаво добавил: — Но предупредите, что я не возражал бы поскорее. Да-да, раз сами товарищи этого хотят, не будем откладывать разговора...

В один из октябряских дней, еще теплый и солнечный, Губкин и несколько его ближайших сотрудников пошли из Сланцевого комитета в Кремль. По очереди они несли довольно тяжелый чемодан. Несли очень бережно. Старались не дернуть и не качнуть. Следили, чтобы никто из прохожих, боже упаси, не толкнул или даже легонько не задел их ножу.

При входе в Кремль им было предложено оставить чемодан в помещении комендатуры.

Инженеры энергично запротестовали.

Дежурному пришлось звонить Лидии Александровне Фотиевой. И лишь после шутливого восклицания в телефонную трубку: «Без чемодана не пускать!» — их проводили в приемную Владимира Ильича.

Лидия Александровна уже ждала сланцевиков. Когда они появились у входной двери, она торопливо кивнула им, с некоторым беспокойством посмотрев на часы, предупредила:

— Прошу вас, не больше пятнадцати минут!

«Целых пятнадцать минут», — подумал Иван Михайло-

вич. Он привык скрупульно обращаться со временем. Берег свое и чужое. Все, кто знал его, отзывались о нем как о строгом человеке науки, ценившем каждую минуту и державшем ее на счету.

Мысленно он заранее определил, что всего нужнее показать Владимиру Ильичу. Прикинул, какие примерно понадобятся разъяснения.

Они прошли через зал заседаний в небольшой уютный кабинет. В нем сразу стало тесновато, и вещи, находившиеся тут, как будто отступили и сделались незаметными.

Во всяком случае, Иван Михайлович запомнил только письменный стол, около него два глубоких кожаных кресла, а позади — шкаф с книгами.

Владимир Ильич живо поднялся с места, вышел из-за стола навстречу инженерам, любезно усадил. Когда он здоровался с Губкиным, то придержал его руку в своей, посмотрел прямо в глаза и объявил:

— А я вас, Иван Михайлович, знаю. Многое о вас слышал... И от Ломова, и от Сыромолотова, и от наших партийцев-химиков Карпова и Горбунова... Рассказывайте, показывайте,— добавил он, и последние два слова прозвучали особенно мягко, настолько располагающе, что сняли естественные вначале неловкость и напряжение.

Щелкнул замок чемодана. На столик, примкнутый к письменному столу, были выставлены бутылки, флаконы, банки, даже коробка с чем-то сыпучим.

Иван Михайлович подавал Ленину все по очереди. Но предварительно взбалтывал содержимое той или иной бутылочки и вглядывался во взбаламученную жидкость.

Когда Владимир Ильич в свою очередь приглядывался к содержимому бутылки или флакона на свету, повернувшись для этого к окну, Губкин коротко разъяснял:

- Бензин...
- Керосин...
- Жидкий битум...

— Откуда брали сырье? Что показали сравнительные испытания? — расспрашивал Ленин.

Чем дальше, тем все с большей заинтересованностью он прислушивался к ответам. А ответы все пространнее, с большими подробностями.

Иван Михайлович окончательно освоился. Любознательность Владимира Ильича ему импонировала. Свою науку Губкин любил беспрепятственно и знал как таблицу умножения. Человек по натуре энергичный, экспансивный, он того сам не заметил, каким образом и когда, в какой именно момент он поднялся со стула и, увлеченный своим рассказом о перспективах сланцевой промышленности, стал с жаром перечислять районы страны, где уже обнаружены и где, по его глубокому убеждению, могут быть еще найдены, открыты несметные запасы горючих сланцев, сапропелей, битуминозных пород.

— Такое богатство — и, подумайте, руки народа до него, по сути, не дотянулись, даже не тронули... — Это замечание Ленина.

Он тоже встал с места, шагнул к карте, сказал совсем по-домашнему, как будто они давно знакомы друг с другом:

— Иван Михайлович, голубчик, покажите пояснее. Где это припрятано столько ценностей? Неужели господа капиталисты на них не позарились? Или не успели, а? Даже не верится...

Висевшая на стене большая старая карта России с двуглавым орлом в верхнем левом углу была исчерчена цветными карандашами. Очевидно, Владимир Ильич отмечал на ней фронты, движение Красной Армии, а красные кружочки означали занятые ею города.

Губкин стал показывать по карте месторождения сланцев. Ленин стоял рядом и с явным удовольствием повторял вслед за Иваном Михайловичем:

— Значит, еще вот здесь, в излучине реки... И вот тут... Тихо вошла Лидия Александровна. Посмотрела, пока-

чала укоризненно головой. Вышла. Минут через десять она снова появилась, давая понять, что пора инженерам и честь знать, в приемной ждут другие посетители, все расписано до минуты и вот по их вине ломается порядок.

А Владимир Ильич как будто бы и не замечал своего секретаря. Со сланцев разговор перешел к нефти. Ученый изложил свой взгляд на процесс образования жидкого топлива, на формирование залежей. Они находятся в прибрежных частях когда-то существовавших морей, в заливах и лиманах, в бухтах и руслах высохших рек. Веками происходило накопление органического материала, шла борьба между сушей и водой. Нефть жидкобразна, поэтому она способна «перебегать» с одного места на другое. Ее надо искать, глубоко изучив строение недр.

— Мы еще только приступаем к научному поиску нефти. Мы не знаем и сотой доли своих месторождений. Нефть надо разведать в разных краях страны. И она будет найдена и на Волге. И за Уральским хребтом. И в Сибири...

Более двух с половиной часов вместо обусловленных пятнадцати минут Иван Михайлович и его коллеги провели в беседе с Владимиром Ильичем.

Попрощались очень тепло, дружески. Ленин опять придержал в своей руке грубоватую, прокаленную солнцем и ветрами руку маститого геолога и, не отпуская ее, сказал:

— Вот вам мой телефон, вот телефон секретаря. Когда нужна будет помошь, обращайтесь ко мне непосредственно...

Иван Михайлович бережно хранил данные ему номера кремлевских телефонов и только в критические моменты обращался прямо к Владимиру Ильичу «за помощью по организационным вопросам».

Решая один такой вопрос, Ленин распорядился незамедлительно переслать нескольким руководителям ВСНХ копию адресованного ему Иваном Михайловичем письма, с тем чтобы они сообщили «поскорее краткий отзыв в несколько строк».

И тут же Владимир Ильич дает понять, что согласен с мнением ученого.

«Мне кажутся доводы Губкина вескими.

Предсто *Ленин*.

В этой ленинской записке поражает одна строка, казалось бы, не имеющая прямого отношения к существу дела и относящаяся целиком к секретарям — Фотиевой и Гляссер.

Ленин напоминает им: «При свидании с Губкиным я просил его обращаться прямо ко мне, когда есть что важное».

Так пишет Владимир Ильич. Он подчеркивает свою глубокую заинтересованность работой ученого. Свое убеждение в том, что у Губкина имеются важные для государства дела, с которыми следует обращаться непосредственно к Председателю Совнаркома, минуя все другие инстанции.

Но ведь Ленин не просто велел, разрешил, порекомендовал или даже посоветовал к нему обращаться. Он сам попросил об этом Губкина. И посчитал нужным поставить в известность секретарей — пусть и они знают на всякий случай, если раздастся звонок ученого или поступит что-нибудь от него по почте.

Не упускал Владимир Ильич возможности поощрять плодотворную деятельность ученого, а заодно и его помощников.

«Тов. Красин прислал мне письмо, в котором сообщает о крупнейших успехах группы инженеров во главе с тов. Губкиным», — пишет Ленин сразу в Президиум ВСНХ, Госплан, Наркомфин, Президиум ВЦИК и своему заместителю по Совнаркому. Излагая подробно, в чем заключается успех, Владимир Ильич подчеркивает, что работа проделана «с упорством, приближающимся к героическому», и настаивает на финансировании, устраниении всех препятствий и награждении указанной «группы инженеров трудовым орденом Красного Знамени и крупной денежной суммой».

ДРУЖЕСКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ

Необычайное отклонение стрелки компаса в районе Курска и Белгорода было замечено еще за полтора столетия до Октябрьской революции. Однако понадобилась власть народа, стремление Ленина к широчайшему развитию всех производительных сил страны, чтобы не только верно объяснить причины аномалии, но и найти здесь несметные запасы железной руды. И начать ее добычу.

Во всем этом заслуги Губкина неоспоримы. В 1920 году его назначили председателем особой комиссии по КМА — Курской магнитной аномалии.

Но гораздо раньше Иван Михайлович в числе нескольких наших видных ученых пролагал пути к быстрейшему изучению аномалии. Пути были крутыми и тернистыми.

Даже геологи выдвигали две диаметрально противоположные гипотезы. Большинство старых светил твердили «о полном отсутствии какой-либо связи магнитных аномалий не только с фантастическими месторождениями магнитных железняков, но и с изверженными породами».

Губкин находился среди меньшинства. Он уверял: железо есть. Настаивал на разведке. А ее вести было попросту нечем. Тогда при участии Губкина создали специальные приборы.

Приборы есть. Выясняется, что нет необходимых средств и бурового оборудования.

Иван Михайлович настаивает на использовании бурового станка, бездействующего в Баку или Грозном. Пока демонтировали и везли станок, у некоторых влиятельных работников ВСНХ возникла мысль о передаче КМА в концессию. Кстати, нашелся и охотник заполучить ее.

Губкин понял, что в сложившейся ситуации единственная опора — Ленин.

Решающее совещание в Кремле. Леонид Борисович Красин, авторитет которого в инженерном мире считался непререкаемым, высказался за концессию. Иван Михайлович вскочил с места:

— Нельзя! Сдавать это дело в концессию нельзя! — И, обращаясь к Владимиру Ильичу, привел запасенный напоследок неотразимый аргумент: — Владимир Ильич! Через год у нас уже будут результаты. Разве можно сейчас это отдавать в концессию? Давайте узнаем хотя бы, какие богатства таит в себе аномалия.

Геолог был уверен: как только раскроется тайна клада, Ленин ни за что не захочет передавать его, даже на короткий срок, иноземным капиталистам.

И Ленин — в который раз! — на стороне Губкина.

— Правильно. Пусть наши ученые доведут дело до конца.

С каким облегчением и явным удовольствием Иван Михайлович, записывая острую перепалку совещания, подытожил: «Притязания иностранцев были отвергнуты раз и навсегда».

Легко проследить, как росли симпатии и доверие Ленина к Губкину. Вождь партии обращался к деятельности инженеру все чаще. Посыпал обследовать нефтяные промыслы. Привлекал к решению государственных проблем. Запрашивал его мнение по различным вопросам. Как-то вызвал к себе в кабинет среди ночи — необходимо было срочно принять решение, проект которого был составлен Губкиным, и Владимир Ильич, внеся в этот проект кое-какие поправки, хотел знать, согласен ли с ними автор. И Губкин чувствовал, как растет по отношению к нему дружеское расположение Ильича. Он уже не только со служебными делами обращается к Председателю Совнаркома.

Однажды профессор Д. И. Мушкетов в беседе с Иваном Михайловичем поделился своим беспокойством по поводу судьбы матери, застрявшей в Крыму. Иван Михайлович пообещал помочь.

— Позвольте узнать, как вы это сделаете? — удивился Мушкетов. — Кроме Ленина, никто не в силах...

— Вот и хорошо, — ответил Губкин.

На следующий день Иван Михайлович вместе с Ломовым пошли к Владимиру Ильичу. Он выслушал их и тут же написал в Крым своему брату Дмитрию Ильичу:

«Губкин (Главнефть) и Ломов (член Президиума ВСНХ) просят меня поддержать их просьбу, что и делаю:

Оказать содействие геологу *Мушкетову* (директору Петроградского горного института) вывезти его мать из Крыма, где она терпит большую нужду.

Если нужно, телеграфирай мне, и я дам отсюда еще телеграмму, какую нужно. Привет! *В. Ульянов (Ленин)*».

Когда телеграмма была написана, Георгий Ипполитович не выдержал, признался:

— А я к вам, Владимир Ильич, шел не твердым шагом.

— Почему же? Вы человек трезвый,— пошутил Ленин.

— А потому, что примерно с такой же просьбой,— ответил Ломов,— и в отношении этой же Мушкетовой я уже раньше обращался к вам.

— Припоминаю. Кажется, летом девятнадцатого, не так ли? Тогда ее выселяли из комнаты, если не ошибаюсь...

— Совершенно верно, Владимир Ильич.

— Представьте, даже адрес ее не вывяtrился из памяти. Алупка, дача Медже... Редкая фамилия, мне встретилась впервые... Но откуда вы взяли, что Предсовнаркома может лишь однажды помочь вдове видного русского ученого, оказавшего большие услуги изучению отечественной геологии? Матери профессора, который великолепно преподает свои дисциплины, воспитывает молодежь!.. Мы обязаны помочь каждому, кто в нашей помощи нуждается. И помочь до тех пор, пока отпадет в этом нужда...— Ленин закончил серьезно, акцентируя последние слова.

УРОКИ ИЛЬЧА

Когда читаешь и перечитываешь воспоминания Губкина о Ленине, становится понятным то, что Иван Михайлович называл уроками Ильчя.

Вот один из таких уроков. «В то время, время начала наших работ по восстановлению нефтяной промышленности, большое внимание уделялось нами изданию специального нефтяного журнала... Все выходившие номера нашего журнала, называвшегося тогда «Нефтяное и Сланцевое Хозяйство», я неизменно направлял Владимиру Ильчю. Посыпал ему и все более или менее интересные новинки в нефтяном деле. Я должен покаяться перед светлой памятью дорогого учителя: у меня порою мелькала мысль, что вряд ли у него может найтись время для просмотра нашего чересчур специального журнала. Каково же было мое изумление, когда я от него получил следующее письмо:

«Главнефть
тov. Губкину
3.IV.1921 г.

Просматривая журнал «Нефтяное и Сланцевое Хозяйство», я в № 1—4 (1921) наткнулся на заметку (с. 199) «О замене металлических труб цементным раствором при бурении нефтяных скважин».

Оказывается, что сие применимо при вращательном бурении. А у нас в Баку таковое есть, как я читал в отчете бакинцев.

От недостатка бурения мы гибнем и губим Баку.

Можно заменить железные трубы цементом и пр., что достать все же легче, чем железные трубы, и что стоит, по указанию вашего журнала, «совершенно ничтожную» сумму!

И такого рода известие вы хороните в мелкой заметке архиученого журнала, понимать который способен, может быть, 1 человек из 1 000 000 в РСФСР.

Почему не били в большие колокола? Не вынесли в общую прессу? Не назначили комиссии практиков? Не провели поощрительных мер в СТО?

Пред. СТО *В. Ульянов (Ленин)*.

Меня это письмо изумило. Мелкая заметка действительно была похоронена где-то на задворках журнального номера и напечатана петитом, и тем не менее Владимир Ильич ее открыл и вытащил на солнышко. Письмо меня и обрадовало, ибо я из него увидел, что наш журнал Владимиром Ильичем просматривается, что мы имеем сугубо внимательного читателя и что, следовательно, надо держать ухо востро. Но среди сложного комплекса чувств, вызванных этим письмом, преобладающим было сознание своей большой ошибки.

Поэтому я поспешил достать номер американского журнала «Mining and Metallurgy» (№ 13 от 27 марта 1920 г.), из которого была взята заметка, и убедился, что заметка представляет собой мнение подписавшего ее корреспондента, не проверенное опытом и помещенное в отделе «Мнения и предложения». Обо всем этом с облегченной душой я и написал 5 июня 1921 года Владимиру Ильичу, приложив выписку на английском языке самой заметки. Вскоре от него получил на маленьком листочке следующее письмо:

«В Главнефть

тов. Губкину

10/VI. 1921 г.

Т. Губкин! Ваше письмо и выписка вполне разъясняют дело. Раз это только *предложение*, — конечно, дело меняется. Насколько помню, эту самую важную часть английского текста в русском журнале опустили.

Надо выработать *точные* меры помощи Баку и внести в СТО, следя за их выполнением.

С тов. приветом *Ленин*.

Это письмо принесло мне много радости, из него я увидел, что Владимир Ильич отнесся снисходительно к моей ошибке, а главное — я убедился, что он неустанно продолжает следить за тем, что делается в Баку и вообще в нефтепромышленности...»

ОДНАЖДЫ И НАВСЕГДА

Ленин не снимал руки со штурвала. Он направлял титаническую работу по восстановлению всего народного хозяйства республики, и особенно ведущих отраслей промышленности.

По его указанию Губкин без промедления помчался к берегам Каспийского моря.

Там его уже поджидали трое других ленинских посланцев: Л. Б. Красин, А. П. Серебровский и З. Н. Доссер. Они должны были обследовать азербайджанские промыслы и, каждый от себя, написать подробную записку с соображениями о том, как всего вернее одолеть топливный голод. Все трое — опытные инженеры, коммунисты с подпольным стажем, верные соратники и помощники Ленина на нефтяном фронте.

Да, это был настоящий фронт. Развертывался неистовый бой за жидкое горючее. В нем ощущалась не меньшая потребность, чем в хлебе. Не зря ведь нефть, как и уголь, часто называют хлебом промышленности. По ней испытывался все больший голод. И надо было во что бы то ни стало его утолить.

Серебровский и Доссер успели национализировать все промыслы, нефтеобрабатывающие заводы, подсобные предприятия. Их объявил достоянием государства декрет Ленина, а следом за декретом были осуществлены контроль и управление.

Но в каком состоянии посланцы Москвы застали это отобранное у капиталистов достояние? В самом плачевном.

«Положение на промыслах катастрофическое,— до-кладывал Александр Павлович Серебровский.— Не хватает ни оборудования, ни машин, ни одежды. Рабочие жилища развалились так, что в них немыслимо жить...»

Здесь краски нисколько не сгущены. Каждое слово правдиво.

Серебровский вскоре был назначен председателем правления «Азнефти».

Большевик с 1903 года, со II съезда он был неустанным пропагандистом партийных решений, работал в подполье во многих городах, в том числе и в Баку. Осужденный царским судом к пятнадцатилетней каторге, бежал, добрался до Ленина. По его совету учился и окончил в Бельгии Высшее техническое училище. Владимир Ильич предвидел насущную необходимость в знающих специалистах, когда власть возьмут рабочие и крестьяне. Серебровский — участник первой русской революции. А в Октябре боролся с оголтелой контрреволюцией в Закавказье.

Вот кого по рекомендации Ленина Совнарком назначил на высокий пост руководителя нефтяных промыслов Азербайджана.

Никто лучше Серебровского не был осведомлен о содержании всех записок. Он знал и до мельчайших подробностей весь ход их обсуждения вплоть до принятия Лениным определенного решения. Поэтому предоставим слово Александру Павловичу:

«Тов. Красин дал Владимиру Ильичу пессимистическую характеристику состояния нефтяной промышленности, причем в записке тов. Красина не было целевой устремленности. Говорилось об угрозе обводнения, о необходимости прибегнуть к иностранной помощи, о том, что оборудование промыслов сильно пострадало в гражданскую войну и что восстановление его потребует расхода в 20—30 миллионов золотых рублей по Грозному и 250—300 миллионов золотых рублей по Баку.

Кроме того, тов. Красин указывал на расстройство

транспорта, недостаточность технических материалов и общий развал как на причину того, почему на промыслах работает не более одной трети имеющихся скважин.

Тов. Красин писал: «Спасение возможно... только при очень смелой и решительной политике, которая должна состоять в предоставлении трем или четырем соперничающим на мировом рынке крупнейшим синдикатам, а также правительствам Италии, может быть также Франции, Бельгии достаточно заманчивых площадей в добропорядочных частях Бакинского и особенно Грозненского районов... Концессии можно и должно связать с устройством нефтепроводов, усилением состава железных дорог» и т. д.

Читая записку тов. Красина, Владимир Ильич подчеркнул особенно характерные места. Он чрезвычайно внимательно отнесся и к другим запискам: тт. Доссера, Губкина и специалистов Главконефти.

Документом, которым Владимир Ильич особенно заинтересовался, была записка тов. Губкина, относившаяся к развитию нефтяной промышленности гораздо более трезво, чем Л. Б. Красин. Он доказывал, что катастрофы сейчас нет, но положение дел таково, что действительно нефтяной промышленности грозит неминуемая гибель, если не будут в срочном порядке приняты меры, предупреждающие надвигающуюся катастрофу.

Губкин указывал на огромное количество бездействующих скважин, которые грозят месторождениям нефти обводнением. Он объяснял, почему это происходит, и говорил, что нужно сейчас же увеличить количество эксплуатируемых скважин, чтобы таким путем бороться с угрозой обводнения. Необходимо усилить бурение, иначе у нас не будет резерва новых скважин, которые могли бы увеличить добычу нефти.

Таким образом, тов. Губкин намечал два пути улучшения работы Бакинских промыслов: во-первых, увеличение числа эксплуатируемых скважин и доведение до возможного минимума бездействующих и, во-вторых, расширение

бурения, умелое использование всех сил для этого, получение оборудования и привлечение техников из-за границы.

Вместе с тем он выражал сомнение, найдутся ли охотники за границей взять концессии в Баку, потому что дело восстановления нефтяной промышленности связано с весьма трудными невыгодными работами по предотвращению затопления скважин водой и что едва ли может интересовать концессионеров такая неприятная работа, не дающая немедленного производственного эффекта.

Таким образом, две существенные стороны промысловой работы — бурение и эксплуатацию скважин — следовало, по мнению тов. Губкина, проводить без вмешательства иностранного капитала. Это место было подчеркнуто Владимиром Ильичем два раза и отмечено нотабене».

Нотабене — обратить особое внимание! Ленин полностью согласился с Иваном Михайловичем Губкиным.

Как известно, капиталисты на концессии в сколько-нибудь широком размере не пошли. Этот отказ буржуазии от концессий являлся стремлением затормозить, затруднить, а может, и сорвать экономическое развитие Советской России. Но расчеты капиталистов не оправдались. Мы сумели собственными силами восстановить разрушенное хозяйство.

...Истины ради стоит сказать, что Ленин не всегда соглашался с Губкиным. Спорил с ним. Иногда журил. Иногда и резко отчитывал. Но всегда Владимир Ильич был требовательно-справедливым. Губкин с благодарностью вспоминал, как Ленин «всех нас тормошил и не давал успокаиваться». И еще: «Будучи сам великим мыслителем-ученым, Ленин высоко ценил науку, которая для него, как и для Карла Маркса, была «исторически движущей революционной силой». Понятен поэтому тот интерес, который проявлял Ленин к научным исследованиям, особенно таким, которые сулили оказать революционизирующее влияние на технику».

Иван Михайлович Губкин был подлинным револю-

ционером в науке. Поэтому он знал, верил — Владимир Ильич поддержит, подхватит все новаторское, дерзновенное. Откроет «зеленую улицу» всему, что полезно народу, ведет к процветанию Родины.

За этим Губкин и пришел к Ленину — однажды и на всегда.

ЕДИНСТВЕННАЯ ОПОРА

Может показаться странным и удивительным, даже не-постижимым, но так было.

Инженер с мировым именем, труды которого стали основополагающими для новой отрасли науки; дерзновенный открыватель подземных тайн, пришедший к вершинам знания, подобно Михайле Ломоносову — из самых низов; прокаленный степными ветрами геолог, чье неколебимое мужество вызывает всеобщее восхищение,— этот пятидесятилетний, умудренный жизненным опытом человек стоял перед своими сослуживцами и, не отдавая себе ясного отчета почему, волновался, как школьник, экзаменующийся на аттестат зрелости.

Впрочем, внешне его волнение никак не проявлялось. А те, кто присутствовал тогда на очередном собрании партийной ячейки, едва ли заметили, в каком состоянии нервного напряжения, накала он находится.

Иван Михайлович умел владеть собой не только в кругу своих единомышленников, друзей. Ему не раз доводилось встречаться с аудиторией, чуждой его идеологии, иногда открыто враждебной. Все равно и перед такими не пасовал. Он крепко знал, чего хочет, во что верует, к чему стремится. И цели своей, и веры своей не менял. Сказался в нем унаследованный, твердый как кремень бурлакский характер.

Собрание проходило в слабо освещенном полуподвалном помещении основного корпуса бывшего Делового

двора. После того как в этом здании на Варваровской площади обосновался Высший совет народного хозяйства, полуподвал, служивший, должно быть, прежде кухмистерской для швейцаров и иной прислуги, наскоро переоборудовали под клуб.

В тот день, уже клонившийся к вечеру, просторный клубный зал был холоден и неуютен. Его не отапливали, и все сидели, не снимая верхней одежды: в пальто, кожанках, солдатских шинелях.

Ведь это, заметьте, середина марта сурового 1921 года.

А Иван Михайлович сбросил пальто, он не чувствовал холода. Ему было жарко. Мучительно медленно тянулось время его глубоких раздумий, предшествовавших тому, что должно сейчас свершиться.

Близость к Ленину олицетворяет близость к партии. Губкин давно ощущал какую-то двойственность своего положения беспартийного руководителя и внутренне раздевался, что приходит этому конец. Много раз он направлялся к заместителю председателя ВСНХ Георгию Ипполитовичу Ломову-Оппокову с намерением попросить рекомендацию. И уходил, обговорив какие-то неотложные дела — их всегда легче всего решал именно Георгий Ипполитович, любивший науку и людей науки. Он с радостью принимал Ивана Михайловича, да и сам обращался к нему со множеством вопросов топливного хозяйства страны, которым ведал и за которым неусыпно следил Ленин.

Почему Ивану Михайловичу захотелось взять рекомендацию именно у Ломова? Разве мало коммунистов находилось в его, Губкина, непосредственном подчинении? Да и в других учреждениях, связанных с геологией, добычей ископаемых, среди нефтяников, ученых, деятелей народного просвещения Ивана Михайловича знали и относились к нему с почтением. Намекни он только — дали бы с удовольствием.

А ему хотелось иметь рекомендацию от человека,

близкого по душевному складу. И который заслужил сам доверие Владимира Ильича, чему Губкин был свидетелем многократно. Дружба Губкина с Ломовым складывалась на деловой основе. Никто из двоих не мог себя считать пристяжным. Они были коренниками в одной и той же упряжке. И не раз перед решением в ЦК или даже в Политбюро особо сложных топливных вопросов Георгий Ипполитович, бывало, говорил Губкину:

— Вы, Иван Михайлович, само собой разумеется, не преминете быть на заседании, скажете свое веское слово? — И спохватившись, досадливо: — Ах, да, совсем упустил из виду, вы ведь у нас все еще беспартийный... коммунист.

А то в интимной беседе, улучив свободных полчасика, они разоткровенничаются и Иван Михайлович выразит сожаление — мог быть с Лениным, в его когорте, с начала девяностых прошлого века.

— Вы еще тогда, милейший Георгий Ипполитович, извините, пешком под стол хаживали...

Ломов в ответ иронически:

— Многое потеряли, но зато сколько выгадали на членских взносах...

— Разве из-за этого в партию не вступают? — отбивался Губкин.

— А из-за чего же? — наседал Георгий Ипполитович. — В чем с нами не согласны? Или боитесь ответственности?

Иван Михайлович не знал, что ответить.

Никаких разногласий. Никакой боязни ответственности. Ощущение полного доверия партии, Советского правительства к нему, беспартийному ученому, начиная с памятной встречи на вокзале в Москве, после возвращения из США. Тогда Георгий Ипполитович обнял Ивана Михайловича. Спросил озабоченно:

— Где полагаете остановиться?

— Есть адреса. Да, признаться, не хотел к старым приятелям по Геолкому...

— Вот и прекрасно,— подхватил Ломов,— едем во 2-й Дом Советов, то бишь в гостиницу «Метрополь». Будем соседями. Для вас уже приготовлен хороший номер на четвертом этаже. Извольте взять ключ от него.

— Спасибо за беспокойство,— поблагодарил Губкин, взяв ключ, на брелоке которого был вытеснен № 434.

Добрососедство переросло вскоре в крепкую дружбу. Виделись они почти ежедневно. Зампред ВСНХ поощрял ученого и организатора во всех его начинаниях. Одобрял замыслы, помогал их осуществлять.

Без Ломова, пожалуй, не смог бы Иван Михайлович снаряжать в то суровое время геологические экспедиции. Доставать для них все необходимое: горные компасы, карты, планшеты, штативы, трубы, геологические молотки, сапоги и плащи, железнодорожные теплушк... А главное — мандаты с указанием местным властям оказывать геологам всяческое содействие и помочь. На мандатах — личная подпись Ленина.

Не забыл Иван Михайлович и первую свою командировку на ундорские сланцы. Пришел к Ломову с дерзким предложением: не ограничиться их разведкой, которую еще предстояло довести до завершения, а параллельно уже приступить к добыче.

Георгий Ипполитович и на этот раз горячо поддержал руководителя Главнефти. Посоветовал взять с собой в дорогу не только удостоверение, предоставляющее особые полномочия, но и револьвер, и крупную сумму денег для оплаты рабочих на создаваемом промысле.

Настойчиво продвигал Ломов в печать все, что считал интересным и ценным в работе Ивана Михайловича. Георгий Ипполитович помимо всего прочего непосредственно руководил отделом печати ВСНХ. Под его руководством издавался «Бюллетень Высшего Совета Народного Хозяйства». Уже во втором номере этого бюллетеня публикуются «предварительные отчеты» Губкина и Сняткова по командировке в Америку. Иван Михайлович

заканчивает свой отчет выражением глубокого убеждения, «что Россия не только не беднее нефтью и газом, но и богаче, чем Америка».

Ленин и его соратники, в первую очередь Георгий Ипполитович Ломов, верили губкинскому прогнозу и открывали перед ним безграничное поле деятельности. «Я желал бы,— писал Губкин,— чтобы хотя в некоторой степени мы приблизились в деле переработки нефти к Америке, и буду рад, если мой отчет поставит вопрос о более рациональном использовании наших нефтяных богатств». Он считал, что добыча нефти способна влиять на увеличение производительных сил всей страны, а в этом видел «наше единственное спасение после великой разрухи». И убеждение Ивана Михайловича не шло вразрез с политикой партии.

Ломов далеко не единственный соратник Владимира Ильича, с которым Губкин успел с первых своих деловых шагов завязать довольно тесные взаимоотношения. Его поддерживали Кржижановский, Красин, Киров, Серебровский и другие крупнейшие организаторы молодой советской промышленности.

Ему был душевно близок Сергей Миронович Киров. С ним он поднимал бакинские нефтяные промыслы. Ивана Михайловича поражала совершенно исключительная способность Кирова, не переставая учиться в самых невероятных условиях, овладевать знаниями. В этом было что-то родственное Губкину. Ведь Сергей Миронович начал жизнь «в глубоких низинах старого общества, в уездной глупи, в горькой нищете», как позже говорил о нем Губкин. И из такой «неласковой жизни в чужих людях, в сиротском приюте» Киров сумел подняться и стать в ряд с «замечательными людьми нашей эпохи».

Часто повторял Иван Михайлович крылатый ответ Кирова на вопрос, зачем ему нужна вузовская подготовка: «Большевику-руководителю сопротивление материалов так же необходимо изучить, как и сопротивление врага».

А все-таки Губкин обратился за рекомендацией к Ломову. К тому, кто был ему всех ближе.

Когда Георгий Ипполитович писал рекомендацию, в кабинет вошел чернобородый человек, с взлохмаченной и такой же черной, густой гривой волос на голове. Глаза его казались двумя крупными каплями смолы.

— Здравствуй, Леший,— Ломов встал и пошел на встречу вошедшему,— рад тебя видеть.

По всему было видно, что хозяин кабинета и тот, кого он привечает, друзья. И это действительно так и было. Они знались еще по московскому подполью. Лешим назвали Зиновия Николаевича Доссера дружинники в девятьсот пятом за необычайную храбрость, проявленную на баррикадах Пресни. Член Московского комитета партии, ответственный организатор Окружного района, он после поражения революции руководил подпольем на предприятиях Замоскворечья. В 1907 году был схвачен жандармами, но сумел совершить дерзкий побег из тюрьмы и очутился... в Хабаровске. Через несколько лет он в Питере — большевистский пропагандист и агитатор. В Февральскую революцию создает профсоюз нефтяников, избирается его председателем. А после победы Октября, как только был основан ВСНХ, по рекомендации Ленина становится председателем коллегии нефтяников в Высшем совете народного хозяйства, позже — управляющим Нефтесиндиката.

— Пришел весьма кстати. Пишу Ивану Михайловичу рекомендацию в партию.

— Так ты уже не первую даешь,— сказал Зиновий Николаевич.

— А чья же первая? — спросил Ломов.

— Лешего,— смущаясь ответил за Доссера Губкин.

БЕЗ КАНДИДАТСКОГО СТАЖА

...Председатель собрания объявил повестку. Обилие разных вопросов, среди них очень важные, срочные. Но в первую очередь разбирается единственное заявление в партию. Зачитываются рекомендации.

— Товарищ Губкин, расскажите, пожалуйста, коротко свою биографию.

О! Это ему проще простого. Утаивать нечего. Все ясно как на ладони. Раскрывая перед коммунистами свою жизнь, он выделяет, подчеркивает самое существенное. И повторяет то, что когда-то говорил своим однокашникам:

— Я очень рано полюбил науку и дал себе зарок — войду в нее хозяином... Помогла мне осуществить заветную мечту партия Ленина. Вот почему хочу быть в ее рядах...

Конечно, он с партией, и о том же говорят все выступающие. Все одобряют его шаг — он достоин быть коммунистом. Но вот совершенно неожиданно раздается чей-то голос с места:

— Скажите, Иван Михайлович, а почему вы только сейчас вступаете?

Для Ивана Михайловича это прозвучало упреком: «Почему вы так поздно вступаете в Коммунистическую партию?» В самом деле, почему?

Собираясь с мыслями, заволновался, очевидно, не ожидал, что его об этом спросят. Да, был момент, когда он уверил себя, что наука требует отрещения от всего остального. Ей надо отдаться целиком и полностью, без остатка. Он жестоко заблуждался. И давно уже сожалеет об этом заблуждении.

— Я ученый, — ответил он задавшему вопрос. — Мое место в партии, которая движет вперед жизнь. Почему раньше не занял это место? По-моему, никогда не поздно человеку исправить ошибку, если он ее осознал...

Просит слово Ломов.

— Я рассказал Владимиру Ильичу об ответственном шаге Ивана Михайловича. Он просил меня поздравить нашего соратника по восстановлению хозяйства страны и добавил: «Я бы голосовал за принятие Губкина не кандидатом, а сразу членом партии...» Вношу такое же предложение.

— Кто «за», прошу поднять руку, — сказал председатель и, взглянув на присутствующих, заулыбался: — Единогласно!

Это был первый случай приема в партию без кандидатского стажа.

Так позже принимали лучших сынов нашей родины: доменщика Павла Коробова, летчика Валерия Чкалова, микробиолога Николая Гамалея, писателя Михаила Шолохова, селекционера Василия Пустовойта, поэта Максима Рыльского, космонавта Валерия Быковского...

ЕГО КРЫЛЬЯ

Выдающийся ученый с мировым именем прожил долгую и плодотворную жизнь. В этом коротком повествовании невозможно даже перечислить все, что он сделал. Трудно обозначить беглыми штрихами его открытия и свершения, оценить в полной мере долю участия в развитии народного хозяйства первого в мире социалистического государства.

Известный советский ученый Василий Михайлович Сенюков однажды рассказал корреспонденту «Правды»:

— В то время, когда я не был профессором, а был только студентом Горной академии, я прошел всю Сибирь пешком от Байкала до Урала. Сделал это, следуя советам своего учителя академика Губкина. Первым человеком, который поверил нам, что в Сибири есть нефть, был Серго Орджоникидзе. Из имевшихся в его распоряжении двадцати одного бурового станка он выделил один для нас. Мы везли этот станок по реке на барже, впряженные

вместе с лошадьми, когда надо было перетаскивать баржу через перекаты...

Таким было начало. Хлынула бурным потоком по трубопроводам нефть Сибири. Есть в изобилии газ Сибири. Он как энергетическая кровь течет по производственным организмам ряда государств Европы.

Один из лучших учеников Ивана Михайловича — член-корреспондент Академии наук СССР М. И. Варенцов напишет о своем учителе:

«На древней русской земле, недалеко от реки Оскол, стоит новый город Губкин. Это же имя носят два института — один в Москве, другой в Баку, школа в селе Позднякове Владимирской области, мощный нефтеузел на Волге. Мы едем трамваем по Юго-Западу Москвы, кондуктор объявляет остановку: поселок Губкина.

Советские людиувековечили память выдающегося ученого, назвав его именем населенные пункты и учебные заведения. Но Губкин напоминает о себе в наши дни не столько мемориальными досками, сколько живыми делами. Мы вновь и вновь пожинаем плоды сделанных им открытий и прогнозов, поражаясь силе его научных предвидений».

Железная руда под Курском и Белгородом, нефть и газ Сибири, Кубани и Ставрополья, Приуралья и Поволжья, сланцы в разных местах страны, первая советская Горная академия в столице — во все это и еще во многое вложены ум и сердце, душевный порыв и ярчайший талант большевика Ивана Губкина.

Он трудился жадно, с вдохновением. Его окрыляли близость к Ленину, доверие Ленина, идеи коммунизма.

Но часто ему не давала покоя мысль о том, что он мог бы дать еще больше, быть еще полезнее для Родины, если бы с юных лет шел в ногу с революцией, с большевиками, в их доблестном отряде.

Будучи уже вице-президентом Академии наук, руководителем Главного геологического управления, профессо-

ром Института горючих ископаемых, членом редколлегии журнала «Нефтяное хозяйство» и депутатом Верховного Совета СССР, он неоднократно и с печалью повторял:

— Я поздно вступил в партию. Это большая (хотя и объяснимая) ошибка, которую я стараюсь исправить усиленной работой. Мне все время кажется, что времени не хватает, что времени у меня осталось мало, чтобы дать стране, промышленности, своим ученикам все то, что я мог бы дать.

Он дал все, что мог. И был, по его же собственному определению, «разведчиком нового мира». Этот строящийся, побеждающий новый мир никогда не забудет весомого и зоркого вклада великого ученого, верного ленинца.

Губкин прожил ярко. Он был бунтарем и в жизни и в науке. Приобретал и терял друзей. В одних людях разочаровывался, других нежно и страстно любил. Но принципы и убеждения не менял — в этом его можно сравнить с самой твердой скальной породой.

«Чтобы быть хорошим коммунистом и хорошим ученым, ученый-большевик должен бороться за науку с такой же страстью, как и за генеральную линию партии. Ученый должен быть принципиальным и не сдавать своих убеждений. Всю свою жизнь я старался воспитывать в себе принципиальность. Я никогда — ни ради «дружбы», ни ради славы или денег, ни ради сохранения «хороших отношений» — не изменял своим убеждениям».

Партийность была для Губкина превыше всего. Жена запомнила его шутливое и вместе с тем совершенно серьезное присловье:

— Ты у меня, Варюша, первый человек... после партии!

ДОРОГА В ПРОСТОР

(Михаил Покровский)

От вихря сражений,
от жара атак —
учиться в столицу
пришли на рабфак.

Будь знанья кунаком. Богат его очаг,
Щедры его дары, густы его сады!
А ты — желанный гость в цветущих тех
садах:
Иди и собирай румяные плоды.

Гамзат Цадаса

Основаны советские школы, рабочие факультеты, несколько сотен тысяч молодых людей учатся, учатся, может быть, слишком быстро, но, во всяком случае, работа началась, и я думаю, что эта работа принесет свои плоды.

В. И. Ленин

ТАМ, ГДЕ БУШЕВАЛИ СТРАСТИ

С Большой Серпуховской мы свернули в Стремянный переулок. Тут мой спутник — Константин Васильевич Островитянов, внезапно прервав спокойное течение нашей беседы, как-то переменился. Куда девалась солидная степенность, подобающая семидесятилетнему академику? Он будто сбросил, стряхнул с себя тяжесть, сопряженную с возрастом. И по укоренившейся смолоду привычке, вопреки правилам уличного движения, бодро зашагал наискосок, через проезжую часть, прокладывая кратчайшую диагональ к трехэтажному зданию старомодной архитектуры. При этом он влюбленно, как на отчий дом, смотрел на фасад здания, к которому быстро приближался.

В стеклах его очков отражались освещенные солнцем колонны, башенки, лепные карнизы, громоздкие каменные балконы, парадный вход. Все такое знакомое, близкое.

Прошло еще несколько минут. Мы внутри здания. В тесноте длинных коридоров. Пробиваемся среди снующих в разные стороны юношей и девушек с портфелями. Разыскиваем «ту самую аудиторию», где «все началось».

А вот и она! Но Константин Васильевич останавливается у дверей, прикладывает палец к губам: нельзя мешать, начались занятия.

Теперь коридор пуст. Из-за двери аудитории к нам доносится слабое поскрипывание мелка по доске. Его перемежают паузы напряженной, сосредоточенной тишины.

— Наверное, первокурсники,— полагает Константин Васильевич.— Знают ли они, какие страсти здесь бушевали?

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ

Ответственный организатор райкома партии Ваграшак Тер-Ваганян появился на собрании партячейки Московского коммерческого института в тот час, когда прения уподобились заведенной граммофонной пластинке с сорванной бороздкой.

Присутствующие — сидели тут восемь человек — успели досыта наговориться. Каждый выступал по второму, даже по третьему кругу, невольно повторяя сказанное раньше.

И, увы, никто не смог предложить надежного пути к победе в предстоящей баталии.

А она уже разгорелась, пламенела на горизонте, эта решающая битва. Близился срок выборов очередного «институтского правительства» — так сами студенты называли старостат, руководящий центр вузовского самоуправления.

Наверное, любому советскому человеку, от школьника до пенсионера, приходилось неоднократно выбирать то в классе, то в группе, то в кружке старосту. Обыденная, ординарная, совершенно заурядная процедура. Считать ее баталией, решающей битвой — не смешно ли?

Нет, не смешно! Стоит только ясно представить время, о котором ведется рассказ.

Осень тысяча девятьсот восемнадцатого года.

Молодая Советская власть не успела отпраздновать первую годовщину своего существования. Она еще не оперилась как следует. Отовсюду на нее наседали враги — внутренние и внешние. И на митингах, в газетах повторялись как призыв к действию слова Владимира Ильича Ленина, произнесенные совсем недавно вот здесь же, в Коммерческом институте: «Республика в опасности!»

— Враги Советской России окружают нас тесным железным кольцом... — предупредил Ленин 2 августа. Но выразил полнейшую уверенность: врагов сокрушим, а социализм успешно построим.

Социализм строился. В тот же день, 2 августа, словно в подтверждение этому Владимир Ильич подписал им же подготовленный декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения». Теперь любой гражданин, достигший шестнадцати лет, без различия национальности, сословия, независимо от гражданства и пола, не имея удостоверения или диплома об окончании средней школы, мог стать студентом любого вуза и учиться бесплатно.

Ленин посчитал даже столь радикальные меры недостаточными. Он настоял на дополнительном постановлении Совнаркома. В нем указывалось: «На первое место безусловно должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии».

Распахнуты двери вузов перед рабочими и крестьянами. Им обеспечены стипендии. Хоть и с опозданием, а все-таки начинался первый советский учебный год.

В Коммерческом институте уже определена дата выборов старостата. Все должно войти в нормальную колею.

Что же так встревожило коммунистов? Почему они ощутили себя горсточкой бойцов перед огромной вражеской армией?

Да потому, что их только восемь, всего-навсего восемь на весь институт.

И очередной прием не изменил социального состава учащихся. Не привел этот прием и к росту ячейки.

Рабочие, несмотря на декрет и стипендии, не заглядывали в институт. Они попросту не подготовлены к занятиям в нем.

Наконец, внутри института, на всех факультетах по-прежнему верховодили кадетские сынки вкупе с эсерами и меньшевиками.

Их «блок» предложил даже коммунистам, в виде щедрой милости, одно из пятнадцати мест в старостате.

Поистине безграничное великодушие!

Особенно если учесть, что оно проявлено по отношению к партии, которая победила в Октябре и находится у власти.

ОСОБЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

Ваграшак опоздал на собрание ячейки. Весь день он провел на заводах района и еще не остыл от полученных там впечатлений и бесед с рабочими в цехах. Он видел, как тянется рабочий народ к управлению производством. Хочет, берется хозяйствовать, да не всегда получается. Не хватает знаний, умения.

У Тера был горячий нрав южанина. Его возмутила растерянность коммунистов.

— Вы ломаете голову над тем, как завладеть старостатом? Вы не знаете, как справиться со студентами, погрязшими в кадетском болоте? Стыдитесь, товарищи! — Тер широким жестом описал рукой большую дугу. — Вокруг вас сотни фабрик и заводов, или вы это забыли? Забыли, что в Октябре рабочие фактически завоевали высшую школу для себя... Да позовите рабочих с Михельсона, Цинделя, Брокара, Бромлея... Пообещайте помочь в учебе...

Вот с этого все и началось.

Коммунисты пошли по заводам и стали вербовать рабочих в институт: поможем, подготовим. За несколько дней удалось собрать около тысячи заявлений. Было принято столько же новых студентов.

Но им нельзя было механически влиться в существующие факультеты. Рабочие не могли слушать лекции. Эти лекции были недоступны им по форме. В них изобиловали непонятные термины, формулы...

Выявились нужда в особой программе. В тесной увязке ее с практикой. Даже в особом расписании занятий. Оно должно быть удобным для тех, кто из робости или по другим причинам не хотел, не мог сразу оставить своих станков, печей, верстаков, агрегатов.

Новички сами подали мысль: почему бы нас не объединить в особый факультет? В факультет равных. Пусть он состоит из одних рабочих. А права такие же, как для остальных.

Ясно, что такому факультету необходима и своя программа. Рабочий остается студентом этого факультета, пока полностью не освоит азы наук, углубленно изучаемых с первого курса института.

Вот когда освоит, пусть тогда и перейдет на основной курс, как школьники из класса в класс.

Посыпались вопросы. Возник рой недоумений. Где же такой факультет разместить? Рабочие опять нашлись: здесь же, в институте. Можно учиться в разные часы. Или просто отвести нам часть аудиторий.

А как насчет лабораторий? Все так же, как и с аудиториями. Мы по-рабочему их дооборудуем, сделаем необходимое.

А кто будет учить? Где взять педагогов? И это ясно — институтские профессора.

О! Рабочие подсказки вызвали бурю, шквал негодования!

Реакционные профессора пригрозили даже забастов-

кой. «Мы не станем чистую науку излагать чумазым неучам в засаленных куртках. Не допустим никого на первый курс без экзаменов и аттестата зрелости!»

Вот тогда старостат (упомянем, кстати, что благодаря рабочему пополнению коммунисты на выборах повели за собой студенчество и одержали верх) решил обратиться за советом и помощью в Наркомпрос.

КРАСНЫЙ ПРОФЕССОР С ПИКОЙ

Почему посланцы института попали на прием к заместителю наркома просвещения Михаилу Николаевичу Покровскому, никто в точности сейчас объяснить не в состоянии. Быть может, студенты знали его как крупного ученого, выдающегося революционера, связавшего свою жизнь с большевистской партией, с Лениным еще в эпоху первой русской революции.

Михаил Николаевич был в составе литературной и лекторской группы МК РСДРП. Его доклады любили слушать подпольщики Москвы, рабочие заводов. Летом памятного пятого года он с партийным заданием едет в Женеву к Владимиру Ильичу. Личное знакомство, беседы с вождем партии. Михаил Николаевич возвращается в Россию и на бурных нелегальных собраниях горячо ратует за осуществление ленинского курса на вооруженное восстание.

Вероятно, студенты могли обо всем этом знать от своих старших братьев, отцов. Они могли слышать и об острой критике, которой подвергал Покровский меньшевиков на V съезде партии, где он проявил себя стойким ленинцем.

И, разумеется, прогрессивное студенчество было в курсе того, каким гонениям царское правительство подвергало историка-марксиста. Ему не давали печатать своих научных работ. Не допускали к чтению публичных лекций. Запрещали вести курс в университете.

С 1909 года вплоть до Февральской революции Михаил Николаевич вынужден был жить в эмиграции.

Не всегда и не во всем он был строго последовательным большевиком. Бывало, случались ошибки. Но Владимир Ильич не упускал из виду этого одаренного сподвижника и всякий раз помогал Покровскому освободиться от груза заблуждений.

Коммерческий институт расположен в Замоскворечье. Как раз в этом районе Михаил Николаевич принимал живейшее участие в организации революционного переворота. Он был в штабе районной Красной гвардии, появлялся в решающие часы на баррикадах. Студенты-красногвардейцы гордились тем, что среди их руководителей имеются такие видные ученые, как Покровский и Штернберг.

Москвичи знали и ценили своего красного профессора «с пикой» — так окрестили Покровского за его острые и меткие речи, разящие врага.

Сразу же после победы Октября Михаила Николаевича избрали председателем Моссовета. Потом партия поставила его во главе Совета Народных Комиссаров Московской области. Он энергично принял перестраивать народное образование, вошел в Государственную комиссию по просвещению. И готовил по поручению Владимира Ильича важнейшие реформы народного образования.

Когда упразднили областные совнаркомы, Покровский занял нелегкий пост заместителя Луначарского в Наркомпросе.

Совершенно очевидно, у представителей старостата Коммерческого института имелись немалые основания обратиться за помощью именно к Михаилу Николаевичу.

Да и сам он как будто готовился к этой встрече. Ждал ее с нетерпением. Знал, что она непременно должна произойти.

Ведь его мучили те же проблемы. Из разных мест поступали в Наркомпрос тревожные сведения: ленинский

декрет наталкивается на серьезные препятствия. У трудовой молодежи, как правило, нет среднего образования. Рабочие, принятые без экзаменов в институты и университеты, после первых же лекций отсеиваются, бросают учебу.

А партия, страна испытывают острую нужду в специалистах. Нельзя, некогда ждать, пока удастся в средней школе, в нормальных условиях, обычным путем подготовить молодых рабочих и крестьян для вуза.

КАЖУЩЕЕСЯ СПАСЕНИЕ

В московском центре коммунистического студенчества возникла казавшаяся спасительной идея краткосрочных подготовительных курсов. Михаил Николаевич живо подхватил ее. Выработал временное положение. Определил цели курсов.

Наркомпрос немедленно разослал директиву — открывайте их по всей территории республики. Предоставляйте преимущественное право учиться рабочим и крестьянам по рекомендациям фабзавкомов, комитетов бедноты или партийных ячеек. Принимайте слушателей круглый год. Выдавайте им государственную субсидию.

Столько соблазнов!

А курсы не прививаются. В одном месте не подыскали помещения. В другом — оборудования. В третьем — нет педагогов. В четвертом не хватает всего, что надо. Срываются курсы. Да и те, которые удалось открыть, не способны полностью решить проблему. Вуз остается в стороне. С ними, как и без них, не меняется быстро и резко классовый состав самого студенчества.

Михаил Николаевич припомнил разговор с Анатолием Васильевичем Луначарским, только что прибывшим из Питера в крайнем возбуждении.

Тот поделился со своим замом «жутким» впечатлением, которое произвело на него, «совсем недавнего наркома,

всего от роду несколько дней», посещение в «этом новом своем качестве» одного из петроградских вузов.

— Правда, чье-то предупреждение, написанное карандашом на серой бумаге, что меня встретят химической обструкцией, не оправдалось, но вокруг меня были буквально какие-то волчьи глаза. Молодые люди и девушки, переполнившие аудиторию, смотрели на меня как на врага. Это ведь все были февральские юнцы, шарагнувшиеся от Октябрьской революции, которая, по их мнению, разбила нарождающуюся демократическую гармонию и вырвала власть из рук «лучшей части интеллигенции»...

Возвращаясь с этой первой встречи со студентами, Луначарский думал: «Какая огромная, неблагодарная, а может быть, невыполнимая задача! Ведь эти молодые люди будут первыми кадрами специалистов, которых выпустит революция. Для нас? Как бы не так!»

Михаилу Николаевичу все это не ново. Он знал, кто при царизме заполнял высшую школу. В нее попадали почти исключительно отпрыски из буржуазно-помещичьей среды. Но он не склонен падать духом. Верит: если сделано решающее, главное — взята власть трудящимися, то с остальным, без сомнения, они справятся.

РАБФАК!

И вот перед Покровским несколько молодых рабочих. Они представляют старостат — студенческую власть Коммерческого института. Просят совета, помощи и, сами того не замечая, предъявляют справедливые требования Народному комиссариату просвещения.

— Если я вас правильно понял, друзья, вы настаиваете на отдельном факультете для рабочих?! — Фраза произвучала не то вопросительно, не то была произнесена тоном одобрения. Михаил Николаевич, потрогав рукой свою густую длинную бороду, щедро пересыпанную

серебром сединок, как бы про себя рассуждал: «Факультет рабочих... Факультет заводской и фабричной молодежи... А почему молодежи?.. Почему только молодежи?.. Пусть к нам идут учиться и пожилые... Любви и ученью все возрасты покорны, не так ли?!» — Опять он не то спрашивал, не то утверждал. И при этом внимательно, с каким-то внутренним ликованием останавливал свой взгляд на каждом из пришедших. Усталые, чуть выпуклые глаза его сквозь стекла сильных очков засветились. И в третий раз, варьируя, переставляя слова местами, он почти воскликнул: «Рабочий факультет! А? Так, по-моему, поскладней...»

— Поскладней,— подхватил обрадованно Тер. Он тоже был в делегации старостата.

— Но название в два слова,— возразил Михаил Николаевич, не сдерживая приятной улыбки,— сами понимаете, в наше время звучит архаично. Надо бы их спрессовать в одно. Пишется, например, Народный комиссариат просвещения, а произносится — Наркомпрос. Будут писать — рабочий факультет, а в просторечии повсюду зазвучит: раб-фак, рабфак!.. Отлично звучит, твердо и в жизнь войдет накрепко. А?.. Рабфаки во всей стране. В каждом вузе...

— Сто раз правильно,— подтвердил нетерпеливый Тер. Его черные, как осколки антрацита, зрачки, так же как у Покровского, засверкали, зажглись.— Не раз, а сто раз правильно. Не при вузе, а в каждом вузе.

— Разумеется, на равных правах.— Михаил Николаевич пододвинул блокнот, оторвал чистый листок и стал что-то быстро на нем писать. Закончив, протянул записку Теру. — Возьмите, пожалуйста, и, не теряя времени, всей компанией ступайте сейчас же к товарищу Ленгнику Фридриху Вильгельмовичу. Он заведует у нас главкомом профессионально-технического образования. Посоветуйтесь с ним, как и с чего начинать. Я же за всем прослежу.

О любой заминке сообщайте... Не вздумайте остыть, замешкаться...

Уже прощаясь с делегатами, чтобы придать больше веса и значения их инициативе, заместитель наркома сказал:

— Непременно сегодня же поделюсь с Анатолием Васильевичем. А он доложит Ленину о вашем предложении. Мне кажется, Владимира Ильича оно очень порадует.

ТАКОЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

Академик Островитянов приглашает меня в самую большую аудиторию Института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова.

Мы входим и оказываемся в последних рядах огромного амфитеатра. Ряды расположены конусообразным полукружьем. Оно полого, словно террасами, спускается книзу. А там, далеко внизу, на подмостках стоит стол. На некотором расстоянии от него — кафедра. Отсюда, сверху, с «птичьего полета», она кажется совсем маленькой.

— С этим залом связаны патетические страницы истории, — говорит Константин Васильевич. — В его стенах раздавался голос Ленина. Здесь же состоялось открытие первого в стране рабочего факультета. Такое не забывается...

В тот вечер, 2 февраля 1919 года, в большой аудитории негде было яблоку упасть. Студенты и гости заполнили все проходы. Толпились у дверей. Стояли в несколько рядов за стульями президиума.

Приветствуя первых рабфаковцев, Анатолий Васильевич Луначарский, первый в мире нарком просвещения первого в мире рабоче-крестьянского государства, произнес растроганно:

— Никогда, может быть, стены старого вуза не видели

молодежи, столь нищей и столь богатой духом, столь проникнутой энтузиастическим весельем и столь глубоко, даже трагически серьезной. Если бы стены этого института обладали нервами, они стали бы радостно вибрировать, вновь почувствовав в своих объятиях настоящую молодость человечества...

Очень тепло был встречен и Михаил Николаевич Покровский. Его все считали «крестным отцом» рабфака. Он возглавил комиссию по выработке его первого учебного плана и программ. Наметил структуру рабочего факультета из двух отделений: экономического и технического. Помог организации учебного процесса. Дал решительный отпор реакционным педагогам. По рекомендации Михаила Николаевича деканом вновь созданного рабочего факультета стал Дмитрий Михайлович Генкин, профессор, видный специалист по гражданскому праву.

— Видеть рабочего в высшей школе,— признался Покровский,— было главной целью моей работы в Народном комиссариате по просвещению. Теперь я вижу осуществление моей заветной мечты. Мы получим пролетарского студента, а затем и профессора, и я надеюсь, что таких примеров я увижу десятки, сотни, тысячи...

Торжество достигло своего апогея, когда Тер зачитал только что поступившее в президиум письмо Клиmenta Аркадьевича Тимирязева.

«Молодые товарищи! — писал он.— К вам обращается со словами горячего привета человек, который уже перевалил во вторую половину своего восьмого десятка. Никогда, быть может, не сознавал я так ясно тягость этих лет, еще связанных с болезнью, как в эту минуту, когда вынужден отказаться от прямого участия в сегодняшнем собрании и ограничиться этими краткими словами привета. Старость и болезнь не позволяют мне явиться самому, но я не желал бы, чтобы мое отсутствие могло быть принято за равнодушие к открытию первого свободного рабочего факультета, бывшего моей мечтой в течение долгих лет.

Наука и демократия, тесный союз знания и труда десятки лет были моим любимым призывным кличом... Рабочий станет действительно разумной творческой силой, когда его пониманию станут доступны главнейшие завоевания науки, а наука получит прочную опору, когда ее судьба будет в руках самих просвещенных народов...»

— Напутственное слово от имени Замоскворецкого райкома партии поручили сказать мне,— вспоминает академик Островитянов.— Право, не знаю, почему удостоился такой чести...

Константин Васильевич скромно умалчивает, что заведовал в эту пору первым советским райотделом наробраза, который многое сделал для рабфаковцев.

Но мне известно и другое. Константин Васильевич — питомец этого института. Он, партработник этого района с солидным подпольным стажем, чувствовал себя здесь как в своей семье.

А семья рабфаковцев между тем быстро росла и вскоре превратилась в большое и могучее племя.

Еще до первого рабфака робко появились подготовительные курсы при Московском государственном университете. Ректор МГУ махровый кадет М. М. Новиков поместил канцелярию курсов в сумрачном коридоре, а занятия с тремястами рабочими распорядился проводить в вестибюле.

— Без студенческого билета вход в аудиторию запрещен! — твердил он в ответ на настойчивые просьбы курсантов. Они невольно мирились со своим бесправием — формально возразить было нечего.

Нежданно-негаданно до них дошел слух о событиях в Коммерческом институте. «А чем же мы хуже?»

И вот объявлен дополнительный набор. Начата вербовка по предприятиям. Учить новичков приглашены лучшие профессора. В университетском рабфаке не триста, а уже

более двух тысяч слушателей. И на всех, представьте, хватило аудиторий. Теперь у рабфаковцев — студенческий билет!

Почти одновременно начали свою жизнь рабфаки и в Межевом институте, и в Петровской сельскохозяйственной академии. Пречистенские рабочие курсы тоже были превращены в самостоятельный рабфак.

ГОСТЬ ИЗДАЛЕКА

Слух о новых факультетах в вузах, рассчитанных на трудовой народ, разнесся по городам и весям.

Еще не умолкли баталии гражданской войны. Повсюду разор, запустение, голод. Но рабочие, демобилизованные красноармейцы, крестьяне всех возрастов устремились на учебу. Потянулись из разных мест, с самых глухих и далеких окраин. Иногда пешком, преодолевая сотни верст бездорожья. Или с риском для жизни пристраивались на крышах и буферах железнодорожных вагонов.

Надежда Константиновна Крупская вошла однажды к Покровскому в его служебный кабинет раздосадованная:

— Ах, какая жалость, Михаил Николаевич, что вас раньше не было. Тут приходили студенты с гостем издалека. Да уж нам самим с Анатолием Васильевичем пришлось его устроить.

— С каким гостем, куда устроить?

— Парень деревенский,— объяснила Крупская.— Он даже не знал, что существует на свете какой-то Наркомпрос, а добравшись до Москвы, разыскал памятник Ломоносову и сел у его подножия, надеясь, что его кто-нибудь там увидит и отведет куда надо. Студенты и привели его к нам...

— Куда же вы его устроили?

— В рабфак имени Покровского, университетский, сам выбрал...

«Повезло парню. Студенты привели. Нарком предоставил выбор. А надо бы основательно позаботиться обо всех», — подумал Михаил Николаевич.

У него возникла мысль о специальном отделе рабочих факультетов в Наркомпросе. Такой отдел займется комплектованием студентов, набором руководителей и педагогов, составлением программы и учебных планов, будет наблюдать за ходом занятий, обеспечивать всем необходимым...

Покровского не смущало то, что рабфаки пока не узаконены. Он ни капельки не сомневался — правительство их декретирует. Самой жизнью они утверждены. Да и Ленин следит за ними с глубокой заинтересованностью. Урывает часок-другой, чтобы съездить с Надеждой Константиновной в студенческое общежитие. Они беседуют с рабфаковцами. Заботятся о них. Часто раздаются телефонные звонки из Кремля в Наркомпрос. Ленин спрашивает, журиит, требует, дает советы, контролирует исполнение своих указаний.

МАСШТАБ ПОХОДА — ВСЯ СТРАНА

«...Ильич налегал на нас, просвещенцев, — вспоминала Надежда Константиновна, — требовал, чтобы шире организовали учебу среди взрослых рабочих, крестьян, красноармейцев, не формально подходили к учебе, не по-казенному, а ширили горизонт учащихся, пропитывали всю учебу духом партийности. Требовал, чтобы всеми путями открывали доступ к высшему образованию тем, кому были раньше эти пути закрыты».

На заседании Совета Народных Комиссаров, где Луначарский и Покровский отчитываются о состоянии рабфаков, председательствует Ленин. По его настоянию этот вопрос внесен в повестку дня. Здесь утверждается заранее подготовленный правительственный декрет о рабочих факультетах.

Владимир Ильич скрепляет декрет своей подписью. Ленин принимает близко к сердцу все невзгоды и треволнения рабфаковцев.

«Предлагаю Малому СНК специально заняться вопросом о рабочих факультетах, всесторонне его рассмотреть и добиться максимального улучшения положения рабочих факультетов», — пишет Владимир Ильич заместителю председателя Малого Совнаркома, посыпая ему несколько докладных записок и протоколов студенческих собраний о неустроенности быта, плохом питании.

Зато несказанно радуют Владимира Ильича добрые вести. Этим по-своему пользуется Надежда Константиновна.

«Придешь, бывало, к Ильичу — он в конце 1919 г. имел очень плохой вид... усталый, озабоченный. Придешь, он молчит. Знала я, что для того, чтобы разговорить его, перебить ему настроение, надо рассказать ему что-нибудь характерное из жизни рабфаковцев, совпартишки. Рассказывать было что. Его интересовало, как растет у людей сознание, как растет понимание задач, стоящих перед нами. Много приходилось говорить с Ильичем на эти темы».

Драгоценны эти воспоминания Надежды Константиновны.

Конечно же Ленин одобрил создание самостоятельного отдела рабфаков в Наркомпросе. Он дал указание увеличить рабфаковцам нормы пайка, приравняв его к красноармейскому тыловому. Никаких мобилизаций для рабочих-студентов — пусть учатся.

Если к концу 1919 года было всего четырнадцать рабфаков, то в двадцатом их стало сорок пять. На следующий год — пятьдесят девять.

Почин принадлежал столице. За ней последовали еще тридцать три города. И не только таких, как Петроград, Киев, Харьков, но и Смоленск, Орша, Тамбов, Владикавказ, Борисоглебск, Кунгур, Елец и даже Устюг Вели-

кий, тогда очень малый по числу населения, вопреки своему названию.

Владимир Ильич гордился успехами рабфаков, их ростом. Они приняли характер массового движения. Настоящий поход рабочих и крестьян к вершинам знания. Масштабы похода — вся страна.

ПЕРВОСТЕПЕННОЕ ДОСТИЖЕНИЕ

Ленин готовится к докладу «О внутренней и внешней политике республики» на IX Всероссийском съезде Советов. Запрашивает у Луначарского, Покровского, Литкенса необходимые данные и с удовлетворением заносит в план своего доклада:

«Рост жажды ученья очень грубо и неточно выражается

	<u>1920</u>	<u>1921</u>
изб-читален	34 тыс.	37 (+10%)
учащихся в профтехнических школах	47 тыс.	95 тыс. (+100%)
рабфаки (учащихся)	17 тыс.	41 тыс. (+143%)».

Ленин считал рабфаки живым, неиссякаемым источником необходимых народному хозяйству специалистов. Таких специалистов, которые смогут ускорить процесс коммунистического преобразования общества. Он хотел, чтобы опыт молодой социалистической державы узнали трудящиеся всех континентов, всех стран.

Клара Цеткин, выдающийся деятель германского и международного коммунистического движения, «пламенная Клара», как называли ее женщины всего мира, борющиеся за равноправие и свободу, впервые попала в молодую Советскую Россию ранней осенью 1920 года. Вскоре она увидела Владимира Ильича в Свердловском

зале Кремля на IX Всероссийской конференции РКП(б).

«Ленин показался мне неизменившимся, почти не-постаревшим. Я могла бы поклясться, что на нем был тот же скромный, тщательно вычищенный пиджак, который я видела на нем при первой нашей встрече в 1907 году на всемирном конгрессе II Интернационала в Штутгарте,— уверяет Клара Цеткин.— В своих выступлениях Ленин остался таким же, как прежде».

И таким же застает она Владимира Ильича в домашних условиях, в его скромной квартире, вместе с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной. Между ними завязался общий разговор об искусстве, просвещении и воспитании.

Клара Цеткин темпераментно выразила «свое восторженное удивление перед единственной, в своем роде титанической, культурной работой большевиков, перед расцветом в стране творческих сил, стремящихся проложить новые пути искусству и воспитанию».

Ленин в ходе беседы высказал некоторые свои мысли по поводу этих новых путей. Гостья постаралась их записать. Вот они:

«Для того чтобы искусство могло приблизиться к народу и народ к искусству, мы должны сначала поднять общий образовательный и культурный уровень. Как у нас обстоит дело в этом отношении? Вы восторгаетесь по поводу того колоссального культурного дела, которое мы совершили со времени прихода своего к власти. Конечно, без хвастовства, мы можем сказать, что в этом отношении нами многое, очень многое сделано. Мы не только «снимали головы», как в этом обвиняют нас меньшевики всех стран и на вашей родине — Каутский, но мы также просвещали головы; мы много голов просветили. Однако «много» только по сравнению с прошедшим, по сравнению с грехами господствовавших тогда классов и клик. Необъятно велика,— продолжал Владимир Ильич,— разбуженная и разжигаемая нами жажда рабочих и крестьян к образованию

и культуре. Не только в Питере и в Москве, в промышленных центрах, но и далеко за этими пределами, вплоть до самых деревень...»

С трибуны IV конгресса Коминтерна Ленин называет рабфаки в числе наших первостепенных достижений.

— Основаны советские школы, рабочие факультеты, несколько сотен тысяч молодых людей учатся, учатся, может быть, слишком быстро, но, во всяком случае, работа началась, и я думаю, что эта работа принесет свои плоды. Если мы будем работать не слишком торопливо, то через несколько лет у нас будет масса молодых людей, способных в корне изменить наш аппарат.

Предвидение Ленина оказалось вещим.

НАША ЖАННА Д'АРК

Однажды на квартире академика Островитянова я встретился с женщиной, лицо которой показалось знакомым. Сразу же припомнил — видел ее на днях на экране телевизора. В передаче, посвященной ветеранам танковой бригады, прославленной в Отечественную войну.

— Знакомьтесь, — предложил Константин Васильевич, — вы пишете очерк о рабфаках, а Нина Митрофановна Катунцева закончила серьезное исследование на ту же тему.

И вот ветеран Отечественной, бывшая санинструктор медсанбата, о ратных подвигах которой я уже знал из телепередачи, делится результатами своего кропотливого научного поиска.

За годы существования рабочих факультетов высшая школа получила от них около миллиона подготовленных студентов. Окончив вузы, они стали активными строителями нового, социалистического общества. Все это, конечно, не сразу, не вдруг.

Из рабфаковца получался дельный, знающий специа-

лист после восьми — десяти лет напряженной учебы. Но это, несомненно, была кратчайшая дорога для рабочих и крестьян к высшему образованию. По ней, кстати сказать, пришла в вузы основная масса студентов-коммунистов. Благодаря рабфакам изменился социальный состав нашей интеллигенции, неизмеримо ускорились темпы ее подготовки. И к концу второй, довоенной, пятилетки проблема кадров в СССР была в основном решена.

В рабфаках больше не ощущалось нужды. Последним закрылся 1 октября 1941 года первенец Коммерческого института. На входной двери кто-то написал размашисто мелом: «Все ушли на фронт».

— Нина Митрофановна, а что побудило вас заняться рабфаками? Их значение в истории Советского Союза?

— Не только. Наш опыт строительства рабфаков имеет и поныне актуальное значение для стран, строящих социализм, и в особенности развивающихся стран. Он насущно нужен народам, которые хотят быстро создать собственную интеллигенцию из трудовых слоев общества.

Катунцева подтверждает свои соображения примерами. В Чехословакии с 1948 года были открыты своеобразные рабфаки. В том же году Болгария приняла закон «О народном просвещении», предусматривающий создание рабфаков. И ГДР пошла тем же путем: в 1949 году особые курсы по подготовке рабочих и крестьян в вузы были преобразованы в трехлетние рабфаки. В Корейской Народно-Демократической Республике раньше не было ни одного вуза, а сейчас — девяносто девять институтов и один университет. Они успели выпустить сотни тысяч специалистов, преданных народной власти. В подготовке их плодотворно использован опыт советских рабфаков. Да и за океаном, на Кубе, появился рабоче-крестьянский факультет при старейшем в стране Гаванском университете.

— Можно с уверенностью утверждать, — заключает Константин Васильевич, — рабфаки повсюду приближают победу социализма.

Академик Островитянов был не только одним из тех, кто открывал наш первый рабфак. Впоследствии он руководил им многие годы.

— Послушайте наш юбилейный марш,— неожиданно предложил Константин Васильевич, когда я, уже закрыв блокнот и спрятав авторучку, собрался попрощаться с ним.— Сочинен, как мне помнится, к десятилетию рабфака, если не ошибаюсь, студентом Иваном Голубковым.

Чуть припевая, академик молодо начал:

С Урала, Донбасса, с калмыцких степей —
Шинельюю массой клокочущих дней,
Неверной походкой голодной страны,
В кровавых обмотках гражданской войны,
От вихрей сражений, от жара атак —
Учиться в столицу пришли на рабфак.

— А сейчас продемонстрирую вам образец наших частушек.— Громко и заразительно смеясь, Константин Васильевич мелодично запел:

Ой, Дуняша, не учился,
Стал с тобой лирическим,
И на физике зашился
С прессом гидравлическим.

В тон певцу задорно Нина Митрофановна подхватила:

Я же помню: в знанье — сила.
И за мной вдвойне победа,
Полюбила — объяснила...
Закон Архимеда!

Вспомнили также стихи Михаила Светлова о рабфаковке.

— Михаил Аркадьевич едва ли смог бы создать этот маленький шедевр, если бы не приобщился в свое время к нашей рабфаковской семье.— Эта фраза в устах Константина Васильевича прозвучала не без гордости.

— Позвольте,— осмелился я возразить академику.— Насколько мне известно, Светлов учился не на рабфаке, а на литфаке. Поступил в МГУ в двадцать седьмом, вместе с двумя другими комсомольскими поэтами — Михаилом Голодным и Александром Ясным.

— Вот, вот,— Островитянов заторопился с объяснением.— И литфак был тогда в значительной мере рабфаком. Троє комсомольцев приехали с Украины, пишут стихи, талантливы. Анатолий Васильевич и Михаил Николаевич разыскали их, послушали, дали добрый совет: прежде чем прочно войти в литературу, вернее, для того, чтобы в литературу войти как можно прочнее, войдите сперва в учебное заведение, повысьте общую культуру, приобретите необходимые знания. «А куда?» — «Хотя бы на литфак МГУ».— «Но мы не выдержим экзаменов!» — «А вас без экзаменов примут. Посодействуем...» Как видите, из этого вышел толк...

— Вот знаете,— продолжал Константин Васильевич,— любят у нас повторять ленинский наказ комсомолу на третьем съезде: учиться, учиться и еще раз учиться. Во-первых, забывают иногда договорить — не просто учиться, а учиться коммунизму. Во-вторых, забывают упомянуть, что Ленин советовал учиться с гимназической поры, сам учился и учил других. Не переставал направлять на учебу очень многих, даже близких соратников... Стремление постоянно учиться — это в нас, большевиках, ленинская черта... Но мы отвлеклись. Мне известно, что Михаил Светлов часто бывал и на университетском, и на нашем рабфаке, беседовал, выступал. Рассказывали мне и такую деталь: пришел он однажды на свидание в условленное место, а девушки нет. Что такое случилось?

Заглянул к ней в рабфаковское общежитие. Сидит она за столом, голову уронила на раскрытую книгу, спит. Книга, кажется, была учебником по истории Франции... Так в его воображении рабфаковка уподобилась Жанне д'Арк...

Тут Константин Васильевич поднялся с кабинетного кресла во весь свой высоченный рост и начал с пафосом декламировать:

Барабана тугой удар
Будит утренние туманы,—
Это скакет Жанна д'Арк
К осажденному Орлеану.

Двух бокалов влюбленный звон
Тушит музыка минуэта,—
Это празднует Трианон
День Марии-Антуанетты.

Когда вскочила со своего стула легкая, маленькая, очень женственная сероокая Нина Митрофановна, я не заметил. Но в кабинете вдруг зазвенел ее голос высокого тембра:

В двадцать пять небольших свечей
Электрическая лампадка,—
Ты склонилась, сестры родней,
Над исписанною тетрадкой...

Упавшим, будто охрипшим голосом после нескольких строф о французской героине Нина Митрофановна продолжила:

Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,

На высоких кострах горели.
Также колокол ровно бил,
Затихая у барабана...
В каждом братстве больших могил
Похоронена наша Жанна.

Остались надолго звучать во мне эти строфы еще и потому, что, взглянув на Нину Митрофановну, я увидел в ее глазах слезы. Санинструктор Великой Отечественной пережила гибель многих своих подруг. Помнила и фашистские костры, на которых жгли наших воинов, и виселицы, и братские могилы, куда, смиряя сердечную боль, прощально бросала горсть земли. Она знала: все, кто погиб, не достиг того, о чем мечтал, к чему влекли надежды и стремления. Любой из них — недоучился...

Видимо желая придать беседе иной, бодрый, мажорный, тон, маститый академик постарался «сменить пластинку».

— Мне лично в подарок, — заявил он, — прислал свое стихотворение бывший рабфаковец, ставший врачом. Кажется, даже хирургом. А по фамилии, если не ошибаюсь, — Молчанов... Характерна в стихах индустриальная направленность. Нет ни скальпеля, ни пинцета, ничего специфически медицинского... Зато фигурирует более важный, я бы сказал, универсальный и необходимый инструмент.

— Какой же? — полюбопытствовала Катунцева.

— А вот послушайте! — И Константин Васильевич продекламировал:

Ты вчера рукой рабочей
Резал солнечную сталь,
Чтоб скорей во мраке ночи
Засияла людям даль.
А сегодня взял ты в руки
Новой мудрости резец —
Правду ленинской науки,
Лучшей жизни образец.

— Так это не врач, а поэт... — И Нина Митрофановна продолжила раздумчиво. — Мне встречались произведения Молчанова, не тот ли?

В ответ Константин Васильевич неуверенно покачал головой:

— А кто его знает... Имя в голове не улеглось, а письмо из моего архива раздобыть — как иголку в стоге сена...

После невольной паузы мы стали припоминать, кто через рабфаки вошел в литературу. Немало поэтов, писателей. Достаточно привести имена Мусы Джалиля, Александра Фадеева.

— А сколько рабфаковцев сумело взобраться на Монблан науки! — Константин Васильевич перечислял: — Академики Цицин, Жаворонков, Максим Павлович Ким, который, кстати сказать, оказал большое влияние на Нину Митрофановну — ведь она его ученица. Рабфаковцами были и члены-корреспонденты Самарин, Коршак, Красильников, Шусткин... Всех перечислить невозможно. — Широко распахнув руки в стороны, досказал: — Они повсюду! В народном хозяйстве, во всех областях культуры. Это золотой фонд советской интеллигенции. Рабфаки открыли народу дорогу из нужды, забитости и темноты в необъятный и светлый простор.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
КРЕПЧЕ ЖЕЛЕЗА (В. К. Курнатовский)	
С дальним прицелом	8
«Здоровы ли Минин и Пожарский?»	12
Бунт	18
«Дело № 479»	22
На трибуне Фридрих Энгельс	27
Из Цюриха... в сибирскую ссылку	38
Общие токи	44
Щедрость на доброту	50
Партийная «путевка»	56
Встреча после долгой разлуки	62
Готовность помочь	67
ИЗ БУРИ В БУРЮ (Г. И. Ломов)	
В головном отряде	74
Еретические мысли	80
«Детский сад»	89
«Догоняй, Нат Пинкerton!»	90
«Бараны» и «коэлищи»	93
Последнее слово подсудимого	96
Идейная дружба	99
Юбилей печатного слова	103
Епископ и чайная	108
Еще одна символическая баррикада	112
«Вольная гимназия»	115

«...Правительство спешит на уступки»	118
К баррикадам настоящим	119
Таинственный «Ъ»	125
Ближе к Ленину	128
Вторая Общероссийская	132
Провал	136
Аудиенция у министра	141
Обаяние мастерового	147
Пауза	155
Опять ссылка	158
Рядом с Лениным	162
 МНОГО ЖИЗНЕЙ — В ОДНОЙ	
(П. А. Джапаридзе)	
Делегат без мандата	174
По крутым ступеням	179
Неистовый Алеша	181
Забастовщики уходят в горы	186
Тайные гости	190
Университет борьбы	192
Энергия и преданность	197
«Выполнял решение. Вот и все...»	200
Ленинский курс	204
«Работа идет вовсю...»	211
Приговор провокаторам	214
Верные кунахи	220
Первый критик	225
Вслед за Лениным	227
«Жизнь моя!»	232
Расставанья не было	240
Уверенность внушает Ленин	245
«Алешу... Алешу... ему доверяем!»	253
 РОЖДЕНИЕ НОВОГО МИРА	
(И. М. Губкин)	
Жажда чуда	256

Одаренность и упорство	258
В скромной квартирке на Песках	260
Приобщение к революции	266
Все доказал — ничего не достиг	269
Разоблачение хищников	275
Скорее домой!	277
Добрые вести Джона Рида	282
Быть нужным стране	287
Убедительный аргумент	290
«Обращайтесь ко мне непосредственно»	294
Два часа с Лениным	298
Дружеское расположение	304
Уроки Ильича	307
Однажды и навсегда	309
Единственная опора	313
Без кандидатского стажа	319
Его крылья	320

ДОРОГА В ПРОСТОР

(М. Н. Покровский)

Там, где бушевали страсти	324
Первый советский	325
Особый факультет	327
Красный профессор с пикой	329
Кажущееся спасение	331
Рабфак!	332
Такое не забывается	334
Гость издалека	337
Масштаб похода — вся страна	338
Первостепенное достижение	340
Наша Жанна д'Арк	342

Лев Давыдович Давыдов
ВЫСОКОЕ СТРЕМЛЕНИЕ

Заведующий редакцией *К. К. Яцкевич*
Редактор *А. В. Горенков*
Художник *Г. И. Колоскова*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *И. А. Золотарева*

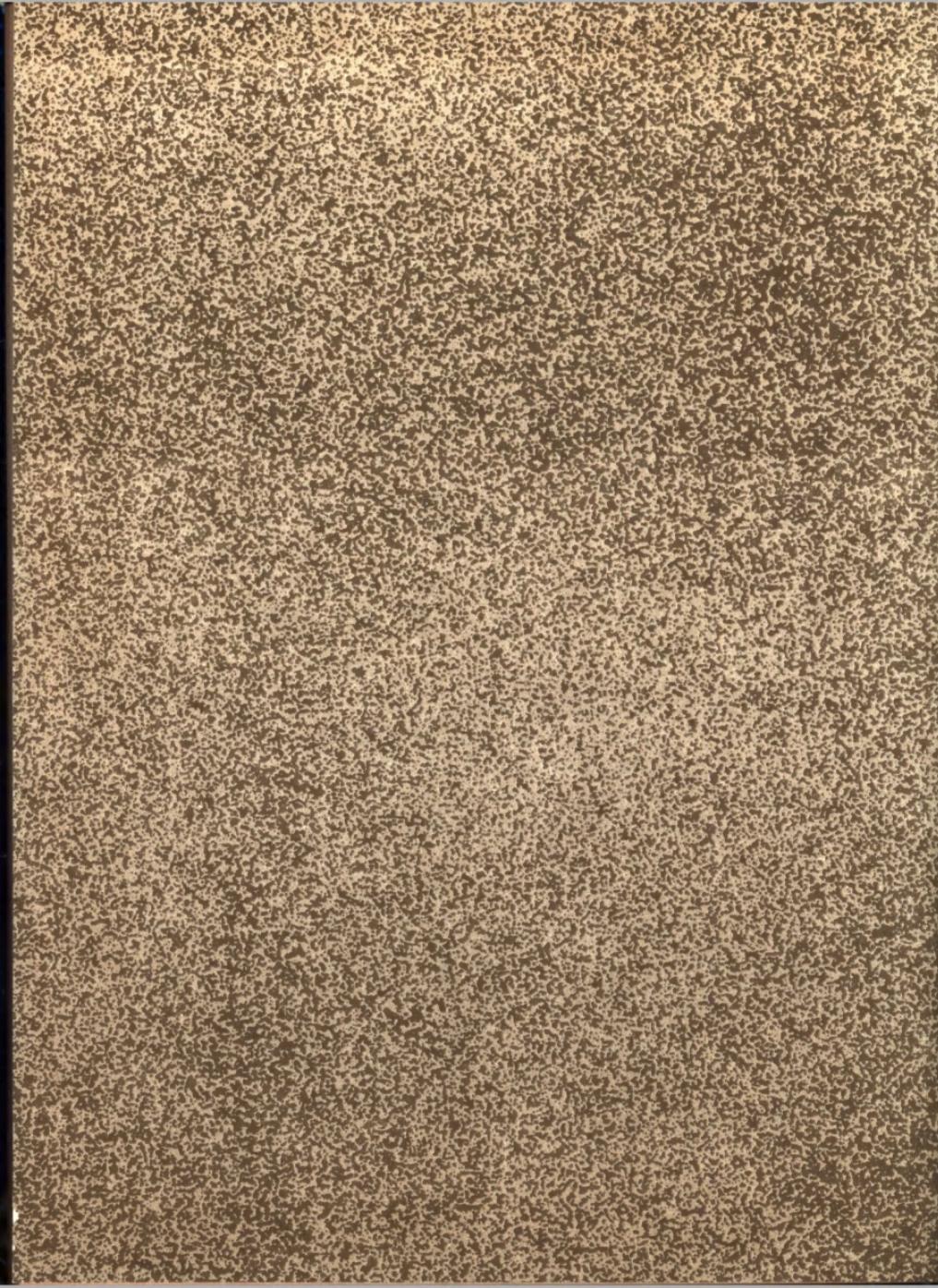
ИБ № 4001

Сдано в набор 18.10.84. Подписано в печать 18.04.85.
A00077. Формат 70×108^{1/32}. Бумага книжно-жур-
нальная офсетная. Гарнитура «Литературная». Пе-
чать офсетная. Усл. печ. л. 15,40. Усл. кр.-отт. 16,10.
Уч.-изд. л. 15,44. Тираж 140 тыс. экз. Заказ № 4937.
Цена 65 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миус-
ская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

65 к.

КРЕПЧЕ ЖЕЛЕЗА

(Виктор Курнатовский)

ИЗ БУРИ В БУРЮ

(Георгий Ломов-Оппоков)

МНОГО ЖИЗНЕЙ – В ОДНОЙ

(Алеша Джапаридзе)

РОЖДЕНИЕ НОВОГО МИРА

(Иван Губкин)

ДОРОГА В ПРОСТОР

(Михаил Покровский)

THE CROWN OF THE
WORLD IS A
CROWN OF
THORNS.